

ПУТЬ К БЕРЛИНУ

МИХАИЛ
СЛОБОДЯН

Berlin

**МИХАИЛ
СЛОБОДЯН**

**ПУТЬ
К БЕРЛИНУ**

Львов
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАМЕНЯР»
1987

Михаил Онуфриевич Слободян

ПУТЬ К БЕРЛИНУ

Львов: Каменяр, 1987.— 120 с.

Рецензенты: Г.А. Куманев, доктор исторических наук; В.Б. Сеоев, кандидат исторических наук

В документальной книге бывший политработник 6-й (27-й гвардейской) мотострелковой Черновицкой Краснознаменной, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого бригады рассказывает о самоотверженности и мужестве товарищей по оружию, с которыми освобождал от гитлеровских захватчиков родную землю, в том числе Хмельничину, Тернопольщину, Львовщину.

СОДЕРЖАНИЕ

Становление.....	4
На Ржевском выступе	7
Южнее Обояни	22
Здравствуй, Украина!	35
Из-под Житомира — на Винничину.	52
Через родное село	61
Жаркое лето	72
На маршруте передового отряда	83
Выход к морю.....	93
Последняя битва.....	99
В сердцах наших	114

В этой книге бывший армейский политработник и журналист М. О. Слободян рассказывает о боевых подвигах воинов 6-й (27-й гвардейской) мотострелковой Черновицкой Краснознаменной, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого бригады, знакомит со многими героями, прославившими себя на полях сражений с врагом.

Многие из описываемых здесь событий мне хорошо известны, так как в то время я был командиром 11-го гвардейского танкового корпуса, затем заместителем командующего 1-й гвардейской танковой армии.

Вместе с танковыми соединениями, входившими в состав корпуса, мотострелковая бригада внесла большой вклад в разгром врага. Она прошла нелегкими фронтовыми дорогами от Подмосковья до Берлина, принимала активное участие в освобождении от гитлеровцев многих городов и сел. Воины бригады доблестно сражались даже тогда, когда временное отсутствие автотранспорта превращало ее в обычную, немоторизованную пехоту. За отличные боевые действия и высокое воинское мастерство Верховный Главнокомандующий 22 раза объявлял благодарности личному составу корпуса, в том числе и воинам бригады. С выходом этой книги героическая летопись Великой Отечественной войны пополнилась еще одной яркой страницей.

А. Л. Гетман, генерал армии, Герой Советского Союза.

[3]

СТАНОВЛЕНИЕ

— Красной Армии,— сказал комиссар полка, обращаясь к группе замполитруков, приглашенных к нему на собеседование,— нужны опытные политработники. Вы успели понюхать пороху, имеете некоторый опыт работы с людьми...

В числе приглашенных был и я. Спустя недели три, сразу же после присвоения звания «младший политрук», меня вызвали в Политуправление Приволжского военного округа. Поздним вечером дошла моя очередь на прием к начальнику отдела кадров.

— Ответственный секретарь политотдельской и районной газет, полковой многотиражки,— бегло просматривая мое личное дело, не то переспрашивал, не то перечислял он занимаемые мной должности.— Замполитрука батареи, Комиссар танковой роты... А куда бы сейчас пожелал?

— Снова в артиллерию или в танковые войска.

— Таких вакансий пока нет. Единственное место, которое могу предложить, — секретаря политотдела мотострелковой бригады, входящей в состав танкового корпуса.

Через несколько минут — я даже не успел выкурить самокрутку — начальник вручил мне командировочное предписание, требование на проезд по железной дороге. Во второй половине апреля 1942 года я уже был на новом месте военной службы — в одном из районных городов Саратовской области, где формировалась мотострелковая бригада.

Штаб бригады размещался в городском Доме пионеров. Личный состав бригады — на редкость: почти все, за небольшим исключением, вчерашние курсанты военно-авиационных училищ, будущие штурманы, младшие авиаспециалисты. Многим совсем мало оставалось до окончания учебы, но что поделаешь, армия испытывала острую нужду в совершенно иных родах войск, больше, видимо, в то время нужна была пехота.

Первым, с кем я познакомился в штабе бригады, был помощник начальника штаба по учету личного состава младший лейтенант Терешков¹ [4]

В политотделе застал агитаторов Т. Г. Гусева и П. А. Колотилина, инструкторов Андреева и Трошкина, Никто из них раньше в политорганах не служил. Сугубо штатские люди, они срочно осваивали новое для себя дело. Что и как, с чего начинать — подсказал недавно прибывший батальонный комиссар Карасев. Он немало помог и вновь назначенному начальнику политотдела, тоже штатскому, выпускнику Института красной профессуры Гурову. Один лишь комиссар бригады, старший батальонный комиссар В. Я. Марков принадлежал к числу военных, прошедших большую жизненную школу в рядах Красной Армии.

Через несколько дней к нам в политотдел зашел полковник в кожанке, представился:

¹ Здесь и далее имя и отчество людей (там, где они не указаны) установить не удалось.— Автор

— Полковник Комолов, командир бригады.

Познакомился со всеми, вместе с Марковым побеседовал с каждым работником политотдела, напомнил о скором отъезде в действующую армию, о стоящих в связи с этим перед нами задачах.

Во время следования подразделений бригады к новому месту сосредоточения все политотдельцы находились в ротах и батареях.

Чтобы передислокация прошла как можно успешнее, многое сделал батальонный комиссар Карасев. Ежедневно посещая политотдел, он всячески помогал в налаживании партийно-политической работы — проводил инструктажи и семинары, индивидуальные собеседования, делился своим богатым опытом, а в свободное время забавлял нас виртуозными сольными концертами на саратовской гармошке. Признаться, все мы к нему успели так привыкнуть, что было очень жалко расставаться. Но пришло время — никуда не денешься. На прощанье по устному указанию Карасева старший политрук Гусев написал в двух экземплярах под копирку первое за время существования политотдела и первое в своей жизни политдонесение — обстоятельный доклад Политуправлению округа о формировании 6-й мотострелковой бригады и политико-моральном состоянии ее личного состава.

...За Юхновым в нескольких десятках километров от нас не утихали бои, полыхало багровое зарево.

Комбриг Комолов предусмотрительно расставил вдоль опушки и на полянах орудия зенитного дивизиона. Глядя на зенитчиков, с помощью обычных повозных колес повернул к небу стволы своих семидесятишестимиллиметровок, предназначенных для ведения огня по наземным целям, находчивый командир артдивизиона капитан Григорий [5] Григорьевич Горелов. Захлопали зенитки, заухали наземные пушки.

Пока мы переезжали с места на место, в подразделениях бригады заполнялись последние вакансии комсостава. На должности командиров рот были назначены П. М. Аксенов и И. А. Сошка, командира батареи — С. К. Лебедев, командиров взводов — П. С. Станевский, Н. И. Татаринев, М. Ф. Шереметов, М. Ф. Щербаков. На должности военврачей батальонов прибыли В. П. Баженов и Б. И. Хавин, оперуполномоченного особого отдела — С. Е. Ефимов, начальника штаба батальона — Н. Р. Романов, начальника инженерной службы батальона — Н. М. Поляков. В один из батальонов получил назначение на должность заместителя комбата Е. Я. Овчинников, комсорга — А. П. Орлов, авто-техника роты техобеспечения — В. И. Щербаков. Из числа сержантского состава были выдвинуты помощники командиров взводов А. П. Исупов, А. С. Избиенов, С. Ф. Трутнев.

Произошли изменения в политотделе. Заболел начальник политотдела Гуров. Вместо него прибыл батальонный комиссар Ярмаш. Поскольку на новом месте не оказалось инструктора Трошкина, Политуправление Западного фронта направило сюда батальонного комиссара Г. М. Павленко. Но вскоре нашел нас и Трошкин. Теперь он стал политруком медико-санитарного взвода.

Планомерно, последовательно шел процесс становления соединения как боевой единицы 6-го танкового корпуса. Каждый отчетливо понимал: в одном

строга с танкистами мотострелкам предстоит пройти через тяжелейшие сражения долгий и нелегкий путь. Находясь в подразделениях, командиры и политработники прилагали немало усилий для обучения и воспитания своих подчиненных, старались проводить каждое занятие как можно более приближенным к боевой действительности. Боевая обстановка, как правило, воспроизводилась в деталях — так, как было, как могло быть в сражениях.

Просто, по-товарищески разговаривал с воинами генерал А. Л. Гетман. Он всегда умело отбирал из своего боевого опыта (а он был немалым — сражения у стен Москвы, под Каширой, Тулой, Ясной Поляной, Калугой, в которых возглавляемая им 112-я танковая дивизия принимала активнейшее участие) все наиболее ценное, что следовало бы учесть и при необходимости применить в предстоящих боях. Умению комкора общаться с людьми могли позавидовать многие наши командиры и политработники.

Итак, вот-вот — первый бой. Бригада солидная: три [б] мотострелковых батальона, артиллерийский и зенитный дивизионы, минометный батальон, роты управления, разведки, автоматчиков, инженерно-минная, автомобильная, технического обеспечения, противотанковых ружей, медсанвзвод.

Мы были готовы к боям.

НА РЖЕВСКОМ ВЫСТУПЕ

Во время наступления наших войск зимой 1941 — 1942 годов под Москвой фашистские полчища понесли огромные потери. Но при этом все же сумели закрепиться восточнее города Гжатска, населенных пунктов Быково, Карманово, Погорелое Городище, восточнее, севернее и западнее Ржева, западнее Белого. В линии фронта, таким образом, возник довольно большой угрожающий выступ. К августу 1942-го пришло наконец время его срезать. В числе соединений, призванных это сделать, был и наш 6-й танковый корпус. Нам предстояло участвовать в боевой операции, получившей впоследствии название Ржевско-Сычевской.

2 августа наша 6-я мотострелковая бригада заняла исходный район для наступления. В подразделениях состоялись партийные и комсомольские собрания, включились в работу агитаторы. Они объясняли бойцам, что наступая на Ржевский выступ, мы тем самым помогаем доблестным защитникам Сталинграда остановить гитлеровские полчища и разгромить их.

В связи с тем, что испортилась погода и дороги размыло, наступление началось двумя днями позже — не 2 августа, как предполагалось, а 4-го.

Из-за горизонта еще не поднялось солнце, но его яркие лучи уже посеребрили вершины елей. Когда рассеялся слабый утренний туман, за передним краем показался обрывистый берег реки. Царила непривычная тишина, и не хотелось верить, что вот-вот она взорвется оглушающим громом.

Вдруг небо прочертили оранжево-голубые стрелы «катюш», всей своей мощью ударили по врагу сотни орудий и минометов, поднялись в небо эскадрильи самолетов. Полтора часа длилась артиллерийская и авиационная подготовка. Оборона гитлеровцев в районе Погорелое Городище — Карманово была прорвана. Корпусу предстояло войти в образовавшуюся брешь. Один мотострелковый батальон нашей бригады вместе с 100-й танковой бригадой составил передовой отряд.

Танкисты, замаскировав свои машины, ждали сигнала к [7] наступлению. На броне — десантники-мотострелки. К танку, экипаж которого составляли механик-водитель старшина Ф. П. Корнецов, сержант А. И. Богданов и стрелок-радист С. И. Волков, подходит комиссар 100-й бригады — батальонный комиссар П. Ф. Кунченко, взбирается в машину.

— Ну как, хлопцы, все готово к атаке?

— Так точно! — коротко отвечает Корнецов.

Убедившись, что все в порядке, комиссар приоткрывает башенный люк и стреляет из ракетницы. Прошипев и оставив за собой полосатый дымовой след, ракета вспыхивает над вражескими позициями.

Ведя огонь с коротких остановок, «тридцатьчетверки» приближались к переднему краю противника. Вдруг им навстречу выбежал разведчик 6-й мотострелковой бригады Николай Евдокимов и поднял руку.

— В чем дело? — спросил комиссар.

— Товарищ комиссар, — скороговоркой докладывал боец, — посмотрите, совсем близко от нас окопы немцев. А за ними, присмотритесь, едва заметен бугор. Там замаскирован миномет.

Разведчик торопливо вытер рукавом гимнастерки вспотевшее лицо, продолжил:

— А левее села из погребка стреляла пушка. Примите к сведению...

Низко пригибаясь, он поспешил к своим мотострелкам, поднявшимся в атаку, а механик-водитель, «приняв к сведению» сообщения разведчика, повел танк на вражеские окопы. Батальонный комиссар открыл интенсивный огонь из пушки, а Богданов — из пулемета.

Танкисты наблюдали, как посланные ими снаряды, ударяясь о бруствер, поднимали облака дыма и пыли, а осыпавшаяся земля хоронила гитлеровцев в блиндажах и траншеях. После прицельного обстрела вражеского переднего края танкисты перенесли огонь на указанные Евдокимовым огневые точки. Несколько прямых попаданий — и над местом, где стоял миномет, взметнулся султан огня и густого черного дыма...

Почти до полудня «тридцатьчетверка» вела прицельный огонь по фашистам. Когда вокруг нее все чаще стали рваться снаряды и мины, а по броне застучали пули от автоматных и пулеметных очередей, мотострелки спешили. Вскоре налетел рой «юнкеров», низко пикируя и сбрасывая осколочные и фугасные бомбы. Танкисты быстро сообразили, как отвлечь от себя внимание, — выбросили из [8] люка несколько дымовых шашек и гранат. Хитрость удалась. Фашисты, поверив, что танк загорелся, прекратили обстрел и бомбежку.

Тогда Кунченко приказал вновь открыть огонь.

В этом бою экипаж танка уничтожил расчеты шестиствольного миномета и артиллерийской пушки, а вместе с мотострелками нашей бригады — несколько десятков вражеских солдат и офицеров.

Продвигаемся вперед медленно, с остановками. Фашисты, отходя на заранее подготовленные рубежи обороны, оказывают яростное сопротивление. Бригада идет в составе первого эшелона. Ливни не прекращаются. Дороги — сплошное месиво. Ступать на густо заросшую травой землю нельзя — мины. Справа и слева от дороги — трупы. В небе, истошно каркая, кружатся вороны...

В начале наступления форсировали реку Дежу, теперь на пути Вазуза — побольше, поглубже, с крутыми берегами. После короткой артподготовки танкисты и мотострелки, разгромив и отбросив фашистов на противоположный берег, начали ее форсировать. Пока саперы сооружали мост, почти половина бригады уже успела переправиться, остальные двинулись по мосту, за ними — танки. Две бригады — 6-я мотострелковая и 200-я танковая, не задерживаясь, начали наступление на Гредякино, Щеколдино, Кортнево. Продвинулись на два-три километра — снова сопротивление.

Первый удар принял на себя 3-й батальон. Фашисты пустили на него 28 танков с пехотой. Но воины не дрогнули. С ними неотлучно находился их комиссар, старший политрук Н. Д. Дружинин, успевший лично уничтожить 14 гитлеровцев. Уже раненный, он продолжал руководить боем, отмахнулся от подбежавшего к нему фельдшера З. И. Красовицкого: «Не уйду, не могу уйти, не имею права!»

Заняв в боевых порядках батальона оборону, мужественно сражались огневые расчеты 1-й батареи артиллерийского дивизиона. Не отставали от артиллеристов пэтээровцы А. Н. Азаров, А. Д. Родионов, А. И. Федотов, Г. А. Гераскин. У каждого на счету по несколько подбитых танков.

Враг подтянул подкрепление. И наши воины сражались не столько числом, сколько умением. Действовали из укрытий. Подпускали гитлеровцев как можно ближе и били в упор, наверняка. Из 28 надвигавшихся на батальон танков бронбойщики подбили 12. Взвод лейтенанта А. Ф. Юрова [9] отсек от танков пехоту и уничтожил почти целую роту фашистов, Батальон в этот день успешно отбил все контр атаки, способствуя удержанию маленького клочка земли — плацдарма, захваченного танковым корпусом на противоположном берегу Вазузы.

Ночью во всех подразделениях прошли короткие партийные и комсомольские собрания, политбеседы с бойцами. Подводились итоги первых боев, определялись задачи на ближайшее будущее. И везде звучал один призыв; «Разгромим врага на своем участке фронта и тем самым поможем героям — защитникам Сталинграда!»

Рассвет 7 августа озарился огненными стрелами «катюш», оглушил пронзительным воем снарядов и бомб, пулеметной и автоматной трескотней. Начался новый бой. Только что под Гредякино вырвалось вперед одно из подразделений бригады. Немцы — в контратаку. Контратака ценой огромных усилий отбита, наши снова занимают свои позиции. Но снова удар, сильнее

прежнего. Мотострелкам бы на этот раз не устоять, но выручают вовремя подоспевшие танки 200-й танковой бригады. Никакое сражение не обходится без потерь. Их понесла и 6-я мотострелковая бригада. Ряды атакующих заметно редели.

Полегло за эти дни много. Во время первого налета на только что вошедшую в прорыв колонну танков и автомашин погиб бригадный комиссар В. Я. Марков. Когда бомбардировщик пикировал на его «эмку», он не искал спасения ни в кювете, ни за близко стоявшими деревьями. Мгновенно оценив обстановку, Марков, а за ним и шофер быстро вскинули автоматы. Стоя у машины, они почти в упор длинными очередями ударили по «Юнкерсу». Били по нему и бригадные зенитки. Вспыхнув и не выйдя из пике, «юнкере» со страшным воем врезался в землю недалеко от «эмки»...

Похоронили мы Маркова и его шофера в нескольких километрах от переднего края, у большака, изрытого огромнейшими, еще дымящимися воронками. Согласно топокарте, это место — окраина деревни Старый Березуй. Видны же были лишь одни пепелища.

Пока хоронили, налетов вражеской авиации не было. Но только отошли от холмиков, как в безоблачном небе, как обычно, со стороны яркого августовского солнца послышался монотонный тяжелый гул «хейнкелей». И тут же с большой высоты завывли бомбы.

— Бежим! — воскликнул связной роты управления старшина Семен Гребенщиков, но не побежал. Бежать куда-то [10] не имело смысла. Ведь предположить, в какое именно место упадет бомба, никто не мог. Укрытий еще не успели сделать. Оставалось единственное — прижаться к земле. И мы падали на землю, обильно смоченную прошедшими дождями. Бомбы рвались совсем рядом, осыпая лежавших комьями земли и осколками. Одна из них ухнула рядом с могильным холмиком.

— О господи! — огорченно изрек пожилой усатый солдат, — Ни живым, ни мертвым покоя нет... В гражданскую, когда воевал в Первой Конной, такого не было...

— Ничего, мы еще дадим им прикурить, — уверенно сказал круглолицый, плотно сбитый паренек. — До Берлина ой-ой-йой далеко как!

— Ну, конечно, дадим, разве я спорю? И праздник на нашей улице будет. А сейчас давай лучше махорочки иль табачку... Да газетку свежую не мешало бы посмотреть. У тебя их, вижу, целый ворох. Почтальон, что ли?

— Почтальон.

С началом наступления для библиотекаря-почтальона Васи Вязанкина доставка газет и писем намного усложнилась. Полевая почта часто меняла место расположения, найти ее было не так-то просто. К тому же специального транспорта у него не было. Добираться приходилось на попутных машинах или пешком. Иногда выручал мотоцикл с коляской, обслуживавший ПСД — пункт сбора донесений. Вася всегда находил выход, почта поступала в бригаду регулярно. Многим однополчанам он делал и другую, не менее важную услугу — отправлял в разные концы страны денежные переводы.

За Вазузой на плацдарме 8—9 километров по фронту и до 3 километров в

глубину продолжались ожесточенные бои. Наша политотдельская полуторка переправилась на ту сторону, вместе со штабом бригады развернула работу. Собирали и обобщали поступающую из подразделений информацию, отправлялись на командные пункты и там, в непосредственной близости от передовой, принимали отличившихся воинов в партию и комсомол, оформляли и вручали им партийные и комсомольские документы, сочиняли, размножали на пишущей машинке и распространяли лаконичные листовки «Передай по цепи», «Прочитав, передай товарищу».

За Вазузой положение было не очень надежное. Гитлеровцам подбросили подкрепление, и они могли в конце концов столкнуть наши истощенные части с трехкилометрового плацдарма (плацдарм насквозь простреливался [11] артиллерией). Поэтому комбриг распорядился на всякий случай отправить штабные и политотдельскую машины обратно на восточный берег.

Не прекращались массированные налеты с воздуха. На подступы к переправе, саму переправу и плацдарм, включив сирены, с душераздирающим воем один за другим бросались «юнкеры», или, как их называли, «музыканты», сыпали скопом тяжелые бомбы «хейнкели». Хлопали, конечно, в ответ зенитки, но им почему-то редко удавалось достичь цели. Наши же истребители появлялись в небе лишь иногда. Вся наша авиация находилась под Сталинградом.

Вражеские контратаки не прекращались. Особенно тяжелое положение сложилось под Холмом-Березуйским. Отбивая атаки наседавших немцев, погиб смертью храбрых комиссар 1-го мотострелкового батальона старший политрук Романов, тяжело ранены командир, начальник штаба. А немцы насаждают пуще прежнего, вот-вот собьют мотострелков с занимаемых позиций. Бойцы осматриваются — кто же их возглавит в критическую минуту, кто примет на себя командование? Нужен командир! Без командира не устоять.

Вдруг перед уже дрогнувшей цепью, словно из-под земли, вырос начальник инженерной службы лейтенант Бозбей.

— Стой! Ни шагу назад! — властно крикнул он. — За мной, вперед! За Родину! За комиссара!

И, вскинув вверх руку с пистолетом, бросился вперед. За ним последовали остальные. Контратака была отбита. Положение восстановлено. В других ротах случилось то же самое: когда вышли из строя командиры рот, одну из них повел на отражение контратаки политрук Н. С. Брюзгин, вторую — замполитрука Игорь Сторожук.

В боях за Вазузой погибли командир взвода связи лейтенант Коростылев, лейтенант Прохоров, много других воинов. Из находившихся в батальонах политотдельцев тяжелое ранение получил старший политрук П. А. Колотилин. Вместо него пришел журналист из Белоруссии младший политрук Б. А. Томус.

Упорные бои за Вазузой бригада вела до 11 августа. Затем последовала новая задача: в составе корпуса нанести удар в районе реки Гжать, западнее Карманова. Наша бригада совместно с 200-й танковой должна была наступать во втором эшелоне на Бургово — Романово. 2 сентября после залпов «катюш» и короткой артподготовки наступление началось. Но неудачно — танки

оторвались от пехоты, [12] пехота из-за этого не смогла закрепиться на достигнутом рубеже, пришлось отойти обратно.

Очередная задача — поддержать наступление наших войск под Зубцовом. Сосредоточившись за ночь южнее существовавших лишь на картах Старого Березуя и Гнездилово, 9 сентября бригада заняла исходные позиции в районе Михеево. 6-ю мотострелковую бригаду в то время уже возглавлял полковник Илларион Тимофеевич Есипенко. Он, как и вчерашние курсанты военно-воздушных училищ, тоже воевал «не по специальности». Темно-синий околыш фуражки, такого же цвета окантовка одежды и петлицы с подковой, два ордена Красного Знамени на груди, наконец, почтенный возраст (ему было тогда под пятьдесят, и нам, юнцам, он казался стариком) — все это говорило о принадлежности полковника к лихим кавалеристам, героям гражданской войны.

Уже в первые дни командования бригадой полковник Есипенко проявил свои командирские качества. Случилось так, что две танковые бригады, наступая в направлении села Михеево, попали под ливневый огонь фашистов. Тогда комбриг поднял в атаку своих воинов-курсантов:

— Друзья, поможем танкистам!

Увидев вырвавшегося вперед командира бригады, бросились на врага все, кто в ту минуту был поблизости от него, даже те, кому по долгу службы вроде бы и не полагалось — красноармейцы обслуживающих подразделений, интенданты, оружейники, музыканты.

Во главе с полковником они ворвались на вражеские позиции, разгромили немецких автоматчиков и истребителей танков.

— Ну как? — слышу охрипший голос Томуса.

— Храбрый человек, — ответил старшина Вязанкин. — С таким никакой черт не страшен...

Забегая вперед, следует сказать, что И. Т. Есипенко еще не раз удивлял бойцов кавалерийской удалью и незаурядным умением ведения современного боя.

В атаке на Белогурово особо отличился сержант М. М. Морозов. Опередив комбрига, он первым ворвался на вражеские позиции, забросал ближайšie окопы гранатами. Тут подоспели и другие красноармейцы. Через какое-то мгновение вокруг них уже лежало 15 трупов. Оставшиеся в живых бросились наутек. Но далеко не всем фашистам удалось убежать. Трех Морозов пленил.

Храбро сражались и воины мотострелковой роты под командованием лейтенанта А. А. Клинского. Первым на [13] своем участке ворвалось на позиции противника отделение комсомольца И. М. Секачева. Брошенные мотострелками гранаты вызвали в стане врага панику. Убегая, фашисты оставили в окопах свои пулеметы. В этой схватке они потеряли десять солдат и офицера. Бойцы других отделений захватили подбитый танк, склад оружия и боеприпасов ценные штабные документы, 13 гитлеровцев взяли в плен.

Отличилась санинструктор Марфуша Рубан. Она вынесла из-под огня десять раненых и 30 раненым оказала на поле боя первую медицинскую помощь.

Короткий бой был успешным. Как фашисты ни сопротивлялись, на какие хитрости ни шли, Белогурово и Зубарево удержать не смогли.

В бою за Михеево против наших наступающих соединений и частей корпуса фашисты пустили бронепоезд. По приказу комкора генерала А. Л. Гетмана полковник И. Т. Есипенко бросил наперерез поезду один из наших батальонов. Перехватив железную дорогу, мотострелки остановили поезд, и он был лишен возможности оказать помощь своему михеевскому гарнизону.

Во время наступления захватили пленных. Держатся высокомерно, на вопросы отвечают сквозь зубы.

— Что вы с ними разговариваете? — с нескрываемой ненавистью сказал красноармеец со шрамом на лице.— Уничтожать их, гадов, надо беспощадно, всех до единого! Я вот...— и он замахнулся на пленного.

Но Вязанкин остановил его.

Красноармейца со шрамом нетрудно было понять. Он здешний, из Погорелого Городища. Эсэсовцы убили его жену и маленькую дочурку и бросили их в колодец...

Во время боев за село Михеево командный пункт бригады разместился на западной опушке соснового бора. В нескольких метрах от штабных машин медсанвзвод развернул большую палатку для приема и обработки раненых. Не смыкая глаз, день и ночь несли свою нелегкую, благородную службу врачи В. В. Чаликов, Е. Г. Солонович, Б. А. Аграновская, Н. А. Артемьева, Г. Н. Шемякина, О. П. Коптева, Найденов, военфельдшер В. П. Боев и другие медработники.

Иногда палатка медсанвзвода служила местом вручения партдокументов — когда во время оформления этих документов вновь принятого в партию задела пуля или осколок.

Как-то у штабной машины нас с Ярмашем задержал полковник Есипенко. [14]

— Слушай, Ярмаш, не найдется ли среди твоих комиссаров подходящего человека, который мог бы взяться за летопись боевого пути бригады?

— Найдется,— после непродолжительной паузы уверенно ответил Ярмаш.

— Кто же? — живо поинтересовался комбриг.

— А вот,— указал на меня начальник политотдела. — Мало одного — порекомендую еще.

После этого мне не оставалось ничего другого, как просить у Г. М. Павленко несколько тетрадей. Начал писать... О храбром и умелом разведчике Николае Евдокимове, которого как отличившегося в боях принимали вчера кандидатом в члены партии. О начальнике боепитания батальона Григории Кравченко, который вместе с шофером Василием Котляром даже в самой сложной обстановке бесперебойно обеспечивал воинов необходимыми боеприпасами. О командире роты противотанковых ружей Б. К. Попове, бесстрашном фельдшере Николае Саволее, автоматчике Григории Шиманском, офицере связи Михаиле Соколове...

— Пишете только обо всем хорошем? — поинтересовался как-то Борис Томус.— А питание, например?

В отношении питания похвалиться действительно было нечем. Кормили нас в то лето неважно. Если не пшенка, то горох, вернее, и то и другое, только в разных вариантах: если на первое суп пшенный, то на второе — пюре гороховое, и, наоборот, к гороховому супу — пшенная каша.

От такой однообразной, бедной витаминами пищи люди болели. Даже жевание свежих хвойных иголок — лечебная и профилактическая мера, к которой прибегали фронтовики, — не всегда спасало от куриной слепоты, авитаминоза и цинги. Иногда удавалось наткнуться в лесу на куст дикой малины, и пока на нем оставалась хоть одна ягодка, никакая сила не могла оторвать от него бойцов.

Постепенно ожесточенные наступательные бои на Ржевском выступе превратились в позиционные. 12 сентября корпус выводится в резерв Западного фронта. Возвращаемся туда, откуда пришли перед наступлением, — под Шаховскую. Бросается в глаза: дороги, ведущие к фронту, улучшены. В болотистых местах вымощены жердями, там, где нет воронок и колдобин, хорошо укатаны.

Быстро бежит, обгоняя то одну, то другую автомашину, наша полуторка с изрешеченным пулями и осколками тентом. Шофер Бискуп улыбается: [15]

— А что, были бы соревнования полуторок на скорость, как у нас в Усть-Лабинской соревнуются казаки на лошадях, первое место гарантирую!

Доехали до перекрестка. Куда дальше? Увидели указатель «Хозяйство Лаврентьева». Понятно: корпус генерала Андрея Лаврентьевича Гетмана. Значит, туда...

После прибытия на место сосредоточения началось подведение итогов боев. Что и говорить, они отрадные, но и потери немалые. И в технике, и особенно в живой силе, Из курсантов авиаучилищ осталось в строю — раз, два и обчелся. Многих командиров и политработников потеряли. Конечно же, гитлеровцы понесли урон куда больший, Но оправданы ли столь большие наши потери? Нельзя ли было их избежать или хотя бы сократить? Было над чем задуматься.

Смотр начался с построения. На бригадном смотре И. Т. Есипенко представил нового военного комиссара Е. Ф. Рыбалко, вручил ордена и медали воинам, наиболее отличившимся в недавних боях. Лейтенанты В. А. Бозбей и А. А. Клинский, сержанты И. М. Секачев и М. М. Морозов получили ордена Красного Знамени. Награждены наводчики противотанковых ружей А. Н. Азаров, Г. А. Гераскин, А. Д. Родионов, А. И. Федотов. Многим воинам вручены почетные грамоты и ценные подарки с надписью «Герою Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками от ЦК ВЛКСМ».

Высоко оценено мужество сотен других воинов.

Восстанавливалась, приводилась в порядок техника. В роте технического обеспечения, которую возглавил старший лейтенант Витко, полным ходом шел ремонт автотранспорта. Наша полуторка тоже преобразилась. Новый шофер, синеглазый Леша Шевченко, где-то раздобыл хороший мотор, почти новые скаты. Вместо брезентового тента ремонтники поставили прочную дощатую будку, вдоль продольных бортов смастерили широкие откидные сиденья, под

которыми располагались ящики, сверху — откидные полки, возле кабины — столик, у входа укрепили маленькую железную печку — солнце-то уже поворачивало на зиму. Парторг 1-го батальона политрук Н. С. Брюзгин поставил захваченный под Михеево трофейный радиоприемник. За ним тщательно стал присматривать киномеханик Леонид Родин. С тех пор по этому приемнику до самого окончания войны политотдельцы каждый день принимали сводки Совинформбюро и, размножив, рассылали в подразделения. [16]

Продолжался прием в партию и комсомол, выдача партийных и комсомольских документов. В свободное время я помогал в этом батальонному комиссару Г. М. Павленко.

Политотдельцы писали письма родным погибших воинов — о том, как они воевали, как погибли, где похоронены. Инженерно-минная рота соорудила зимние жилища — землянки. Прибыло пополнение. В погожий осенний день веселой гурьбой спорхнула с машин целая рота девушек-комсомолок из Москвы и Подмосковья, добровольно решивших принять участие в боевых действиях. Среди них были шоферы, связисты, снайперы, санинструкторы, машинистки.

Пополнился и политотдел. Вместо выбывших прибыло два старших политрука — добродушный весельчак Третьяков и скрытный, с хитринкой Раевский. Еще одно изменение в составе политотдела: Валя Чуева заболела желтухой. Машинисткой назначена Ася Ширяева из подмосковного города Истра.

К зиме воины были хорошо одеты. Им выдали фланелевое белье и портянки, меховые жилеты, полушубки, валенки, варежки, шапки-ушанки. Работники вещевого снабжения, особенно техник-лейтенант Севастьянов, немало поработали, чтобы всем этим заранее запастись.

Бригаду неоднократно посещали генерал А. Л. Гетман и бригадный комиссар П. Г. Гришин, многие руководящие работники штаба и политотдела корпуса, оказывали помощь в подготовке личного состава к новым боям.

Под Шаховской мы услышали о введении в Красной Армии единоначалия. С тех пор комиссары, политруки стали заместителями командиров по политчасти. Были введены единые воинские звания, к которым политработники долго не могли привыкнуть. Нам даже сперва казалось, что «майор», «капитан», «старший лейтенант» — для нас многовато. Больше всех какую-то неловкость испытывал Г. М. Павленко, человек сугубо штатский, бывший учитель:

— Та якый же я майор?

В новых званиях политотдельцы были представлены в подразделениях бригады на торжественных собраниях, посвященных 25-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Мне пришлось тогда выступать в роте технического обеспечения.

24 ноября бригада снова двинулась на запад, в знакомые места — к Вазузе. На рассвете пропели «катюши». С исходного рубежа Карамзино—Ильинское—Раково наши части были введены в прорыв. Ставилась задача овладеть [17]

Сычевкой. И вот в ночь перед атакой мы — на западном берегу скованной льдом Вазузы. Впереди Холм-Березуйский.

Погода испортилась. Началась метель. Замело — не видно ни зги. Полуторка наша с майором Г. М. Павленко осталась по ту сторону реки. Местность перед Холмом-Березуйским, где мы остановились, открытая — ни деревца, ни кустика. Но надо же хоть немного отдохнуть, сомкнуть глаза. Наносили из леса сосновых веток, разложили на снегу. Улеглись, подложив под головы вещмешки — усталость берет свое... Чтобы спящие не замерзли, дневальные через каждые полчаса будят: «Поворачивайтесь на другой бок».

Утром началась артиллерийская подготовка. Над передним краем из нависших над самой землей туч начали один за другим вываливаться «юнкеры». Быстро приловчились наши зенитчики. Не выходит из пике, врезается в землю первый, второй, третий... Мы кричим от восторга: «Ура!». А «юнкеры» все продолжают вываливаться из туч и тут же падать. 12 сбитых стервятников насчитали.

Вот-вот должны войти в прорыв, но не вошли. После взятия бригадой Холма-Березуйского корпус переводят в другой район — восточнее Кузнечихи. В сожженной дотла деревушке, где остановился штаб бригады, единственное укрытие от холода — большой подвал. Набилось в нем людей — яблоку негде упасть. Полусидя-полулежа устроились на ночь. Среди ночи под дверью вдруг жалостно замыкала кошка.

— Откуда ее принесло? — слышался чей-то недовольный хриплый голос.— Поспать не даст.

— Впустите! Не от хорошей жизни ведь просится...

Открыли дверь. Подхваченная порывом ледящего ветра, удовлетворенно, словно в знак благодарности, мурлыкнув, кошка влетела в согретый человеческим теплом подвал и, выискивая укромное местечко, по телам лежащих — другого пути у нее не было — пробралась в тот самый угол, откуда только что слышался недовольный голос.

— Ну, иди, иди, — ласково проговорил боец и, когда кошка остановилась у него на груди, стал гладить ее, приговаривая: —тебя война коснулась, одна, небось, на всю деревню осталась, погибло все — и люди, и животные... А пузо-то ничего, полнехонькое, хорошо где-то поджилилась...

Приласканная человеком, блаженно мурлыкая, кошка [18] быстро уснула. Уснули и выбившиеся из сил люди. Но ненадолго. Вскоре ночная гостья, взобравшись на пустую полку, ошалело металась и страдальчески пищала, стонала, завывала...

— Э-э, да тут пополнение предвидится! — объяснил кто-то.

Сна уж не было. Кошка не умолкала долго, а когда, наконец, затихла, слышался едва уловимый писк. Утром мы насчитали шесть шевелящихся комочков...

— Молочка бы... Да где его взять...

Вместо молочка скинулись у кого что было. У одного нашелся кусочек хлеба с маслом, другой поделился завтраком, третий извлек из вещмешка кусочек колбасы. Уходя, возле полки приколотили записку: «Товарищи, не

забудьте накормить!»

Утром 28 ноября взметнулись в небо огненные стрелы «катюш» — предвестницы артподготовки и наступления. Опять идем в прорыв. Вместо отозванного Буденным в Москву полковника И. Т. Есипенко бригаду возглавляет старший батальонный комиссар Е. Ф. Рыбалко, он же и замполит. Двигутся вперед танки, мотопехота, пушки. Фашисты с обеих сторон остервенело простреливают горловину прорыва, она все сужается и наконец совсем смыкается. Следовавшие за танковым корпусом части не могут прорваться за линию фронта.

В тылу врага части корпуса нанесли фашистам немалый урон. Уничтожили большое количество живой силы и техники. Наша бригада взорвала стоящий вблизи дороги самолет. Но мы оказались отрезанными от своих. Половина личного состава выбыла из строя, особенно много было раненых. После пурги и мороза вдруг наступила оттепель, а мы — в валенках и полушубках, все промокло, обсушиться негде. Затем снова ударил трескучий мороз...

Кончились боеприпасы, горючее, продукты питания. Минометная батарея старшего лейтенанта В. Ильичева вынуждена вести огонь из своих минометов немецкими минами. Когда кончились и эти мины, бойцы положили минометы на танки, стали сражаться как стрелки. А гитлеровцы окружают нас, сжимают кольцо. Героически сражаясь с наседавшим врагом, бригада несет большие потери. Под конец боев в окружении из всей бригады осталось не более одного батальона. Погибли многие командиры и политработники: начальник оперативного отдела майор Полосухин, командир минометного батальона майор Жданов, замполит батальона старший политрук Каширин, командир [19] батареи Ефимов, Пропали без вести политотдельцы Третьяков, Раевский,

Надо прорываться к своим, другого выхода нет. Попробовали в одном месте — не вышло. Решили сделать еще одну попытку — в районе Большое Кропотово.

Морозная ночь. Передний край фашистов непрерывно освещается множеством ракет. Шаг сделали — ложись. Только поднялись — ложись... Нас заметили, ударили из пулеметов, автоматов, минометов... Вжимаемся в снег. Открыли огонь, мелкими перебежками устремились к вражеским траншеям... Падают убитые, раненые. Нас немного, но чем ближе к переднему краю, тем яростнее наш напор. В результате на небольшом участке фашисты вынуждены расступиться, пропустить нас.., Ведя непрерывны огонь из винтовок и автоматов, наконец прорываемся. Но нас с каждым шагом все меньше и меньше...

Мало нас тогда прорвалось. Правда, еще и после прорывались из окружения небольшие группы, некоторым удавалось каким-то чудом проскользнуть через линию фронта даже в одиночку. Одну из групп вывел начальник инженерной службы 1-го мотострелкового батальона старший лейтенант В. А. Бозбей. В ее составе был тяжелораненый сержант Игорь Арлашин. Будучи раненым, оставался в строю старший лейтенант В. В. Романов. После гибели командира батальона Жданова он временно возглавил этот батальон.

Мне особенно много пришлось пережить в эти тревожные дни. В моем вещмешке был бесценный груз — несколько десятков чистых бланков партийных и комсомольских документов, печати. Когда мы шли на прорыв, старший батальонный комиссар Е. Ф. Рыбалко решил не брать майора Г. М. Павленко — «батя», как называли его в бригаде, плохо себя чувствовал. Поскольку же в политотделе по возрасту я продолжал оставаться самым младшим и оформление выдачи партийных документов было для меня знакомо, эти обязанности Е. Ф. Рыбалко возложил на меня.

Мне посчастливилось выйти из окружения и сохранить бланки, печати. С трудом добрался до нашей землянки. В ней при свете коптилки увидел человека. Он стоял ко мне спиной. Слышалось потрескивание радиоприемник' Человек оглянулся.

— Батюшки, Борис!

— Михаил!

— Каким образом?.. [20]

— А вы?

Мы обнялись.

— Кто еще вышел из политотдельцев?

— Не знаю.

Утром, едва рассвело, нас осторожно, но очень настойчиво разбудила одетая в белый полушубок женщина — жена старшего батальонного комиссара Е. Ф. Рыбалко. Бледная, осунувшаяся. Спросила:

— Не знаете? Не видели?

Мы были с ним до последней минуты, все видели, все знали. Но что ответить на ее умоляющий взгляд? Как утешить эту мужественную женщину, решившую разделить с мужем тяготы фронтового бытия? Чем помочь ее страшному горю?

— Правда, что?..

Она не смогла досказать начатую фразу и, уже не стесняясь, заплакала навзрыд. Потом вдруг вскинула голову, выпрямилась:

— А может, не погиб? Может, ранен? Может, вы не знаете?.. Только прошу вас, говорите правду.

Мы рассказали как было.

Сначала все шло хорошо. Прорвались в тыл врага, вели успешные бои. Старший батальонный комиссар Рыбалко держался спокойно и уверенно, успел побывать то в одном подразделении, то в другом.

— Трудно, хлопцы? — спрашивал озябших красноармейцев. — И не ели, небось, ничего сегодня? А махорка-то хоть есть? Потерпите немного, все будет, все. Если не подвезут, то самолетами подбросят...

Уверенности в этом уже не было. Но от его слов становилось и теплее, и легче. Нет, выстоим, как бы трудно ни было. Вот отбить бы еще вот эту, пятую за день, атаку. Не станет патронов — пойдем врукопашную. Рукопашную немцы не выдерживают. Но сил у нас мало, а их вон со всех сторон тьматьмущая ползет, с танками, артиллерией. Обогретые, накормленные, напоенные, самоуверенные, патронов полные диски...

— Без команды не стрелять! — приказал комбриг. — Каждую пулю — в цель. Кончатся патроны — по скоплениям бросать гранаты. Не будет гранат — пустим в ход штыки, приклады, финки. Все — по моей команде.

Все так и было, как он планировал. Оставшиеся в живых не только устояли, отбили сильнейшую вражескую атаку, но и прорвали кольцо окружения. Старший батальонный комиссар Рыбалко до последнего мгновения был [21] на острие главного удара. Временами сквозь грохот боя слышался его властный голос:

— Все — за мной, штыками их, гадов, штыками!..

Его высокая стройная фигура виднелась впереди, мы — неотступно за ним. Какой-то секунды не хватило ему чтобы перешагнуть огненное кольцо. Он упал, сраженный пулей. Упал лицом к врагу.

К концу сражения поднялась пурга, до костей пронизывая холодом живых и плотно окутывая снежным покрывалом застывшие тела убитых. У живых не было ни малейшей возможности ни похоронить друзей, ни взять с собой. Единственное, что можно было сделать,— попросить местных жителей, чтобы они взяли на себя заботы по захоронению. Один из уцелевших жителей Большого Кропотов заверил, что непременно исполнит нашу просьбу.

С выходом из прорыва командование бригадой принял подполковник И. И. Савранский. В бригаде насчитывалось тогда всего-навсего 170 активных штыков. Из них был создан сводный батальон. С исходных позиций Никоново - Аристово совместно с 100-й танковой бригадой батальон был введен в бой за Подосиновку, но успеха достичь не смог. Силы были до предела истощены.

В новогоднюю ночь 1 января 1943 года танковый корпус в третий раз оказался в районе станции Шаховской. В просторной землянке-столовой встретить Новый год собрались командиры и политработники управления бригады. Заместитель командира по политчасти подполковник Семен Анжелович Михельзон выступил с краткой речью:

— Много успехов принес нашему народу истекший год. Коварный враг попятился назад. Доблестные войска Красной Армии наносят ему сокрушительные удары. Завершается крупнейшее сражение под Сталинградом. Нанося врагу огромный урон, наши войска 19—20 ноября перешли в контрнаступление и 23 ноября полностью окружили огромную вражескую группировку в районе Калача. Недалек тот день, когда эта группировка будет разгромлена. Перед нами — новые задачи, новые сражения. Постараемся же, товарищи, сделать все возможное, чтобы наступающий год был еще богаче победами над ненавистным фашизмом!

— Если потребуется,— ответил за всех Д. В. Ульянов, — костями ляжем, а Родину нашу отстоим, гадину фашистскую раздавим!

В первые дни нового года мне очень не повезло — свалил ревматизм, обострилась цинга. Лежал в сырой [22] землянке, усиленно глотал порошки, пилюли, пил микстуру. От цинги медики лечили сиропом шиповника.

В первых числах января мы проводили заболевшего майора Г. М.

Павленко. Меня назначили на его должность — инструктором политотдела. Мою занял Н. Н. Поляков, в прошлом учитель из г. Рыльска. Произошли изменения и в штатах политсостава. В связи с упразднением института военных комиссаров сократились должности военкомов батарей и политруков рот.

В феврале 1943 года бригада перебазировалась под Осташково. Хоть стояла зима, но в болотистой местности движение затруднялось. Автомашины проваливались в трясины, застревали. Зато на остановках бойцы отводили душу — плясали и пели под гармошку, рассказывали всевозможные небылицы, состязались в остроумных шутках, от души хохотали, вспоминали яркие боевые эпизоды.

В Калинин, где мы останавливались, работница швейной фабрики подарила всем политотдельцам новенькие погоны. Далее фронтовая дорога повела нас к центру Валдайской возвышенности.

В тех краях мы слышали одно из наиболее радостных сообщений Совинформбюро. Речь шла о завершении разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом.

— Слыхали? — передавалось из уст в уста. — 330 тысячам завоевателей капут...

По пути следования то тут, то там видим темные остовы орудий и танков, искореженные автомашины, пепелища домов.

Используя малейшие остановки, командиры и политработники, агитаторы и чтецы знакомили личный состав с итогами гигантской битвы на Волге, нацеливали воинов на предстоящие задачи.

ЮЖНЕЕ ОБОЯНИ

К началу марта 1943 года бригаде предстояла новая передислокация. Прошел слух: будем пробиваться к Балтике, чтобы отрезать немецко-фашистскую группировку под Ленинградом. Так оно, может, и было бы, если бы не начавшаяся распутица и, что самое главное, не возникла необходимость перебросить нас на другой участок фронта. Для отражения контрударов противника в районе Харькова и Белгорода.

28 февраля 6-й танковый корпус вошел в состав только [23] что сформированной 1-й танковой армии. Заполнились вакансии политсостава. Начальником политотдела был назначен Н. Н. Прокопенко. Вместо Б. А. Томуса, ушедшего в редакцию корпусной многотиражки «За нашу Родину», должность помощника начальника политотдела по комсомолу занял старший лейтенант Владимир Елисеев.

Погрузили боеприпасы, горючее и продовольствие в железнодорожные эшелоны, в теплушках разместились воины. Взяли курс на Москву, оттуда — на юг. Бомбежка узловых станции Касторная, куда мы прибыли ночью, напомнила о близости линии фронта. Утром прибыли в Курск. Одни развалины. Слева и справа от эшелона все стрелки взорваны, печально смотрят в светлое небо огромные черные глазницы бомбовых воронок, громоздятся обгоревшие скелеты вагонов. Выгрузились, пересели на автомашины.

Вот и Курасовка, небольшое село к югу от райцентра Обоянь. Здесь остановились. Местом временного жительства нам с Поляковым стала неказистая хатенка семьи Касторных.

В большом доме напротив расквартировались остальные работники политотдела, в том числе и вновь прибывший инструктор по организационно-партийной работе, секретарь бригадной партийной комиссии капитан В. А. Лахтионов.

В Курасовке в торжественной обстановке перед строем комбриг И. И. Савранский, замполит С. А. Михельзон и начальник политотдела Н. Н. Прокопенко вручали нам погоны.

Прибыв на южный выступ Курской дуги, 6-я мотострелковая бригада, 6-й танковый корпус, как и вся 1-я танковая армия, упорно готовились к предстоящим боям. Штаб бригады планировал боевые действия. С этой целью досконально изучалась местность, на возможных направлениях вражеских ударов проводилась ее рекогносцировка, в которой принимали участие не только комбриг со своим штабом, но и командиры батальонов, дивизионов и их штабы, командиры рот и батарей. После рекогносцировки определялись рубежи развертывания бригады, маршруты выдвижения к ним, места, где будут размещаться пункты управления, предусматривались и разыгрывались на картах и местности возможные варианты боевых действий. Рубежи развертывания соответственно готовила инженерно-минная рота, мотострелки.

Полным ходом шло боевое обучение личного состава, [24] ремонтировалась техника, подвозились боеприпасы, горючее продовольствие, сооружались укрепления. Проводились тактические занятия. Все воины были охвачены стрелковой подготовкой: артиллеристы и пэтээровцы упражнялись в стрельбе по танкам, мотострелки — в забрасывании танков гранатами и бутылками с зажигательной жидкостью. В мотострелковых батальонах создавались танкоистребительные команды. Отрабатывались взаимодействие и взаимозаменяемость, проверялась надежность управления и связи.

В ответ на призывы Военного совета армии «Подняться выше на одну ступень!», «Уметь заменить товарища в бою!» в каждом орудийном, минометном и пулеметном расчете красноармейцы и сержанты осваивали смежные воинские специальности.

Немало внимания уделялось преодолению танкобоязни. Все убедились: когда находишься в надежном укрытии, танк не так уж страшен.

Командиры минометного батальона учили бойцов быстро приводить миномет в боевое состояние.

Командование батальона строго требовало от командиров батарей быстрого выбора огневых позиций, укрытий для автомашин, установления связи с танковыми экипажами и мотострелками.

Бывалые воины сержанты Дрынин, Кривоногов, Костиков и другие тщательно изучили состав пополнения и на этой основе организовали практическую помощь молодым бойцам в овладении воинским мастерством.

Кто-то предложил:

— Давайте потренируем огневые расчеты в замене колес на автомашине.

Предложение приняли. Стали распределять обязанности: кто снимает запаску, кто ставит домкрат, откручивает и закручивает гайки, ставит новое колесо. Эти упражнения выполняли бойцы огневых расчетов во время совершения маршей.

Устраивались даже соревнования по замене колес, приведению в боевое положение минометов, выполнению исходных данных наводчиками. Бойцы понимали, что все не Мелочи — от быстроты открытия огня зависит исход боя. И, как показали боевые действия, трудности в учебе окупались с лихвой, помогали с меньшими потерями выигрывать сражения. В тяжелых боях на Курской дуге минометный батальон имел незначительные потери в людях и материальной части. [25]

Параллельно с боевой учебой большую работу по идейно-политическому воспитанию воинов проводили командиры и политработники, партийные и комсомольские организации. На политзанятиях и политинформациях изучали итоги зимней кампании Красной Армии, разоблачали зверства немецко-фашистских захватчиков. Агитаторы рассказывали о боевых действиях подразделений бригады под Ржевом и Сычевкой.

По инициативе политотдела в каждом батальоне были созданы ленинские землянки с портретами руководителей партии и правительства, плакатами и лозунгами, с библиотечками военной и художественной литературы. В 1-м мотострелковом батальоне, где парторгом был капитан Н. С. Брюзгин, например, в библиотечке имелось 87 книг, здесь были журналы, брошюры, подшивки газет. В бригаде проводились смотры художественной самодеятельности, спортивные соревнования, конкурсы поваров. С наступлением сумерек киномеханик Родин запускал движок, воины смотрели очередной фильм.

В батальоне широко пропагандировались боевые традиции бригады, подвиги однополчан. Молодым бойцам особенно запомнилось выступление разведчика младшего лейтенанта Я. Могильного, награжденного двумя орденами. Большой интерес вызывали рассказы других воинов о наиболее памятных схватках с врагом. Такие беседы были хорошим подспорьем в учебе и сплочении подразделений в единый боевой коллектив. Они прививали солдату любовь к Родине и гордость за свою часть.

Комсомольская организация помогала молодым воинам вырабатывать выносливость, стойкость, дисциплинированность, находчивость и отвагу. Рос ее авторитет, благодаря чему за месяц она увеличилась в шесть раз. 3 мая перед строем батальона ей был вручен Почетный вымпел МК и МГК ВЛКСМ. Принимая его из рук помощника начальника политотдела бригады по комсомолу старшего лейтенанта В. Елисеева, комсорг В. Погромский от имени комсомольцев роты дал клятву оправдать высокую честь, удержать этот почетный знак боевой славы.

По долгу службы мне вместе с начальником политотдела часто приходилось посещать подразделения. Обычно с утра мы отправлялись туда на весь день. Пока я занимался своими делами, Н. Н. Прокопенко встречался с командирами, политработниками и красноармейцами, посещал занятия,

интересовался состоянием партийно-политической работы, давал советы по ее улучшению, обращал [26] внимание на то, чтобы она была целеустремленной и непрерывной.

Вечером мы возвращались в политотдел.

Корпус наш, как впоследствии оказалось, занимал оборону на направлении главного удара гитлеровцев. 5 июля враг пошел в наступление. Накануне, 4 июля, над нами пронеслась армада вражеских самолетов курсом на Москву. Но передний край молчал, никто не сделал ни единого выстрела, чтобы не выдать себя. С началом наступления фашисты сбрасывали хвастливые листовки, в которых грозились на второй день достичь Курска.

Ночью наша бригада была выдвинута в район деревни Раково, совместно с 22-й танковой бригадой заняла позиции на участке Чапаев—Шепелевка. На рассвете началась великая битва. 6 июля корпус принял первый бой — на наши позиции четырьмя колоннами двинулось около 150 танков. Впереди «тигры», с которыми еще не приходилось встречаться. За танками — пехота. Огромных усилий стоило остановить и повернуть вспять эту орду. На новые тяжелые танки гитлеровцы возлагали большие надежды, считая их неуязвимыми. Однако наши мужественные артиллеристы уже в первом бою открыли счет — с расстояния 400—500 метров метким огнем в упор расстреляли три «тигра».

— Не так черт страшен, как его малюют, — обрадовались артиллеристы.

Но танки ползут снова и снова. Некоторые из них уже близко. У деревни Чапаев на огневые позиции артиллерийской батареи старшего лейтенанта В. Д. Золоева узким клином их устремилось более двадцати. Когда наводчик В. П. Рядно доложил, что до головного «тигра» осталось 700 метров, Золоев скомандовал: «Огонь!» Вспыхнул пламенем первый «тигр», метким огнем остановлен второй, третий... Ответным ударом тяжело ранило нескольких артиллеристов. Места у орудия быстро заняли другие. Залп за залпом — и боевой порядок атакующего противника уже расстроен, атака захлебнулась. Гитлеровцы отступили, оставив на поле боя около десяти подбитых и сожженных танков.

Справа от батареи Золоева оборону занимала батарея старшего лейтенанта А. Я. Буката. Ее воины тоже вели Интенсивный заградительный огонь. Первыми же залпами батарея плотно накрыла вражескую пехоту. Батарейцы вели огонь бегло, стволы раскалились. Все поле за рекой заволкло густой пылью и дымом, не видно ничего, только слышен скрежет приближающихся к нашим огневым позициям [27] танков. А тут еще немцы нащупали батарею, ударили по ней из орудий. Пока, к счастью, большого урона не нанесли, но это уже сигнал: надо немедленно менять огневые позиции. Хорошо, что впереди были заранее отрыты и хорошо замаскированы орудийные окопы. Букат приказал вручную выкатить туда орудия.

Когда снова поднялась и при поддержке танков пошла в атаку вражеская пехота, с фланга ударили по ней наши пулеметчики. Фашистские танки открыли по пулеметчикам огонь. Пушки Буката, Золоева, Элгендарашвили какое-то время молчали — выжидали, пока танки подойдут поближе, подставят свои борта. А потом — огонь!

По танкам, атаковавшим батареи В. Д. Золоева, А. Я. Буката и А. И. Элгендарашвили, вели огонь и минометчики батальона капитана В. Ильичева. Это может показаться странным — минометами по танкам. Но огонь был весьма эффективен. Мины, посланные в стан врага батареей старшего лейтенанта Н. Урусова, как правило, достигали цели. Особенно досталось гитлеровским танкистам, обследовавшим берега и проходимость речки Пена. Огонь минометов буквально парализовал и вражескую пехоту. Минометчики оказывали артбатареям постоянную помощь. Заместитель командира минометного батальона В. В. Романов по просьбе Золоева выделял своих людей для оказания помощи раненым и подноса снарядов.

Прошел всего какой-то час жесточайшей схватки, а сколько успели сделать артиллеристы и минометчики, мотострелки и бронбойщики! Но и потери понесли немалые. Особенно в артиллерии.

— Все пушки разбиты,— сказал В. Д. Золоев В. В. Романову.— Сражаться больше некому. Все мои бойцы если не убиты, то ранены.

Романов, собрав группу своих минометчиков, вместе с ними и с Золоевым побежал на огневые позиции артбатареи, чтобы вынести с поля боя раненых. Прибежав, увидели ужасную картину. Все четыре пушки разворочены, кругом воронки, лежат, истекая кровью, раненые. Они настолько возбуждены боем, что, кажется, не чувствуют боли. Увидев своего командира батареи и минометчиков, готовы продолжить сражение:

— Мы еще останемся, повоюем, — говорили они, радуясь, что устояли, что враг не прошел.

Но подъехали автомашины, раненых уложили на них, отправили в госпиталь. Вернувшись на наблюдательный пункт, старший лейтенант Романов продолжал руководить [28] огнем по наступающей пехоте. В первый день сражения на этом участке фашисты не продвинулись ни на шаг.

Только умолкли пушки, как небо заполнилось гулом вражеских самолетов. Началась бомбежка огневых позиций артиллеристов. Но фашисты опоздали. Место, где размещались пушки, было уже пустым. Командир дивизиона капитан А. И. Лещина упредил события. По его приказу огневые позиции быстро сменили. Гитлеровцы посчитали, что от пушек и следа не осталось, что разбомбили их, и снова пошли в атаку. И попали под тот же самый огонь, от которого уходили, только был он уже с другого, неожиданного места. Но они все лезли, лезли напролом. Теперь обе стороны стреляли с близкого расстояния.

Кроме 76-миллиметровых пушек, в бой вступили и менее мощные — сорокапятки. Особенно отличился взвод младшего лейтенанта В. И. Козьева из первого мотострелкового батальона. Он уничтожил несколько вражеских орудий. Активно помогал ему в эти критические минуты только что назначенный комсоргом батальона младший сержант Вася Козлов. Он подбадривал обессиленных тяжелым боем артиллеристов, подменял раненых и убитых.

Этот бой для него был боевым крещением. Здесь он впервые увидел массовый героизм советских воинов. Когда бой затих, комсорг прочитал бойцам свежий номер армейской многотиражки «На разгром врага», в котором

рассказывалось о подвиге танковых экипажей 112-й танковой бригады коммунистов Максима Дмитриева и Александра Силачева. Во взаимодействии с артдивизионом в жестоком бою они отразили атаку 80 фашистских танков, 7 из них уничтожили.

В соседней батарее, возглавляемой старшим лейтенантом Н. И. Даниловым, несколько человек погибло, больше половины воинов получили ранения. Но пушки не молчали. У одного орудия оставался в строю лишь командир, комсорг батареи П. П. Кузьменко, тоже раненый. Продолжая вести огонь, он уничтожил два «тигра».

К орудью, где командир и наводчик были ранены, поспешил заряжающий другого орудия И. В. Рахлин, оставшийся в расчете один. Он подносил снаряды, помогал вести огонь, которым были подбиты еще два тяжелых танка.

— Смотри, что это? — изнемогая от боли, спросил командир орудия П. П. Кузьменко заряжающего. — Вроде бы, Двигается к нам только что подбитый «тигр»...

— Да, ползет, — протирая глаза и пристально всматриваясь в задымленную, озаряемую багряными всполохами [29] круговерть на поле боя, ответил заряжающий. — Кажется, наши подцепили «тигра»...

Фашисты открыли огонь по своему танку, но с опозданием — накрепко заарканенного, его уже отбуксировали на добрую сотню метров.

Спустя несколько минут сопровождаемый разрывами снарядов «тигр» проследовал в расположение наших войск. Широко улыбаясь, с тягача легко спрыгнул молодой лейтенант. Рахлин поинтересовался у механика-водителя, кто это.

— Лейтенант Иван Ильин, помпотех роты 22-й танковой бригады, которая вас поддерживает, — ответил тот.

Забегая вперед, следует отметить, что прибуксированный танк оказался очень кстати. Мы использовали его как наглядное пособие, изучали на нем уязвимые места. Со временем этот «тигр» экспонировался в Москве на выставке трофейной техники.

...Истекал первый день боя. Неба не видно, впереди сплошная пелена дыма, гари и пыли. Фашисты бесновались — никак не удавалось взломать нашу оборону. Артиллеристы не пропустили танки, пулеметчики и автоматчики — пехоту. Но великая битва только начиналась, накал ее нарастал с каждым днем.

В особенно тяжелом положении находилась 6-я мотострелковая бригада. Получилось так, что, имея на подкреплении одну танковую роту, бригада должна была на реке Пена удерживать рубеж обороны, который в начале боев занимала вместе с 22-й танковой бригадой. Вдвое увеличился участок обороны и тем самым почти на столько же уменьшилась плотность боевых порядков. К тому же значительная часть бригадной артиллерии отсутствовала — ее бросили на помощь танкистам. А надо было стоять, отбивать массированные атаки вражеских танков.

Наши мотострелки делали все возможное, чтобы сдержать остервенелый натиск фашистов. Трижды за первый день сражения через их боевые порядки прорывались отдельные группы танков, но мотострелки не дрогнули. Находясь

в хорошо оборудованных окопах, они пулеметным и автоматным огнем отсекали пехоту от танков, а прорвавшиеся машины уничтожали гранатами и бутылками с горючей смесью. Сил, однако, было недостаточно. Нельзя без волнения читать подготовленное Борисом Томусом за подписью капитана Г. Я. Буяльского описание боевых действий 2-й роты 2-го батальона 10 июля (адъютант штаба батальона Г. Я. Буяльский был послан в эту роту для оказания помощи командиру — старшему лейтенанту Зыкову): [30]

«Враг все время вел артиллерийский и минометный огонь по высоте 243,0, что у южной опушки урочища Толстое, которую обороняла рота. С воздуха высоту непрерывно бомбили бомбардировщики противника, совершая налеты группами в 40—50 самолетов. Бойцы роты были обстрелянные, они спокойно держались на своих рубежах.

В 15 часов, после очередной бомбежки, земля задрожала от массированного артиллерийского налета противника на высоту 243,0. Все окуталось дымом. Снаряды рвались на линии обороны роты. Мы плотнее прижимались к стенам окопов. Произошло несколько прямых попаданий в ячейки окопов. Не утих еще артиллерийский налет, как на горизонте появились немецкие танки. Более 70 машин развернутым строем двигались на высоту. Впереди, грузно оседая при выстрелах, шли «тигры», позади — средние танки и пехота.

Ведя с ходу артиллерийский и пулеметный огонь, танки надвигались на высоту. Вот до них оставалось уже не более 150 метров. Бойцы приготовили противотанковые гранаты, крепче сжали автоматы. На лицах решимость. Начала бить наша артиллерия. Вот на зеленом фоне поля показались густые цепи немецкой пехоты. Были ясно видны возбужденные, шедшие во весь рост пьяные гитлеровцы. Они размахивали автоматами и дико кричали. Когда до пехоты оставалось не более 100 метров, застрочили наши пулеметы и автоматы. Гитлеровцы остановились, часть их залегла, часть начала отходить.

Обнаружив наши позиции, немецкие танки, чтобы помочь своей пехоте, ринулись на рубежи роты. Лязг гусениц, рев моторов, взрывы противотанковых гранат — все смешалось в единый адский гул. Вот три стальных чудовища с перебитыми гусеницами завертелись на месте, а остальные все двигались и двигались — семьдесят на одну роту.

Кончились гранаты. Комсомолец сержант И. И. Беров бутылкой с горючей смесью зажег «тигр». В это время вражеская пуля сразила героя. Он умер со словами: «Мы победим!»

Комсомолец младший сержант В. С. Пеунков подпустил один из танков на близкое расстояние и начал забрасывать его гранатами. Но танк продолжал двигаться и вести огонь. Сержант Пеунков получил ранение. Найдя у убитого товарища две противотанковые гранаты, он выскочил из окопа и бросился под танк. «Тигр» содрогнулся от оглушительного взрыва и застыл на месте. Так погиб герой-комсомолец [31] младший сержант В. С. Пеунков. О его подвиге вскоре узнали воины всей 1-й танковой армии.

Сержант И. И. Беров и младший сержант В. С. Пеунков посмертно были награждены высокими правительственными наградами — орденами

Отечественной войны первой и второй степени...

А танки все шли и шли... Вот они начали утюжить наши уцелевшие траншеи. Бойцы выскакивали буквально из-под гусениц танков и отыскивали новые укрытия, воронки снарядов или прятались в те, через которые уже прошли танки. Постепенно бойцы снова заняли свои места. Танки ушли дальше, а наши мотострелки оказались у них в тылу. От роты осталось 25 человек. Они готовились отразить новую атаку пехоты, которая шла вслед за танками.

Вот показались отдельные фигуры, а за ними цепью до роты солдат. Их подпустили на близкую дистанцию и ударили из автоматов. Огонь для фашистов был неожиданным, и они бросились бежать, но многие, сраженные пулями, остались лежать на месте. Так как пехота отстала, танки противника остановились. Затем от них отделилась группа в 7 машин и направилась в сторону отважных советских воинов. И пехота снова двинулась на наших героев. Огонь автоматчиков опять заставил ее залечь.

Кончились патроны. Тогда решили пробиваться к своим».²

Отважные мотострелки нашли наилучший способ пробиться. Они пристроились к наступавшим вражеским танкам. Немцы подумали: свои. Но тут новая опасность: впереди огневые позиции артиллерии 112-й танковой бригады. Наши артиллеристы стараются половчей ударить по прорывающимся фашистским танкам, и если ударят, то мотострелки могут погибнуть от своих. Казалось, выхода нет. Однако его нашли. Когда наша артиллерия ударила прицельным огнем по танкам, заставив их сначала замедлить ход, а потом и остановиться, мотострелки бросились в сторону, откуда вели огонь артиллеристы. С танков это заметили и застрочили по ним из пулеметов. Они залегли. Передохнули, собрались с силами и, подняв вверх автоматы, пошли во весь рост. Артиллеристы поняли: свои.

Так горстка смельчаков оказалась на огневых позициях 112-й танковой бригады.

Высота 243,0, которую героически обороняла 2-я рота 2-го батальона, запомнилась и нашим артиллеристам. [32] Ночью, накануне боев за эту высоту, артдивизион был снят с занимаемых позиций и переброшен к Березовке, где фашисты потеснили 3-й механизированный корпус и продвинулись по дороге на Обоянь. Заняв впереди мотопехоты хорошо укрытые оружейные окопы, днем артиллеристы отбили очередную атаку гитлеровцев, подожгли вместе с танкистами несколько тяжелых и средних танков. Но долго здесь не задержались. В этот же день получили приказ сняться из-под Березовки и выйти еще дальше на север, к деревне Верхопенье. Чем это вызвано, нетрудно было понять: эта деревня расположена вблизи обоянской дороги и немцы обходят по ней фланг нашего корпуса.

Только начали сниматься с огневых позиций, как противник открыл сильный артиллерийский огонь. Пришлось вручную под огнем по одному орудию выкатывать в овраг, где стояли наготове автомашины. Забрали

² Гетман А.Л. Танки идут на Берлин. М.: Наука. 1973. С.105

раненых, похоронили убитых и поехали в указанном командиром дивизиона капитаном Лещиной направлении.

Наступило утро 9 июля. Выныривая из густого тумана, бомбят огневые позиции «юнкерсы». Смутно различимые, по ржаному полю двинулись на наш передний край вражеские танки. Когда они приблизились, на них обрушился шквал артиллерийского огня.

Били батарейцы подкалиберными снарядами в упор, несколько танков вспыхнуло дымными кострами. В одно орудие батареи Буката тоже угодила снаряд, весь расчет погиб.

— Наверное, час прошел, может, больше,— рассказывал мне после боя А. Я. Букат,— а враг не унимался. Осталось у нас одно орудие, при нем два человека — наводчик Луковников, а заряжающим у него был наш разведчик Сергеев. «Фердинанд» подошел совсем близко, метров на тридцать, Луковников и Сергеев пробили его все-таки, загорелся. Но тут вражеский снаряд-болванка, то есть без взрывчатой начинки, попал в орудие и разбил его. К нам подошли с тыла наши две «тридцатьчетверки», начался бой танков против танков, а нас, поскольку не осталось исправных орудий, вывезли на танке в урочище Толстое. Капитан Лещина приказал мне собрать всех оставшихся в живых и занять позицию на самой высоте 243,0. Исправные орудия других батарей я вывел на высоту, заняли оборону...

С утра 10 июля накрапывал дождь, противник помалкивал — видно, и ему нелегко достался вчерашний бой. Примерно в одиннадцатом часу к артиллеристам приехал [33] заместитель командира дивизиона по политчасти майор Плотников, боевой и веселый человек. Привез завтрак, снаряды для орудий и ручные гранаты. Рассказал последние новости, пошутил, подбодрил артиллеристов. Только отошел, как шальной снаряд рванул шагах в пяти. Плотников погиб.

Вскоре поползли фашистские танки. И снова запылало багровое зарево сражения. Впереди артиллеристов занимали оборону мотострелки. Букат видел, как выскочил один мотострелок из окопа, бросил под танк связку гранат, от взрыва которых танк завертелся на разбитой гусенице, с него и с других танков спрыгивали немецкие десантники, Наши мотострелки бросились на десантников, били их штыками, саперными лопатками. Те обратились в бегство.

Вдруг тяжелый танк переполз траншею и завернул прямо на высоту. Луковников, Сергеев и Марченко ударили по нему в упор подкалиберными снарядами. Танк загорелся, Но тут, вынырнув из облаков, над высотой зависли «юнкерсы», с пронзительным воем посыпались бомбы, земля дыбом поднялась. Кто-то в мгновение ока столкнул Буката в траншею и накрыл своим телом.

— Что было дальше,— продолжал рассказывать командир батареи,— помню плохо. Землей весь засыпан, на мне лежит Сергеев, пытаюсь его окликнуть, молчит, а струя его крови заливает мое лицо... Отрыли нас Луковников и Марченко. Мы похоронили Сергеева. Я почувствовал сильную боль в лице, оно было посечено мелкими осколками.. Левая нога как ватная, в глазах круги... Пришел наш фельдшер, перевязал меня, приказал идти в

урочище Толстое. Хромаю туда, а навстречу наши Т-34, бойцы кричат мне что-то задорное. Думаю: плох я, зато дела наши идут хорошо. Побрили немца, крепко побрили.

Комбриг полковник И. П. Елин поблагодарил артиллеристов перед строем. Когда началось наше наступление, артиллеристы пришли на свои старые позиции и, разглядывая безмолвные теперь «тигры» и «фердинанды», измеряя толщину их брони, дивились, как это они повалили такие машины.

Инструктор политотдела бригады по оргпарработе капитан В. А. Лахтионов не был со второй ротой на высоте 243,0, но ему тоже пришлось выдержать нелегкое испытание. Находясь в боевых порядках роты противотанковых ружей 2-го мотострелкового батальона, он встал на место погибшего наводчика и начал вести огонь по танкам, а потом по вражеской пехоте. [34]

10 июля метрах в пятидесяти севернее урочища Толстое занимали огневые позиции две батареи минометного батальона, поддерживая огнем 2-й мотострелковый батальон майора Брикина. Наблюдательный пункт минометчики оборудовали на склоне небольшой высотки. Один из наблюдателей взобрался на верхушку дуба, возвышавшегося над урочищем. Батареи рассредоточились повзводно. После очередного налета авиации и артиллерийского обстрела на батареи устремилась лавина вражеских танков. Их было так много, что невозможно было сосчитать. Да и считать-то было некогда. Доложили обстановку майору Брикину. Тот передал приказ командира бригады:

— Стоять насмерть, ни шагу назад.

При первой же стычке с врагом погиб командир минометного батальона капитан А. Ильичев. В командование батальоном вступил В. В. Романов. Для отражения атаки он вызвал на этот участок третью батарею 120-миллиметровых минометов, возглавляемую старшим лейтенантом Урусовым. За каких-то полчаса (вот где пригодились длительные тренировки по быстрой смене позиций!) батарея уже была на указанном месте. Восемнадцать стволов повели огонь по вражеской пехоте. Этот огонь заставил ее остановиться и залечь. Но танки продолжали наступать. Они атаковали огневые позиции взвода младшего лейтенанта Троянчука, раздавили минометы, однако минометчики не отошли, влились в ряды мотострелков и продолжали сражаться. В этой схватке смертью героя погиб Троянчук, посмертно награжденный орденом Красного Знамени.

По приказу комбрига минометный батальон быстро сменил огневые позиции. Перейдя на новое место, минометчики открыли огонь по пехоте противника. Несмотря на то, что фашистские танки постоянно угрожали его огневым позициям, батальон не дрогнул, вел огонь до последней мины. От непрерывного огня накалялись стволы минометов. Бойцы охлаждали их мокрыми тряпками. Когда кончились мины на батарее старшего лейтенанта Овчинникова, минометные расчеты отражали атаку вместе с мотострелками. В этом бою батальон уничтожил более 200 вражеских солдат и офицеров.

Смелость и отвагу проявили водители автомашин по подвозу боеприпасов.

Путь их движения к передовой простреливался танками, но это их не останавливало. В трудных условиях много рейсов совершили водители Решетников из Саратовской области, Михаил Кокарь из Запорожья, Генералов из Ярославля. Их подвиг был отмечен орденами [35] Отечественной войны II степени. При подвозе мин героически погиб водитель Калашников.

В ожесточенных оборонительных боях в районе деревни Яковлево смелую борьбу с вражескими танками вел саперы инженерно-минной роты. Когда на обояньском шоссе танки прорвались в глубину нашей обороны и часть из них устремилась в тыл наших подразделений, начальник инженерной службы бригады дал взводу лейтенанта Н. С. Максимова задание: на пути прорвавшихся танков срочно установить противотанковые мины.

Лейтенант Максимов немедленно довел задание до личного состава:

— Мы должны действовать быстро и осторожно,— сказал он.— Быстро — чтобы к указанному времени успеть подготовить немцам хороший «сюрприз». Осторожно — чтобы не заметил противник и в темноте самим не подорваться на минах.

С наступлением вечерних сумерек взвод вышел на указанный рубеж. Саперы действовали организованно, быстро установили более 300 мин с пятикилограммовым зарядом. До рассвета, бережно охраняя свой «сюрприз», они подготовили на всякий случай окопы. Имелся в виду тот исключительный случай, когда не выдержит удара, отступит наша мотопехота и саперам придется минировать за ней проходы в минных полях и отходить последними. К счастью, этого не случилось — пехота устояла. Но окопы все же пригодились — из них саперы помогали, уже в качестве автоматчиков, отсекал вражескую пехоту от танков.

Но это было позже. А пока саперы с замиранием сердца поглядывали на восток, нетерпеливо ждали рассвете. Чем начнется и чем окончится день?

Начался, как и предполагали, танковой атакой. Множество танков, замаскированных снопами хлеба и прикрываемых с воздуха «мессерами», с лязгом и рокотом двинулись на наши позиции. Шквальный огонь артиллерии не остановил их. Зато остановил саперный «сюрприз». От мощных взрывов застывают на месте «тигры», «пантеры», «фердинанды».

— Ага, нарвались гады! — торжествуют саперы.

Четырнадцать стальных чудовищ, подорванных на их минах, насчитали. Продвижение танков было приостановлено. Это дало бригаде возможность своевременно и без потерь выйти из угрожающего района и передислоцироваться на новые, запасные рубежи.

Солдатскую смекалку, смелость и упорство при выполнении [36] этого оперативного задания проявили восемнадцатилетний боец Анатолий Смирнов, его боевые друзья Александр Бутнев, Евгений Панарин, Клавдий Ховренко, Александр Шабунин, Зубарев и многие другие саперы.

Когда враг отступил, бойцы устало свалились на землю.

— Какая же силища наседала, а мы выстояли, сдержали ее! — с глубоким вздохом произнес младший сержант Вася Козлов.

Тяжелые бои не утихали. На пятый день сражения в бригаде оставалось

всего две противотанковые батареи. И все-таки 6-я мотострелковая бригада в едином строю с танковыми соединениями продолжала сдерживать натиск озверелых фашистов. Перегруппировавшись, ее сильно поредевшие ряды заняли новый, наспех оборудованный рубеж в первом эшелоне обороны от 2-й Новоселовки до урочища Кузнецово.

Ночью во всех подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания. На одно из собраний пришел член Военного совета армии генерал Н. К. Попель. Кратко ознакомил с обстановкой, поставил боевую задачу. Командир и замполит пошли его провожать и нигде поблизости не увидели никакого транспорта.

— Не удивляйтесь,— объяснил Попель,— командование армии пешком обходит всю нашу линию обороны. Катуков и Шалин тоже пошли. Хотим собственными глазами все увидеть...

Утром разгорелся ожесточенный бой. По рвавшимся к нашим позициям вражеским танкам ударили батареи.

Перед гребнем возвышенности, где проходил передний край бригады, низко пикировали «юнкеры». Дружно и метко били по ним наши зенитки — первый же стервятник, не выходя из пике, рухнул на землю. Спикировал второй — та же участь. Третий, четвертый... «Ура!» — закричали мы. Последний из пяти «юнкеров» не пикировал, а еще некоторое время кружился по спирали. Но и ему недолго довелось кружиться. Приловчившись, наши зенитчики сбили и его...

...Наконец фашистские полчища были остановлены и отброшены, бригада вновь вышла на рубеж Раково — Березовка—Верхопенье. К 16 июля сосредоточились в районе Ивня — Зоринские Дворы, в 20—25 километрах от переднего края; начали готовиться к выполнению новой боевой задачи.

Во время оборонительных боев, даже в самый их разгар не прекращалась партийно-политическая работа. [37] Агитаторы проводили беседы о значении обороны и стойкости в бою, о роли Ленинского комсомола в Великой Отечественной войне, рассказывали, как маскировать огневые позиции, окопы и траншеи, отражать танковые атаки, бороться с «тиграми», знакомили с сообщениями Совинформбюро, увязывая победы с конкретными боями подразделений.

Много славных страниц в боевую летопись бригады вписали воспитанники Ленинского комсомола. Комсомольцы роты 3-го мотострелкового батальона сдержали слово, данное накануне боя на семинаре комсомольского актива. После выхода из боев во время вручения ротной комсомольской организации Почетного вымпела МК и МГК ВЛКСМ комсорг сержант В. Погромский рассказывал:

— Когда наша рота заняла рубеж обороны, мы сразу же внимательно изучили местность, хорошо оборудовали свои позиции и подготовились к бою. И вот из-за гребня высоты стали вылезать фашистские танки. Их было больше сотни. Они шли на наши траншеи, ведя огонь с ходу. От каждого из нас требовалась огромная выдержка, чтобы не растеряться, не дрогнуть...

Пэтээровцам приходилось туго. Но им на помощь пришла артиллерийская

батарея старшего лейтенанта Абзалова. С ее приходом и появлением наших ИЛов вражеские танки повернули назад. За танками, неся большие потери, откатывалась и пехота. В итоге более десяти подбитых танков гитлеровцы утащили на буксире, восемь догорали перед окопами батальона.

Героизм в этих боях был поистине массовым. Из листовки «Прочитай, передай товарищу» стало известно подвиге командира мотострелкового взвода лейтенант Е. Гошарова, который в одном бою уничтожил из пулемета больше взвода фашистов, о санитарке Самородковой, вынесшей из-под огня за неделю боев 41 раненого.

В других листовках, написанных на переднем крае в минуты затишья, рассказывалось об отважных действиях молодых коммунистов — автоматчиков И. А. Беляйкина, А. А. Баракова, Ислама Баширова, командира орудия А. И. Раевского, пулеметчиков И. А. Исупова, В. Р. Кондратюка, В. В. Голубкова, наводчика И. П. Мерченко и заряжающего Ю. Н. Репнина, командира отделения Г. Е. Веселова, об отличившихся связистах Н. В. Ковалева и В.З. Болотине, старшине роты В. П. Кучеренко.

Огромная моральная и физическая нагрузка ложилась на медиков. Санинструктор П. П. Куцяк, фельдшеры М. М. Рубан, Н. Д. Саволей, В. Ф. Маруняк, В. А. Боева, [38] О. С. Сошка и многие другие не знали страха, в невыносимо сложных условиях, под неутихающий грохот разрывов шли в самое пекло боя, чтобы оказать помощь раненым воинам, вынести их из-под огня.

Развернув палатки, врачи В. В. Чаликов, Г. Н. Шемякина, Б. А. Аграновская, Е. Г. Солонович, фельдшер В. П. Боев нередко под бомбежками оказывали раненым неотложную медицинскую помощь. Работали круглосуточно. Бледные, с воспаленными глазами, покачиваясь от усталости, они обрабатывали раны, делали операции, при необходимости отдавали свою кровь раненым.

Не было перебоев с питанием. Работники тыла, старшины подразделений предпринимали все, чтобы личный состав получал трижды на день горячую пищу. Повара готовили завтрак ночью, доставляли его до рассвета к переднему краю, а оттуда бойцы в термосах разносили пищу по окопам, траншеям, блиндажам. На случай, если не удастся доставить туда обед, воины заранее получали сухой паек.

С выходом в район Ивня — Зоринские Дворы в бригаде прошли митинги, партийные и комсомольские собрания. Выступая на митинге, старший сержант Яценко заявил:

Приказ отбить натиск фашистских танков мы выполнили с честью. Теперь, когда измотаны отборные силы врага, мы будем решительно наступать.

Многие наши боевые друзья,— сказал комсорг батареи Кузьменко,— преграждая путь врагу, пали смертью героев. С чувством глубокого уважения к их памяти клянемся, товарищи, в предстоящих боях отомстить врагу за их смерть.

На митингах зачитывались обращения Военного совета Воронежского фронта и Военного совета нашей армии, в которых говорилось, что настал час

мощного удара по врагу. Войскам дан приказ перейти в наступление, и воины Красной Армии должны сильным внезапным ударом разгромить врага, изгнать его за пределы нашей Родины.

ЗДРАВСТВУЙ, УКРАИНА!

В контрнаступление войска Воронежского и Степного фронтов перешли во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта. Началась Белгородско-Харьковская операция. Накануне ее весь командный состав бригады досконально изучил местность. Идя в бой, каждый командир четко представлял себе вражескую оборону в полосе [39] наступления и на флангах, знал, с какими силами ему придется столкнуться. Для ведения разведки в бригаде были созданы дополнительные разведывательные группы. Немало потрудились штабы в организации наступления.

На рассвете на вражеский передний край обрушился ураган огня. Заполыхало багровое зарево, за клубились черные облака. Послышался надрывный гул краснозвездных ИЛов. Заурчали, залязгали гусеницами наши танки. Вслед за ними изготовились к наступлению цепи мотострелков...

В первом эшелоне идут две бригады — 6-я мотострелковая и 22-я танковая, которые совместно с 200-й танковой бригадой, отразив вражеские контратаки, 3 августа овладели деревней Пушкарное и уничтожили там вражеский гарнизон.

«Вчерашнего наступления русских, - рассказывал допрошенный генералом А. Л. Гетманом пленный, — мы не ожидали. Оно застало нас врасплох. Начался страшный артиллерийский обстрел. Мы, артиллеристы, которые стояли за передовой, совершенно не поняли положения. Мы имели приказ оставаться на месте. И вдруг увидели, как из нашего тыла по дороге движется танк. Сначала думали, что наш, но скоро убедились, что дело плохо. Офицеры и некоторые солдаты разбежались, а мы залегли от страха в окопы. Танк прошел в расположение батареи и раздавил все наши пушки... После этого появились русские солдаты и взяли нас в плен»³

Освободив Пушкарное, бригада продолжала наступление на Томаровку. Но, как докладывал командир корпуса генерал А. Л. Гетман командующему 1-й танковой армии М. Е. Катукову, противник упорно оборонял Томаровку, поэтому танковым бригадам пришлось обходить ее с востока, а 6-й мотострелковой бригаде блокировать с востока и севера. 5 августа командир нашей бригады И. П. Елин доложил комкору об освобождении Томаровки. Вечером в Москве прозвучал первый салют в честь советских воинов, освободивших Орел и Белгород.

7 августа во время дальнейшего продвижения вперед, воспользовавшись остановкой, капитан Н. С. Брюзгин собрал группу бойцов на летучий митинг перед боем. Он сообщил им об успешных боевых действиях советских войск на

³ *Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) СССР, ф. 676, оп. 42142, д. 1, л. 16.*

Курской дуге, отметил несомненные успехи танковой армии, корпуса, бригады, назвал имена отличившихся воинов [40] батальона: пэтээровца Риза-Бек Мусина, автоматчика И. К. Сальми, командира взвода В. И. Козяева, медсестры М.М. Рубан, адъютанта штаба Л. И. Федяева, многих других. Затем спросил:

— Так вот, друзья, Томаровка освобождена. Впереди Богодухов. Какую клятву мы дадим?

— Отомстим врагу за пролитую нашими людьми кровь, За разорение нашей Родины.

— Вопросов нет?

— Нет.

— Тогда митинг объявляю закрытым. По машинам!

Догоняем свою бригаду. Контрнаступление идет успешно. 6-му танковому корпусу предстояло отбить у врага первый на его пути украинский город Богодухов. С подходом нашей бригады к реке Мерла 200-я танковая бригада получила возможность перехватить все дороги, ведущие к городу. 7 августа Богодухов был полностью очищен от гитлеровцев. Вошли мы в него ранним утром. Население высыпало на украшенные красными флагами улицы.

— Здравствуй, Украина! — говорили наши воины.

И слышали ответ:

— 3 повэрнэнням! Гоните с нашей земли трижды проклятого фашиста.

«Тридцатьчетверка» комкора А. Л. Гетмана мигом была осыпана цветами. Каждому экипажу танка, каждому воину — цветы. Вошедший вместе с нами в Богодухов член Военного совета армии генерал Н. К. Попель удивлялся:

— И откуда в этом маленьком городке столько цветов?

Центральная улица была заполнена народом. Пробираясь сквозь толпу, седобородый старик на расшитом украинском рушнике поднес генералу А. Л. Гетману хлеб-соль.

— И прежде такие вот носили,— остановив взгляд на генеральских погонах, заметил он.— Як для доброго дила, не грех и надеть... Ты-то сам из каких будешь?

— Сумской я, из крестьян,— ответил Андрей Лаврентьевич и добавил по-украински: — 3 незаможныкив...

Жители города угощали нас молоком, квасом, фруктами.

Поскольку фашисты подтягивали войска, перед нашей бригадой была поставлена задача занять оборону на южной окраине Богодухова. Остальные соединения корпуса продолжали наступление. Вскоре и мы присоединились к наступающим, приняли участие в освобождении ряда населенных пунктов, в том числе Мурафы и Высокополья.

Освобождение Богодухова, как со временем стало [41] известно, имело большое оперативное значение. В книге «Великая Отечественная война Советского Союза 1941 —1945. Краткая история» отмечается, что «с выходом танков соединений в район Богодухова оборона противника оказалась прорванной на всю оперативную глубину. Его белгородско-харьковская группировка была рассечена на две части. Одна под ударами советских войск отступила юго-запад, другая — на юг. К 8 августа разрыв между ними достиг

55 км. Создалась угроза не только харьковской группировке врага, но и донбасской. Это вызвало большую тревогу в ставке Гитлера»⁴

Мы наступали. Политотдельцы, как всегда, находились в подразделениях. Высокий наступательный порыв во многом был обусловлен такими решающими факторами, как личный пример командиров и политработников, их героизм и готовность к самопожертвованию, непрерывная и целеустремленная партийно-политическая работа. Политотдел находил новые, наиболее приемлемые и эффективные формы этой работы в боевой обстановке. Широкое распространение получили здесь небольшие по объему, но важные по содержанию боевые листки. В них рассказывалось о ратных подвигах однополчан. Кто-то из нас составлял тексты, затем их размножали на пишущей машинке. Листки быстро завоевавшие популярность, немедленно доставлялись в подразделения.

Один из листков, например, был посвящен подвигу красноармейца А. С. Ярошева, который во время грандиозного сражения 3 августа в районе Томаровки вскочил на броню вражеского танка и гранатами через открытый люк уничтожил его экипаж. Живой отклик среди воинов вызвало сообщения о героическом поступке лейтенанта С. М. Михайловского, подбившего в тот же день «тигра», о подвигах связиста К. Е. Ершова, шофера Е. Г. Власова, старшины Н. К. Шабаршова, военфельдшера М. М. Рубан. В одном из номеров боевого листка рассказывалось о младшем лейтенанте медицинской службы А. Беспаловой, которая вынесла с поля боя, помогла выбраться из горящих и подбитых танков более ста воинам, оказала им первую медицинскую помощь.

Много работы было у секретаря парткомиссии В. А. Лахтионова. От воинов ежедневно поступали десятки заявлений: «Хочу идти в бой коммунистом! Не пожалею ни сил, [42] ни самой жизни во имя победы над врагом!» Эти заявления надо было оперативно рассматривать, а принятым выдать партдокументы по всем правилам. Делать это приходилось в невероятнейших условиях — под разрывы бомб и снарядов, под свист пуль.

Так, например, было под селом Мурафа. Только добрались мы с майором Н. Н. Прокопенко на огневые позиции минометного батальона, занимавшего там оборону, и приступили к выдаче партдокументов, как налетели вражеские бомбардировщики. Скорее к ближайшей щели! Упал туда, а там лежит уже кто-то. Тем временем рвануло совсем близко, засыпало нас землей. Еще рвануло и еще... Ни солнца, ни неба не видно, лишь дым, пыль, огонь. Пылают несколько домов, автомашина. Стонут раненые, есть убитые... Наконец затихло. Мы начали выбираться из щелей. Только отряхнулись — опять налет.

Когда, все-таки оформив и выдав партдокументы, в конце дня мы возвращались в политотдел, нас настигла еще одна бомбежка. Пришлось падать в глубокую мокрую колею, оставленную машинами, — другого укрытия не было...

Обычно наша автомашина шла в колонне вместе со штабом бригады. В

⁴ Великая Отечественная война Советского Союза 1941 — 1945: Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат. 1984. С. 227.

расположении штаба стояла она во время оборонительных боев. Здесь же были рота управления и медсанвзвод. Штаб нередко подвергался артиллерийским обстрелам, бомбежкам с воздуха. Во время одного из налетов вражеской авиации особенно большие потери понес медсанвзвод. От разрывов бомб здесь погибли два замечательных врача — Е. Г. Солонович и Г. Н. Шемякина, несколько человек среднего медперсонала, пострадали раненые.

В этих местах мы были свидетелями многих воздушных боев. Особенно запомнился один случай. Фашисты сбили наш самолет, экипаж которого выбросился на парашютах. «Мессер», покончив с самолетом, начал атаковать беззащитных летчиков. Первая короткая очередь из пулемета пронзила человека, не успевшего раскрыть парашют, и он, кувыркаясь через голову, летел к земле. Страшно вспомнить... Мы подъехали к опустившемуся на землю парашюту. Совсем юный лейтенант, спускавшийся с парашютом, тоже был прошит очередью из пулемета.

Осматривая места падения летчиков, увидели в траве остренькие, словно камыш, маленькие стебельки. Вырывались они вместе с луковичками. Понюхали — пахнет чесноком. Попробовали — чеснок. Его было здесь много. [43]

11 августа наша бригада оказалась в центре участка, подвергшегося сильному натиску танков дивизии СС «Мертвая голова», которая рвалась в направлении Богодухова. Вместе с другими соединениями корпуса бригада участвовала в ожесточенных боях по отражению вражеской контратаки. К тому времени два мотострелковых батальона совместно с танкистами, нанеся удар в южном направлении, достигли села и железнодорожной станции Высокополье.

То, что здесь тогда произошло, врезалось в память на всю жизнь. Не успели мотострелки осмотреться, а танкисты открыли люки, как вдруг прозвучал пионерский горн. Что это? Откуда? Каким образом? Спустя несколько минут воины увидели необычную для фронтовой обстановки картину: к ним маршевым шагом направлялась небольшая колонна мальчиков и девочек, на груди развевались алые галстуки, с ними шло еще несколько женщин, одна из которых, как оказалось потом, была учительницей местной школы. Впереди колонны четко вышагивал, не переставая трубить горнист. За ним один мальчик нес что-то укутанное в лоскут белого полотна, два других мальчика — аккуратно обструганную, короткую, но толстую колоду.

Бойцы и командиры застыли от удивления. Но вот колонна приблизилась к нам, остановилась. Мальчики быстро установили колоду перед танками, а на нее, стянув полотно, бережно поставили гипсовый бюст Ленина. Потом вернулись в строй, горнист поднял трубу, — прозвучала всем памятная «заря». Дети энергично вскинули руки, замер в пионерском салюте.

Всякое встречалось на войне, но такого, признаться, никто не ожидал. Увиденное до глубины души тронуло наших воинов. Сколько же мужества в этих маленьких сердцах, как они нас ждали, готовились, как встречали!

Утихли звуки горна. Замполит Н. С. Брюзгин едва успел поблагодарить пионеров и сопровождавших их женщин за столь волнующую встречу, как по обе стороны Высокополья почти одновременно раздались два мощных взрыва.

Это саперы бригады подрывали железнодорожное полотно. Итак, железная дорога Полтава — Харьков, которую удерживали фашисты, была перерезана.

Теперь мотострелкам и танкистам надо удержать занятый рубеж. Но не получив поддержки, оба батальона оказались отрезанными от основных сил корпуса. В течение дня 12 августа они героически отбивались от наседавших со всех сторон фашистов. А те, имея большое превосходство [44] в живой силе и технике, с каждым часом сжимали стальное кольцо.

— Отходим на северную окраину Высокополья, — распорядился командир 1-го батальона майор А. И. Кулявин. — Там укроемся за кирпичные дома, железнодорожную насыпь, создадим опорные пункты. На наиболее опасные направления выйдут бронебойщики. Четыре наличных танка держим в резерве.

Комбат, как всегда, и в этой тяжелой обстановке вселял в воинов непоколебимую уверенность в успешном исходе сражения, воодушевлял их на ратные подвиги. Четверо суток не покидали занятых позиций мотострелки и танкисты, проявляя величайшее мужество, смекалку и находчивость, удерживали этот населенный пункт во вражеском тылу.

Несколько попыток обессиленных изнурительными боями частей корпуса пробиться к ним оказались безуспешными. Связь с осажденными батальонами поддерживалась только в ночное время с помощью армейского авиаполка. Летчики доставляли туда боеприпасы, продовольствие, медикаменты, оттуда вывозили раненых и больных. Наконец решили вырваться из вражеского кольца. В ночь на 16 августа 160 бойцов и командиров пробились из окружения мелкими группами, после чего сосредоточились в лесах вблизи Мурафы. Одну из таких групп вел заместитель командира 1-го батальона по политчасти капитан Н. С. Брюзгин. В его наградном листе написано:

«Тов. Брюзгин в наступательных боях с 3. 8, 1943 г. проявил себя смелым, инициативным командиром. Все время находясь на НП, он помогал командиру батальона управлять подразделением в бою, строго контролировал выполнение приказов комбата и вышестоящих командиров... В бою за ж.д. Харьков — Полтаве и за д. Высокополье т. Брюзгин все время находился в подразделениях, и ни одна рота не отошла без приказа, в труднейших условиях вела жестокие уличные бои до последнего патрона. Батальон уничтожил: танков Т-VI—3, танков Т-IV—1, бронемашин — 1, мотоциклов — 7, автомашин — 8, повозок— 1, ручных пулеметов — 5, солдат и офицеров — 470. Находясь... в окружении, т. Брюзгин вывел с собой 13 бойцов и одного командира».

Не добившись успеха под Богодуховом, гитлеровцы предприняли контратаку со стороны Ахтырки. В этот район в составе корпуса была срочно переброшена и наша бригада. Местность ровная, безлесная. Вся наша боевая техника как на ладони — танки, самоходки, орудия, минометы, [45] автомашины... Маскировать нечем. Кое-кто прикрыл снопами, но все равно видно. На виду и командные пункты, наспех подготовленные укрепления. «Юнкерсам», «хейнкелям», «хеншелям» не надо даже снижаться, пикировать, с любой высоты во что-то попадут. И они бросали свой смертоносный груз наугад, по площадям. Укрыться негде. Просто для порядка уходили в щели, а если их не было — ложились на землю, вверх лицом, наблюдая и прикидывая в

каком, примерно, месте упадут бомбы.

Очередной заход бомбардировщиков застиг нас со старшиной Кротом именно так. Лежим, смотрим. Правее, левее... Недолет... Перелет... Крот жмется ко мне. И тут провал... Открыл глаза — санитарная палатка. Капитан Найденов, командир медсанвзвода, что-то говорит, но ничего не слышно. Тогда он пишет на клочке бумаги: «Ничего, все будет в порядке. Вам надо немножко полежать». Затем подносит указательный палец правой руки к моему поясу. И я увидел, что в латунной пряжке, пронзив ее пятиконечную звезду, застрял осколок...

Спустя несколько дней мы с майором Прокопенко пришли в один из батальонов. Я как раз разговаривал со старшим лейтенантом Доленко. Совсем близко на пути нашего наступления было его родное село. Он уже представлял встречу с родными. «Скоро, скоро...» — сказал Доленко. Начался налет. Мы оказались в одной щели. Вокруг рвались бомбы, шипели осколки. Вдруг на полуслове Доленко умолк, тяжело склонив голову на мое плечо. «Что ты, Доленко?» Не хотелось верить, что он уже мертв. Из его виска алой струей текла кровь...

В тот же день мы узнали еще одну печальную весть — при бомбежке погиб командир 270-го минометного батальона майор Г.Г. Горелов, возглавлявший на Ржевском выступе артиллерийский дивизион 6-й мотострелковой бригады, один из первых кавалеров ордена Отечественной войны 1-й степени.

Тяжелые бои под Ахтыркой продолжались. Особенно напряженная обстановка создалась здесь 20 августа. Минометный батальон в этот день поддерживал мотострелков, наступавших совместно с танками 22-й танковой бригады в направлении совхоза «Комсомолец». Противник яростно сопротивлялся, часто контратаковал. Вражеские самолеты время от времени зависали в воздухе, препятствуя подвозу мин на огневые позиции. А мины были очень нужны. Одна лишь батарея старшего лейтенанта Урусова при отражении контратаки выпустила их за один час более [46] 400. Батарея заставила вражескую пехоту залечь, а когда на этот участок перенесли огонь другие батареи 270-го минометного полка, враг был не только остановлен, но и отброшен на исходные позиции.

К полудню командира батальона В. В. Романова вызвал полковник И. П. Елин. Батальон получил новую задачу: сменить огневые позиции для отражения контратаки противника в районе Бугроватое. Это было очень трудно осуществить. Ведь в небе — самолеты. Одни бомбят, другие охотятся за автомашинами, танками. Минометные расчеты старшего сержанта Слинко, сержанта Голубева и другие замаскировали свои автомашины снопами пшеницы и так переехали на новые позиции. Но без потерь не обошлось. На марше от прямого попадания авиабомбы погиб расчет старшего сержанта Горюнова из батареи старшего лейтенанта К. Роговченко.

Наконец перебрались. На новых позициях быстро оборудовали щели, окопы. Минбат поддерживал мотострелков 1-го батальона майора Кулявина.

Во второй половине дня противник несколько раз атаковал этот батальон.

Часто нарушалась связь с батареями, из-за чего затруднялось ведение огня. Комбату Романову пришлось взять из боевых расчетов по одному бойцу в помощь связистам, а батарею старшего лейтенанта Овчинникова перевести в лощину, на расстояние 60 метров от наблюдательного пункта и управлять огнем с помощью живой цепи.

В этом бою за четыре часа батальон из 14 минометов (4 были выведены из строя) выпустил 1200 мин.

В один из напряженных моментов боя налетели «юнкеры», засекли батарею старшего лейтенанта Урусова, начали ее бомбить. Глянув в бинокль, Романов с горечью сказал:

— Погибла батарея... Ничего там живого не осталось...

Но батарея не погибла, вскоре подала свой голос. К большой радости командования батальона, никто из огневых расчетов не пострадал.

— Как вы уцелели? — удивлялся комбат.

И Урусов рассказал, как умело оборудовали бойцы свои огневые позиции, как бесстрашно вели огонь. Вот где сказался результат предбоевой учебы под Обоянью.

Трудно пришлось расчетам минометчиков, когда на гребне одной из высот показались фашистские танки. Здесь продемонстрировали свое мастерство танкисты из 22-й бригады. Тяжелым был этот бой, но мотострелки и минометчики, [47] танкисты и артиллеристы выстояли. Большую роль играл здесь тот фактор, что мы наступали. Это вызывало большой подъем. Мы шли освобождать родную землю, радовались, что стали сильнее, имеем отличную технику, научились воевать.

В составе корпуса наша бригада приняла участие в освобождении многих населенных пунктов Харьковской, Сумской и Полтавской областей, в том числе городов Ахтырка, Лебедин, Лохвица.

Во второй половине сентября 1943 года нас вывели в район г. Сумы на доукомплектование. Сначала командование бригады размещалось на хуторе Гриценкове, затем переместилось в с. Севериновку. В Гриценкове политотдел квартировал в доме Чеховских. Мать и дочь Чеховские старались создать как можно лучшие условия для работы и отдыха.

Многим запомнился этот хутор и таким эпизодом. Командир корпуса генерал А. Л. Гетман проводил здесь совещание. После решения деловых вопросов начался непринужденный разговор. Накануне совещания комкор побывал в своем родном селе Клепалы, встречался с родными и односельчанами. С улыбкой рассказывал он, как встречали его земляки, осматривали, удовлетворенно приговаривая: «Наш Андрейко — генерал! Очень ему подходит генералом быть!» Шутили, что даже фамилия у него воинская.

— А дед Терентий, есть у нас такой говорун наподобие шолоховского деда Щукаря,— рассказывал Андрей Лаврентьевич,— осмотрел меня внимательно, погони золотые даже ощупал. Точно, говорит, генеральские, как у моего, у которого в денщиках был. Народ собрался вокруг нас, и Терентий стал им описывать, какой я был шалун и заводила. Потому он, Терентий, загодя определил, что Андрейко Гетман непременно выйдет в военные командиры. Я

дедушке Терентию не перечил — пускай поврет. Никаким шалуном и заводилой я не был. Напротив, был смиренным и несколько стеснительным. И верхом моей мечты была профессия путейца. Хотел в город, на рабфак, потом в институт. Но наш военком сказал: «Ты крепкий, иди в Красную Армию». Пошел, привык и полюбил армейскую службу на всю жизнь...

В Севериновке мы жили в доме Ольховиков. Здесь тоже нас приняли словно родных, делились последним. На нашей кухне с прибытием под Сумы кормили неважно. Как оказалось, случилось какое-то недоразумение со снабжением. [48] Продукты изыскивали на месте. В одной из хат организовали командирскую столовую. Сельские девушки охотно взялись нас обслуживать. Но все блюда изо дня в день были только картофельные. Без жиринки, не говоря уже о мясе. Местные жители делились с нами луком. А так как жарить было не на чем, то его подавали в сыром виде. То не было лука вовсе, то такой избыток.

Во время стоянки под Сумами приказом наркома обороны от 23 сентября 1943 года за отличные боевые действия на Курской дуге 6-й танковый корпус был преобразован в 11-й гвардейский. Наша бригада стала 27-й гвардейской, 22-я танковая — 40-й гвардейской, 112-я — 44-й, 200-я — 45-й. 3-й механизированный корпус, входивший в состав 1-й танковой армии, стал 8-м гвардейским.⁵ Это знаменательное событие было встречено с огромной радостью, вызвало у воинов большое воодушевление. В бригаде по этому случаю состоялся торжественный митинг. 27 октября бригада участвовала в параде войск корпуса, командующим которого был комкор генерал-лейтенант А. Л. Гетман, а принимали его командующий 1-й танковой армией генерал-лейтенант М. Е. Катукон и член Военного совета генерал-майор Н. К. Попель.

Вместе с комкором А. Л. Гетманом, заместителем командира корпуса по политчасти генерал-майором И. М. Соколовым командующий армией и член Военного совета присутствовали и на одном из построений бригады, где вручали наиболее отличившимся в боях воинам высокие правительственные награды. Ордена Красного Знамени получили помощник начальника политотдела по комсомолу В. Елисеев, комсорг 2-го батальона В. Бардак, орден Красной Звезды — заместитель командира 1-го батальона по политчасти Н. С. Брюзгин, медали «За отвагу» — капитаны Т. Г. Гусев, В. А. Лахтионов, старшина Вася Вязанкин.

В Севериновке полку политработников прибыло. На учрежденную должность заместителя начальника политотдела был назначен капитан Г. И. Чулков — человек, как и многие другие политработники, сугубо гражданский (до войны был директором ветеринарного техникума), но успевший повоевать. Черноволосый, круглолицый, на груди — орден Отечественной войны 1-й степени и медаль «За оборону Сталинграда», Чулков сразу же завоевал наши симпатии своей простотой, чуткостью, отзывчивостью, высокой эрудицией. К тому же он показал себя опытным [49] и храбрым политработником. Никогда, даже в самой сложной обстановке не терялся, своим поведением внушал

⁵ ЦАМО СССР, ф. 299, оп. 3070, д. 70, л. 198.

уверенность и тем, кто был рядом с ним. Одно его присутствие действовало успокаивающе: раз с нами Чулков — все будет в порядке.

Новый заместитель начальника политотдела часто вспоминал о Сталинградской битве, а мы — о сражениях на Курской дуге.

— Как-то,— вспоминал В. А. Лахтионов,— по заданию командования мы подвозили к передовой боеприпасы. Среди ночи в тылу наших войск наткнулись на колонну, двигавшуюся в сторону фронта. Колонна остановилась, и мы спросили у тех, что шли первыми: «Куда, братцы, путь держите?» И тут послышалось чужое, но знакомое слово: «Вас?» То были гитлеровцы. Оказавшись отрезанными от своих, они под покровом ночи стремились пробиться через линию фронта. В тот же миг я резанул в упор из автомата. Бойцы сориентировались мгновенно. Фашисты не успели ахнуть, как были наголову разгромлены. В этой стычке мы захватили девять автомашин с военным имуществом.

— Так же примерно случилось и у меня,— продолжил рассказ Т. Г. Гусев,— только лицом к лицу мы не сталкивались, потому что шли позади их колонны. Ну, а дальше события развертывались таким же образом, как и у Лахтионова.

Время, проведенное в Севериновке, было предельно заполнено неотложными делами. Бригада доукомплектовывалась личным составом, боевой техникой. Дни и ночи не прекращалась напряженная боевая и политическая подготовка. Важную роль сыграли проведенные со всем личным составом обстоятельные разборы прошедших сражений, на которых отмечалось, что проведенная командирами и политработниками предбоевая работа в ходе сражения принесла желаемые результаты. При выходе из строя командира какого-либо расчета или отделения их с успехом заменяли красноармейцы. Когда возникала необходимость, взводом командовал командир отделения, ротой, батареей — командир взвода. Командир роты был готов возглавить батальон. С анализом приобретенного опыта перед офицерами выступил комбриг полковник И. П. Елин. С сержантским и рядовым составом разбор делали командиры подразделений.

Основное внимание во время затишья или переформирования командиры обращали на отработку стремительно го [50] наступления, испытанных способов и приемов широкого решительного маневра, ведения ночного боя. Мотострелки учились передвигаться то на автомашинах, то в пешем строю. С первых дней выхода в резерв во всех подразделениях для личного состава были введены ежедневные часовые политзанятия, физическая подготовка.

Настойчиво отрабатывали приемы организации наступления и взаимодействия командиры и штабы. С этой целью проводились штабные и командно-штабные учения.

Вечером 6 ноября во всех подразделениях состоялись торжественные собрания, посвященные 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В праздничные дни бригадный радиоузел транслировал передачи из Москвы. Демонстрировались кинофильмы, выступали с концертами участники художественной самодеятельности.

На очередном построении нам торжественно вручили гвардейское знамя, нагрудные знаки «Гвардия». С молодыми воинами встречались бывалые фронтовики-орденоносцы. Они рассказывали о ратных подвигах однополчан, делились боевым опытом. В Севериновке проводили на новую должность — заместителем командира 2-го мотострелкового батальона по политчасти — капитана Лахтионова.

Об этом мы искренне сожалели. В прошлом комсомольский работник, он с первого дня войны рвался на фронт. Не отпускали, да и очень плохое зрение подводило. Все-таки настоял, призвали в армию. Окончил курсы Политсостава, попал на фронт. Почти все время — на переднем крае, среди красноармейцев, проводил беседы, читки газет, организовал оперативную работу по приему в партию. Как он радовался первой награде — медали «За отвагу»! Как высоко ценил ее, гордился ею, считая, что заслужить эту медаль — большая честь.

Когда Лахтионов прибыл замполитом в батальон, бойцы сразу же засыпали его вопросами:

— Долго ли будем ждать наступления?

— Когда пойдем в бой?

— Что слышно о втором фронте?

— В бой-то скоро, а вот насчет второго фронта пока сказать нечего,— ответил замполит.— Ну что ж, обойдемся и без их помощи.

Он вынул из полевой сумки аккуратно сложенный лист бумаги, развернул его.

— Далеко мы ушли от столицы, но крепкие узы дружбы с нашими шефами — московскими комсомольцами [51] не порываются. Мы им сообщаем о своих боевых делах они — об успехах в труде, шлют нам свои наилучшие пожелания. Вот послушайте, что они пишут по случаю преобразования корпуса в гвардейский:

«Родные богатыри земли русской! В день славного юбилея нашего Ленинского комсомола молодежь столичной области шлет вам горячий привет и до земли-матери низкий поклон с благодарностью за верное служение Родине... за бесстрашие, мастерство, отвагу в боях с немецко-фашистскими басурманами. Мы много и хорошо работаем для фронта, для великого дела победы, но клянемся, что сможем работать еще больше, еще лучше... Будет, скоро будет этот радостный день, когда на богатом пире победы мы посадим вас в красный угол как героев, как гордость нашу! От всей души желаем славным гвардейцам новых боевых успехов! Вперед, орлы, за нашу великую мать-Родину!»⁶

Гвардейцы ответили на это письмо клятвой мужественно сражаться с врагом, не щадить ни сил, ни самой жизни для полной и скорой победы.

К тому времени линия фронта уже передвинулась под Житомир, и нам предстояло следовать к новому месту сосредоточения.

⁶ ЦАМО СССР, ф. 676, оп.300647, д.1, л. 75

ИЗ-ПОД ЖИТОМИРА — НА ВИННИЧИНУ

В начале декабря 1943 года 27-я гвардейская мотострелковая бригада в составе 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й танковой армии выгрузилась из железнодорожных эшелонов на станции Дарница. Через Киев своим ходом вышли в район Святошино, оттуда — в Бышев.

Там сразу же началась напряженная подготовка к осуществлению новой боевой задачи. Все звенья вышли на рекогносцировку местности и маршрутов предполагаемого движения. Приняты решения, поставлены задачи подразделениям. Согласованы все вопросы взаимодействия. Засвидетельствовали свое возросшее мастерство штабы, подготовив необходимые документы по управлению подразделениями, организации артиллерийского и инженерного обеспечения. Штабы контролировали готовность боевой техники и оружия, запасы материальных средств. Заметно улучшилась работа служб снабжения. Интенданты [52] своевременно и полностью обеспечили бойцов зимней одеждой, четко наладили питание, медицинское обслуживание.

Судя по всему, идем на Винничину.

После прорыва обороны гитлеровцев стрелковыми частями на рубеже Брусилів — Хомутець повели наступление совместно с танковыми соединениями и подразделениями нашей бригады. До 26 декабря шли во втором эшелоне. Затем во время приближения к селу Зарубинцы бригаду выдвинули в первый эшелон для оказания помощи 8-му гвардейскому механизированному корпусу генерала М. Кривошеина в развитии наступления.

На подступах к селу Карловка в тяжелом положении оказался 1-й мотострелковый батальон, возглавляемый майором А. И. Кулявиным. Он еще не успел окопаться, как на него неожиданно двинулось 13 вражеских танков и более батальона пехоты. В течение дня мотострелки мужественно отбивали атаки превосходящих сил врага и наконец отразили их, нанеся противнику большие потери в живой силе и технике.

Продолжая с боями продвигаться вперед, наша бригада овладела ближайшими к Казатину селами Пузырьки и Непедовка. Здесь обстановка была еще более сложной, чем под Карловкой. Предприняв контратаку, гитлеровцы бросили на левый фланг бригады 40 танков с пехотой, на правый — около 30 танков. Танки сбили боевое охранение, потеснили мотострелков.

Выручила артиллерия. Первой нанесла сокрушительный удар противнику батарея старшего лейтенанта П. С. Бородина из артиллерийского дивизиона. Потеряв 8 танков, 2 автомашины и до взвода пехоты, фашисты пошли в обход наших позиций, но и там были встречены артиллерийским и минометным огнем. В отражении вражеской контратаки отличились артбатарея старшего лейтенанта Элгендарашвили и минометный взвод младшего лейтенанта Слинко.

Вести наступление нашим мотострелкам было необычайно трудно. Непрерывно лил дождь с ледящим ветром. Машины забуксовали, застряли на дорогах. Бойцы шли пешком. Ноги увязали в непролазной грязи. А надо же

поспевать за танками!

В ночь под новый, 1944 год корпус предпринял наступление в южном направлении. 27-я гвардейская мотострелковая бригада совместно с 40-й гвардейской танковой бригадой перерезала железную дорогу юго-западнее Казатина, освободила село Пустох и продолжала продвигаться [53] вдоль железной дороги в сторону Винницы. При овладении селом Великая Степь наткнулись на пехоту и танки фашистов. В жестокой схватке враг был разгромлен.

Дальше на нашем пути лежала станция Голендры. В числе первых воинов, ворвавшихся на эту станцию, были автоматчики В. И. Ключарев и М. Ф. Чернов, комсорг 1-го батальона В. С. Козлов.

6 января мы вышли на подступы к райцентрам Липовец и Ильинцы. В бою за село Латанцы снова отличился 1-й батальон. Наткнувшись на позиции 228-го пехотного полка гитлеровцев, он принял бой. Батальон против полка! Но воины не дрогнули. Десять часов продолжался неравный поединок. Помог подоспевший к месту сражения 3-й батальон майора Федюшина. Общими силами вражеский полк был уничтожен.

Развивая наступление, 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова ворвалась в Жмеринку. Удержаться, правда, она там не смогла. Узнав об этом, начальник инженерной службы бригады В. А. Бозбей сказал:

— Жаль, что так вышло. Жмеринка — моя родина, там мои родные. Если бы я был с Гореловым, может, и не ушли бы, ведь город я знаю как свои пять пальцев...

Комбриг И. П. Елин тоже очень сожалел, но помочь уже ничем не мог. В. А. Бозбею посчастливилось побывать дома, но позже, когда после выздоровления возвращался в свою часть из винницкого госпиталя. Встречался с матерью, сестрой Евдокией. Не знал, что эта встреча будет последней...

Задачи перед бригадой ставились сообразно обстановке. То наступали на юг, то на юго-восток, то снова на юг. Сплошной линии обороны у гитлеровцев не было.

В ночь с 8 на 9 января 1944 года передовой отряд бригады, достигнув села Комарово, остановился, чтобы уточнить обстановку. Автоматчик нашей бригады, восемнадцатилетний красноармеец из Чувашии М. Ф. Чернов получил задание разведать расположение гитлеровцев. Он подполз к крайнему дому, бесшумно снял часового и бросил в окно гранату. Раздался взрыв. Десять вражеских солдат отважный воин уничтожил, одного ранил. Взрыв послужил сигналом к атаке. Подошли наши танки, мотострелки... Завязался жестокий бой.

Утром 9 января разведка донесла: около 60 фашистов засели возле церкви. Красноармеец Чернов вместе с десятью бойцами пошел на них в атаку. Здесь его сразила вражеская пуля. Атаку завершили остальные. [54]

Мотострелки и танкисты окружили в Комарове и разгромили вражеский пехотный полк, но тяжелые бои в этом районе еще продолжались. Даже после того, как соединения корпуса отошли к Вороновице, бригада продолжала удерживать Комарово.

Накопив силы, гитлеровцы перешли в контрнаступление, Наши войска

вынуждены были с тяжелыми боями отходить в только что освобожденный район Липовец — Ильинцы. За время непрерывных боев, длившихся более трех недель, бригада понесла значительные потери. В это время она подчинялась 8-му гвардейскому мехкорпусу. Отходя, заняла рубеж обороны Цыбулев — Ивахны.

Несколько позже нас перебросили к огненному кольцу, в котором была зажата окруженная немецко-фашистская группировка в районе Корсунь-Шевченковского. Ударный отряд бригады направился в Медвин, чтобы преградить путь прорвавшимся из окружения фашистам.

Все было бы хорошо, если бы не погода. Наступила оттепель. Дороги разбиты. Грязь непролазная. Автотранспорт застрял. В валенках, полушубках мотострелки шли пешком, неся на себе оружие и снаряжение. Вдруг запуржило, занесло дороги. Но отряд не останавливался. Шли днем и ночью. 50 километров пути преодолели досрочно, несмотря на непогоду. 18 февраля наш отряд в нескольких километрах от Медвина вступил в бой.

У Лисянки, на участке, который оборонял ударный отряд бригады, гитлеровцы отчаянно пытались вырваться из «котла». Особенно упорно лезли они на огневые позиции роты автоматчиков старшего лейтенанта И. В. Заплахова. Не остановила врагов и предпринятая мотострелками контратака. Ее пришлось повторить. Тяжелораненого командира роты заменил младший лейтенант Корышев. Мощным ударом рота остановила напор гитлеровцев.

С наступлением вечерних сумерек немцы на этом участке умолкли, лишь изредка навешивая над нейтральной полосой осветительные ракеты. Когда совсем стемнело, группа разведчиков, возглавляемая сержантом Борисом Матвеевым, получила от командира бригады специальное задание: срочно, во что бы то ни стало добыть «языка».

Заняв исходный рубеж, бывалые разведчики какое-то время выжидали, затаившись в тесном, наспех вырытом окопчике. Из темноты один за другим к ним начали подходить уставшие саперы, докладывая, что проход через передний край готов, предупреждая о том, что с левой стороны находится вражеская пулеметная точка. [55]

Всматриваясь в темень, разведчики ждали сигнала своего командира лейтенанта Артюхова, чтобы подняться с окопчика и поползти вперед, к нейтральной полосе. Вдруг среди привычного запаха свежей земли, прокуренного шинельного сукна и солдатского пота тонкий нюх взводного уловил аппетитный запах моченых яблок. Откуда?

— А вот,— потрясая наполненным яблоками котелком, объяснил один из саперов. — Там, на нейтралке, хутор, В подвале бочки... Вот и разжились...

Сапер ушел, а в окопчике и вокруг него все еще оставался дразнящий запах. Каждому, кто был здесь, захотелось моченого яблочка. Когда они его видели? И не припомнишь.

— Товарищ лейтенант, — не стерпел сержант Борис Матвеев,— пока суд да дело, разрешите на нейтралку. Я мигом, вы же меня знаете: одна нога здесь, другая там. Разрешите...

Артюхов после некоторого раздумья согласился, строго-настрого

предупредив:

— Только без фокусов. И бегом. Возьми с собой красноармейца Майбороду.

— Мы быстро! У меня уже и рюкзак готовый,— отозвался Майборода.

Поползли. Не так уж и далеко до полуразрушенного хутора — метров полтора. Но ракеты: пых-пых... Каждая их вспышка останавливала продвижение. А вот и остов дома с подвалом. И запах антоновки. Значит, здесь, не ошиблись.

— Давай рюкзак,— шепнул Матвеев на ухо Майбороде.— Мне удобнее. А ты следи в оба, чтобы немец не засек.

Шепнул и начал уже было спускаться в подвал, как неожиданно из дальнего угла послышался голос: «Ганс?» Фашист! Но где он? А-а, вот где! Луч включенного сержантом карманного фонарика осветил коренастого фашиста у бочки.

Матвеев мигом бросился к нему, с разгону, что есть силы ударил головой в грудь, свалил на землю. Подоспел Майборода. Вдвоем скрутили его. Тихо. Больше никого.

— Теперь к своим, — заторопил сержанта Майборода.— Вот лейтенант обрадуется!

— Давай,— скомандовал сержант, но тут же спохватился: — Нет, стой. Я сейчас...

Через минуту рюкзак был наполнен яблоками.

— Теперь к своим... [56]

Предстоящая операция по захвату «языка», естественно была отменена. В ней отпала необходимость. Обрадованные разведчики быстро опустошили рюкзак, приговаривая:

— До чего же хорошее блюдо — «язык» с яблоками!

Рассвело — и снова разгорелся бой. С новой силой запыхал огонь в Босовке. Здесь, как и на участке, где оборонялась рота И. В. Заплахова, тоже создалась сложная обстановка. Село трижды переходило из рук в руки. В результате последнего боя наши войска заняли лишь часть села. Не считаясь с большими потерями, фашисты не прекращали контратак и вели по нашему рубежу прицельный артиллерийский огонь.

Этот огонь донимал всех: танкистов, артиллеристов, мотострелков. Бывало, кажется, за ночь сделаешь все необходимое для маскировки огневых точек, а утром смотришь: бах-бах — и горят наши танки, самоходки, «катюши», вздымаются столбы разрывов над окопами, щелями.

Стойко удерживала наспех занятый рубеж рота старшего лейтенанта Я. И. Исаева, но с каждой минутой ее положение ухудшалось, из-за губительного огня редели ряды бойцов.

— Откуда-то гад бьет, головы не дает поднять,— сокрушался старший лейтенант.— Не иначе как на церковной колокольне уселся наблюдатель. Пушечкой бы ударить, да где ее взять... Наши артиллеристы далековато, к тому же связь с ними прервана...

— А вот! — увидев подошедшую к ближайшей хате самоходку,

обрадовался парторг батальона И. А. Сторожук и опрометью бросился к ней.

— Стой, стой!

Когда самоходка остановилась и из открытого люка выглянул механик-водитель, парторг взмолился:

— Выручай, браток! Срежь вон тот купол!

В мгновение ока Д. П. Полищук вскочил в машину, приказал наводчику Чагодаеву:

— Давай, заряжай! Но бей так, чтобы купол остался, срежь только корректировщика...

Один за другим последовали выстрелы: два пристрелочными осколочными снарядами, напоследок фугасным. И сразу легче стало на переднем крае. Вражеские артиллерийские налеты хоть и не прекращались, но без корректировщика уже не достигали цели, стали беспорядочными.

Разгорался жаркий бой и на участке роты старшего [57] лейтенанта И. П. Филиппова. Бой наши выиграли. Часть гитлеровцев мотострелки истребили, часть взяли в плен. Сам командир роты в этом бою уничтожил восемь солдат и офицера, бросившегося на него с парабеллумом. Пример мужества показал старший сержант Селиверстов. Прикрывая дорогу, ведущую в Лисянку, он пулеметным огнем рассеял группу из 60 солдат и офицеров.

Фашисты отчаянно пытались вырваться из «котла» на участке обороны роты бронейщиков лейтенанта Вострикова. Но даже трем танкам и 150 солдатам и офицерам, действовавшим совместно, это не удалось. Не помогла и атака в лоб — наши стояли стеной. Попробовали нас обойти — потеряли три танка и две третьих живой силы. Оставшимся пришлось, бросая оружие, поднять руки вверх.

Вскоре бои утихли. Немцы сложили оружие. Настала пора подвести некоторые итоги. Участвуя в боях по уничтожению корсунь-шевченковской вражеской группировки, 27-я гвардейская мотострелковая бригада в течение 18—19 февраля уничтожила 1500 солдат и офицеров, пять танков, 300 человек взяла в плен, освободила в населенном пункте Октябрь 20 советских воинов, захваченных гитлеровцами.

Так закончилось участие бригады в первой наступательной операции 1944 года на Правобережье Украины, получившей впоследствии название Житомирско-Бердичевской.

В политотделе изменения. Майора Н. Н. Прокопенко отозвали на другую должность. Заместителем командира бригады по политчасти и начальником политотдела (эти должности были в то время совмещены) 28 февраля 1944 года был назначен подполковник Федор Евтихievич Потоцкий.

Ордена Красного Знамени, Отечественной войны I степени и Красной Звезды, украшавшие грудь Потоцкого, красноречиво свидетельствовали о том, что этот человек участвовал в боях и принадлежит к неробкому десятку. Прибыв к нам, он тотчас же с каждым познакомился, расспросил, кто как исполняет свои обязанности, в чем нужна помощь, что необходимо сделать по

улучшению партийно-политической работы, поставил перед политотделом конкретные задачи. Затем отправился в подразделения, встретился и поговорил с командирами, политработниками, беседовал с бойцами. Любил во всем порядок. Умел сразу и безошибочно уловить малоприметные черточки характера людей, их способности, устремления и слабости, по достоинству [58] ценить добрые проявления, тактично, безобидно указать недостатки.

Как-то член Военного совета Н. К. Попель по пути в бригаду заехал на командный пункт штаба корпуса, встретился с комкором А. Л. Гетманом. Было время завтрака. Блюдо обычное — каша пшенная. Высказав по поводу этого стылого блюда явное недовольство, генерал Гетман тем не менее пригласил Попеля составить компанию.

— Ничего, скоро мы заживем,— не то утешая себя, не извиняясь перед Попелем, сказал комкор.— Наш новый начальник политотдела придумал у крестьян пшено на картошку менять.

Прибыв в политотдел бригады, член Военсовета и комкор застали там только капитана Гусева, который принимал очередную сводку Совинформбюро.

— А где все? Где Потоцкий?

— У нас теперь новый начальник и новый порядок — все в частях,— ответил Гусев.

— Ну-ну... И что же, лучше, когда в частях?

— Пожалуй, лучше. Теперь в донесениях материал посвежее, факты сами проверяем. Правда, непривычно как-то, беспокойно.

У члена Военного совета уже складывалось определенное мнение о Потоцком. Однако вторжение в такие, на первый взгляд, несвойственные политработнику дела, как тот же обмен пшена на картофель, кое-кому не нравилось. Заместитель командира бригады по тылу даже обиженно спрашивал, нельзя ли его избавить от «постоянных придинок» нового начальника политотдела. На подходе к траншеям Попель услышал:

— Без бруствера окопу грош цена. Создается впечатление, будто вы просто отвыкли от обороны, зазнались малость. А на войне за зазнайство кровью расплачиваются!

Это говорил Потоцкий. Перед Попелем предстал человек, которого можно было принять не за кадрового политработника, а за «приписника»: короткая перемазанная шинель, кирзовые сапоги, полевая сумка из кожзаменителя с парусиновым ремешком. Но Потоцкий был кадровым. С 1939 года служил в Красной Армии, понюхал порошу в первые же дни войны, был корреспондентом «Красной Звезды», редактором дивизионной многотиражки.

Обходя подразделения, рассказывая красноармейцам об окруженной группировке под Корсунь-Шевченковским и обращении нашего командования к окруженным, вспоминает Попель, Потоцкий вдруг подал идею: а что если [59] передать обращение через мощную говорящую установку? Чтобы все немецкие солдаты знали, а не только их командование?

— Оно бы не худо,— ответил тогда Попель,— но нет перевода.

— Не боги горшки обжигают,— настаивал Потоцкий, — До войны я

изучал немецкий. Считал, война с Гитлером неизбежна, в войне мы победим, а коль так, в Германии свершится пролетарская революция. Надо будет помогать немцам. Немножко схематично, но в принципе и сейчас считаю: схема верна. А вот наш инструктор по работе среди войск противника немецкий язык не очень-то жалует, Но грамматикой владеет сносно. Мы с ним переведем, И ночью я прочитаю через установку. Как вы на это смотрите?

Попель согласился. Слушая собеседника, он подумал: какой деятельный, думающий политработник. Антигитлеровской пропагандой он занимался увлеченно, с полной отдачей сил и знаний.

Новый начальник политотдела уже в первом бою у населенного пункта Комсомольское на Винниччине показал пример мужества. В критическую минуту сам поднял бойцов в атаку, они бросились на врага, обратив его в бегство.

Ушел Гусев. На его место получил назначение майор А. П. Мясичев — хороший товарищ, исполнительный, скромный. Тяжелораненого Володю Елисеева заменил Юра Дружинин. Мне с тех пор и до конца войны пришлось совмещать две должности — инструктора политотдела и ответственного секретаря бригадной парткомиссии. Обновился сержантский состав. В родном подольском крае, вблизи от дома (а как хотелось ему побывать в Баре, повидаться с родными!) смертью храбрых погиб старшина Крот. Моим помощником стал старшина Павел Балицкий, бывший санинструктор. Старшина Вязанкин, неизменный библиотекарь-почтальон, попросился на курсы младших лейтенантов.

На остановках машинистка политотдела Дуся Полянина печатала наградные листы. Один из них — на заместителя командира 1-го батальона по политчасти Н. С. Брюзгина. В реляции отмечалось:

«На протяжении всех боев с 24.12.43 г. по 17.1.44 г. батальон выполнял задания на отлично, пройдя маршем с боями и большей частью пешим порядком до 290 км.

26.12.43 г. батальон, прикрывая правый фланг 11 кв. ТК, неожиданно столкнулся с большими силами противника [60] (19 танков и более батальона пехоты), имевшего целью перерезать путь движения корпуса. Батальон стойко в течение дня сдерживал противника, тем самым обеспечил продвижение корпуса.

31.12.43 г. батальон содействовал 3-му батальону в овладении северо-восточной окраиной г. Бердичев и ст. Бердичев, благодаря чему 3-й батальон выполнил задачу.

10.1.44 г. в д. Латанцы 1-й батальон вместе с артдивизином и 3-м батальоном деморализовал, а затем разгромил 228-й пехотный полк противника. Тов. Брюзгин в боях проявил себя умелым, мужественным политработником, правильно нацеливал политработу на успешное выполнение боевых заданий. В ходе боя был на самых ответственных участках, в частности в р-не д. Латанцы тов. Брюзгин лично руководил батальоном на левом фланге, где положение было очень напряженное. При выбытии из строя парторга комсорга батальона руководил партийной и комсомольской организациями.

Вместе с тем тов. Брюзгин уделял много внимания работе тыла, в результате чего батальон перебоев в обеспечении не имел. Организовал эвакуацию раненых».

В боях на Винниччине и при ликвидации корсунь-шевченковского «котла» наравне с другими подразделениями бригады отважно действовала инженерно-минная рота.

Вскоре нам было приказано сосредоточиться в районе Ружина.

В Ружине, использовав длительную остановку, собралась на очередное заседание партийная комиссия. Единогласно были приняты кандидатами в члены ВКП(б) отличившиеся в боях во время прошедшей операции наводчик орудия А. П. Савенко, пулеметчики В. И. Самойлов и В. Е. Белоус, командир зенитного расчета А. В. Погрущенко, минометчики А. С. Наумов и П. А. Хомюк, наводчик ПТР П. П. Войтов, командир отделения А. В. Пискозубов, автоматчики Е. С. Гусарчук, Д. С. Мазуренко и С. К. Тарасюк, связисты М. С. Ноговицын и А. Г. Тархов, шофер Л. Г. Бахтин.

ЧЕРЕЗ РОДНОЕ СЕЛО

Шепетовка, Изяслав — северные районы моей родной, тогда Каменец-Подольской, ныне Хмельницкой области. В противоположной, южной части — Орининский район, где до 1939 года я работал, село Гуков, где родился и вырос. Там оставались мать, близкие родственники. Почти три года они были под оккупацией, я ничего о них не знал. Всю войну лелеял надежду пройти через родное село, побывать дома. Но, к моему сожалению, наша бригада шла не на юг, а на запад.

Пройдя северными районами Каменец-Подольской области, мы пересекли бывшую советско-польскую границу. Прощай, Подолье, мы теперь на Тернопольщине.

В районе Збаража на несколько дней остановились, Спешно подтянулись тылы, бригада пополнилась личным составом, боеприпасами, продуктами, горючим. На полученных топографических картах мы прочерчивали маршрут дальнейшего движения: Хоростков, Копыченцы, Чортков, Скала-над-Збручем (теперь Скала-Подольская). Скалу бригада должна была освобождать.

— Друзья,— заволновался я,— смотрите-ка, будем проходить мимо... Смотрите: Скала, а на том берегу Збруча — мой Гуков.

— Надо посодействовать,— первым отозвался капитан Брюзгин,— чтобы он побывал дома.

— Конечно, конечно,— поддержали остальные политработники, которых заместитель начальника политотдела Г. И. Чулков пригласил на совещание перед новой наступательной операцией (Ф. Е. Потоцкий в то время находился в одном из батальонов).

21 марта 1944 года вдоль западного берега реки Збруч 1-я танковая армия двинулась на юг, имея нелегкую задачу — отрезать пути отхода 1-й танковой армии немцев, находившейся в то время между Проскуровым и Каменец-

Подольским, и в конечном итоге овладеть Черновцами. Наша бригада совместно с 44-й гвардейской танковой бригадой полковника И. И. Гусаковского вступила в бой за село Колодиевку.

Ломая сопротивление врага, наши воины проявляли величайшее мужество и бесстрашие. И, как всегда, равнялись на коммунистов и комсомольцев, которые показывали пример — первыми шли в атаку.

С помощью напечатанных на пишущей машинке листовок подразделения быстро облетела весть об особо отличившихся в бою за Колодиевку воинах. В листовке рассказывалось о подвиге старшего сержанта коммуниста И. П. Югова и ефрейтора Я. П. Бородавки. Сильный огонь гитлеровцев остановил нашу роту. Югов со своим отделением обошел их, ударил с тыла. Гитлеровцы попытались организовать круговую оборону. «Раз так,— решил Югов.— [62] пойдем в лобовую атаку!» Он первым бросился во вражескую траншею, увлекая за собой остальных, и враг не устоял.

К полудню первого дня наступления бригады И. И. Гусаковского и И. П. Елина овладели Колодиевкой, а к вечеру — железнодорожной станцией Колодиевка и Глебовым. Продвинулись вперед на 20—25 километров, а мне казалось — продвигаемся нестерпимо медленно. До Скалы ведь было еще так далеко. Но каждый шаг приближал к ней.

Вот уже освобождены Хоростков, Копыченцы, Толстое. Продолжая наступление совместно с танкистами И. И. Гусаковского,— когда на танках, когда за танками, а когда и впереди их,— 27-я гвардейская мотострелковая бригада в упорном бою нанесла поражение двум фашистским полкам и, отбросив их на запад, овладела Гримайловом. Справа оставался Чортков, прошли Давыдовцы, впереди Лосяч, а там — Бурдяковцы и Скала.

Мысленно я уже был дома. Однако тут, как это часто бывает, радостная неожиданность сменилась печальной. Попробовав вырваться из окружения и потерпев неудачу, фашисты сосредоточили против наступавших вдоль Збруча танковых армий М. Е. Катукова и Д. Д. Лелюшенко мощный бронированный кулак, ударили на запад, на Скалу и прорвались здесь. Так как нам было рекомендовано не вырваться вперед, а двигаться с тыловыми подразделениями, мы оказались отрезанными от основных сил бригады. Как быть? Ждать, пока проползет коричневая саранча, или попробовать войти в Гуков не с запада, от Скалы, а с востока? Решили попробовать с востока.

Возвращаемся вдоль западного берега Збруча обратно до Гусятина, оттуда, переправившись на восточный берег, берем курс на Чемеровцы, Лянцкорунь, Марьяновку. Попытка, несмотря на все трудности (приходилось вступать в стычки с разрозненными небольшими группами отступающих немцев), увенчалась успехом. Поздно вечером мы подъехали к околице Гукова. Немцы только-только оставили его. Из-за Збруча еще слышалась стрельба.

Зайдя в первую же хату на краю села, я спросил, живали моя мать.

— Жива, жива,— ответила старая Богомольчиха.— Плачет, бедная, панихиду справляла, кто-то сказал, что видел, как тебя на куски снарядом разорвало...

Не успели мы договорить, как на пороге появилась запыхавшаяся моя

мать,— кто-то уже успел сбегать и сообщить [63] ей о моем появлении. За ней тетя Таисия, ее сын Володя... Плачем все от радости.

— А усы — как у Тараса Бульбы! И погоны...

— А ты знаешь,— спешит рассказать мать,— когда отступали немцы, зашел ко мне один их солдат и спрашивает по-нашему: «Вы меня не узнаете, тетя Оля?» — «Не узнаю»,— говорю.— «До войны я к вашему сыну пару раз заходил, вы еще яичницей с салом угощали... Плохо мне, отступаю, от своего дома ухожу, и деваться некуда... Вот вашему Михаилу лучше. Он дослужился у немцев до офицера, я встречался с ним в Проскурове в ресторане. И жена у него немка, Гертруда. Так что не ждите...» — «Брешешь!— сказала я.— Брешешь, мой сын на такое не способен!» А другой хлопец, из Пятничан, клялся и божился, будто видел, как тебя убило возле Днепропетровска. Он при немцах вернулся в село и служил тут шуцманом...

Да, я знал еще тогда, в сорок первом, что два бывших моих однополчанина стали предателями — дезертировали, остались на оккупированной территории, но чтобы шуцманами? Сейчас бы с ними увидеться! Может, все-таки попадутся? Позже по всем дорогам до самого Берлина как увижу — ведут пленных, останавливаюсь, присматриваюсь, нет ли их?..

Моего двоюродного брата Василька угнали в Германию,

— На вот, прочти,— со слезами на глазах сказала мама и положила на стол несколько писем от него. Я прочел:

«...Я убежал домой с ребятами, находившимися тоже в лагере, и мы попались,— писал он 10 декабря 1943 года.— Их собаки многих из нас поразрывали, а я остался пока что жив. Нас, двоих ребят, что остались, забрали сразу же в тюрьму... Здесь сетка, некуда деваться. Бьют полицаи беспощадно... Если выдержим здесь, в тюрьме, то хорошо... Нас бьют не только нагайками, а палками, досками. Сегодня немец старый ударил меня доской по голове, доска раскололась, а у меня аж свечи засветились в глазах. Страшно переживает наш безвинный народ, терпящий мучения ни за что. Мало того, что нашу святую землю захватили, родную Отчизну, и нас еще добивают хуже, чем скотину...»

Письмо от 17 декабря 1943 года:

«Дорогая тетя Оля!

Что ни день, то что-то новое в моей невольничьей жизни, которую я проклинаю. Уже знаю, что такое концлагерь, карцер. За непослушание загнал меня хозяин в концлагерь, а там я попал в карцер. Пусть бог милует и спасает от [64] такого! Нас не считают за людей, а сами они кто? Разве можно над людьми так издеваться? Лучше б сразу убили, чем тот лагерь, карцер.

А как вы там? Не слышно ли что за братика Мишу? Хоть как тяжело, а все думаю: будет же этому когда-то конец. И будет у нас все как было до войны и еще даже намного лучше...»

Пока мы разговаривали, не заметили, как пришла ночь. Едва забрезжил рассвет, застучали в двери односельчане и начались расспросы: где воевал, не встречал ли моего...

В Гукове задержались недолго. Уехали б на второй день, но сломалась машина, пришлось в разбитых полуторках искать необходимые части и самим

ремонтировать. Надо было спешить, догонять своих.

Перед самым отъездом в дверь постучала Аня Коринец.

— Тут у нас раненый красноармеец,— переступив порог и поздравив меня с неожиданным визитом, сказала она. — Может, возьмете? Он мог бы побыть еще у нас, но ему нужна неотложная врачебная помощь...

Выяснилось следующее.

Когда советские воины пришли наконец в Гуков, а потом погнали фашистов дальше, здесь разместились тыловые подразделения. В хату Коринцов привезли раненого красноармейца. Но вскоре за марьяновским лесом загремели орудия и совсем близко зататакали пулеметы, затрещали автоматы. Сельчане глазам своим не поверили: немцы! Снова немцы идут в село...

«Может, пройдут стороной?» Глянула в окно — куда там! Уже ворвались в хату Петра Зависляка, на усадьбу Захара Метельницкого... Что же делать?

Вдруг скрипнула дверь.

— Яйка, млеко, масло, клéb...— фашисты заглядывали в пустые горшки, разбрасывая все, что попадалось им под руки. Подошли и к печке.

Анна, еще не зная, как объяснить свои действия, встала перед гитлеровцами и решительно выпалила:

— Не пуцу!

За ее спиной послышался стон.

— Бабушка больная умирает,.. — наконец сообразила что сказать девушка.

— Врешь! — не отступали гитлеровцы.— Будем, фройляйн, стрилайт... —

Один из них поднес к лицу девушки ствол автомата.

Но Анна спокойно смотрела на него широко раскрытыми глазами. [65]

— Тиф, понимаете, тиф у бабушки... Бабушка кранк...

Непрошенные гости пугливо переглянулись и поспешно вышли из хаты.

— Возьмете? — закончив рассказ, спросила Аня.

— Конечно, возьмем!

Красноармеец оказался из 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко.

В Скале встретили однополчан, от которых услышали печальную весть: в бою за поселок погиб замполит 1-Го мотострелкового батальона капитан Н. С. Брюзгин. Похоронили капитана на центральной площади, поставили на могилу солдатский памятник — пирамидку с портретом и звездочкой, дали прощальный салют из автоматов. Спустя несколько минут красноармейцы привезли сюда еще одного погибшего нашего однополчанина — сержанта М. Д. Малюгина.

В Борщеве встретился с давним знакомым старшим лейтенантом А. П. Могилевым. От него узнал о подвиге комсомольского экипажа танка младшего лейтенанта Ивана Махновского из 44-й гвардейской танковой бригады, вместе с которой наша бригада освобождала Надзбручье. В боях за Борщев комсомольцы-танкисты уничтожили два вражеских танка и противотанковое орудие. Кроме того, до прихода танковой роты капитана В. Е. Молчановского они сумели под огнем противника отремонтировать поврежденную ходовую часть своей «тридцатьчетверки», после чего снова вступили в бой — настигли бежавшую вражескую колонну автомашин и разгромили ее.

Вместе с танкистами батальона Ф. П. Боридько отважно сражались десантники-автоматчики двух бригад — 44-й гвардейской танковой и 27-й гвардейской мотострелковой. Но вот наступавшие вдруг попали под пулеметно-минометный огонь гитлеровцев. Танки, разумеется, этот огонь остановить не мог, зато оказался губительным для десантников. Поэтому взводу лейтенанта Клинова пришлось спешиться. Но только лейтенант соскочил с танка, как был сражен пулей. Свинцовая метель, разрывы мин прижали воинов к земле. Перележать бы, пока утихнет, но как лежать, когда впереди, метрах в десяти — ефрейтор Яков Бородавка видел это — упал лейтенант. Раздумывать некогда, надо спасать, и он, пренебрегая опасностью, бросился к раненому, схватил его на руки, быстро, пошатываясь и спотыкаясь, понес с поля боя. Своего командира ефрейтор спас, а сам погиб...

В первых числах апреля услышал я и о подвиге [66] А. П. Могилева. Когда 44-я гвардейская танковая бригада шла на Хотин, его танк мчал во главе колонны и первым ворвался в город, истребляя пытавшихся оказать сопротивление фашистов.

Бригада получила очередную задачу — занять оборону на северном берегу Днестра на рубеже Чернявка — Скала, выставив заслон на восток, в район Гермаковки и Мельницы-Подольской. Пришлось отбивать ожесточенные атаки гитлеровцев, продолжавших группами прорываться из окружения.

Неподалеку от Борщева в районе села Кривче занимал оборону 1-й мотострелковый батальон с приданными ему восьмью танками. Он имел задачу прикрывать тылы 1-й танковой армии. Находясь здесь, батальон фактически оказался отрезанным от своих частей.

Приходилось очень трудно, но побеждала стойкость воинов, их высокий моральный дух, железная дисциплина и находчивость командиров. Не ожидая встретить в этом месте сопротивления, прорвавшиеся из «котла» немцы то тут, то там наталкивались на наши заслоны и боевые охранения. Задача батальона заключалась теперь в том, чтобы не дать противнику определить, что против него стоит всего один батальон, да и тот ослаблен отсутствием связи, недостатком боеприпасов и продуктов питания, отсутствием путей отхода. Большое значение имела круглосуточная разведка, которую возглавили комбат А. И. Кулявин, начальник штаба батальона старший лейтенант П. А. Тайберг, оперуполномоченный особого отдела «Смерш» Латушкин.

Бой в окружении продолжался в течение недели. Без устали, не смыкая глаз, сражались наши воины. Бывало даже, что какое-то время в одном конце села находились наши, в другом — немцы, порой всего в каких-то 20—30 метрах друг от друга. Измотанные и обессиленные, наши мотострелки решили прорвать вражеское кольцо. Захватили с собой раненых и все снаряжение, в том числе несколько минометов с минами, замки от пушек сняли и спрятали в снегу. Ружья ПТР с патронами и остатки продуктов уложили на сани. Собравшись с силами, дали бой фашистам.

Многие в этих жестоких стычках погибли, получили ранения. Ранены были комбат А. И. Кулявин, автоматчик В. И. Ключарев, командир роты Я. И. Исаев, комсорг батальона Василий Козлов, командир взвода В. И. Козяев,

Выход из окружения возглавил старший лейтенант П. А. Тайберг. Дружным ударом батальон атаковал вражескую артиллерийскую часть, обратив ее в бегство. Вырвались! [67]

Метель не утихала. На дорогах образовались большие заносы, а когда снег растаял, разлилась сплошная непролазная грязь.

Покончив с вражескими группировками, 27-я гвардейская мотострелковая бригада принимала участие в освобождении ряда населенных пунктов Северной Буковины — Заставны, Кицмани, Вижницы, Сторожинца и многих других.

Заканчивался первый, наступательный этап Проскуровско-Черновицкой операции. За это время наша бригада прошла с боями около 200 километров. За успешные боевые действия приказом Верховного Главнокомандующего от 30 марта войскам 11-го гвардейского танкового корпуса была объявлена благодарность. Корпус был удостоен почетного наименования «Прикарпатский», а 27-я гвардейская мотострелковая бригада — «Черновицкой» и награждена орденом Красного Знамени.

В начале апреля обстановка на южном участке 1-го Украинского фронта резко изменилась. К тому времени гитлеровские полчища, пробившиеся из окружения, двигались на запад вдоль северного берега Днестра, стремясь переправиться на южный берег. Наш комбриг, получив от генерала А. Л. Гетмана приказ немедленно занять оборону на правом берегу Днестра от Окна до Залещиков, недоумевал:

— Как же так? Почему? Мы ведь только что оттуда пришли...

И не только наша бригада и корпус оказались в таком положении. Была отрезана от базы снабжения вся 1-я гвардейская (25 апреля она была преобразована в гвардейскую) танковая армия. Особенно трудно было с продовольствием. На просьбу помочь нашим войскам горячо откликнулось местное население, в результате на Буковине за короткое время было собрано 40 тонн зерна. Крестьяне, сдавая зерно, говорили:

— Вы вернули нам волю, и нет меры нашей великой благодарности. Сыновья берут оружие, чтобы вместе с вами сражаться против фашистов, а мы поможем своим трудом.

Вскоре вместе с остальными соединениями и частями 11-го гвардейского Прикарпатского корпуса 27-я гвардейская мотострелковая Черновицкая бригада была переброшена к Днестру на рубеж Незвиско—Обертин—Коломыя. Вместе с 40-й гвардейской танковой бригадой она получила задачу отразить на этом участке все попытки врага [68] пробиться на восток. Завязались ожесточенные бои, в которых наши воины проявляли высокий моральный дух, несокрушимую стойкость и отвагу. Под Обертином огневые позиции нашей бригады подвергались сильным бомбоштурмовым ударам. Во весь рост, с закатанными рукавами следом за танками несколько раз поднимались в атаку фашисты. Выручал 270-й гвардейский минометный полк. Он надежно поддерживал мотострелков, своим сокрушительным огнем помогал удерживать занятый рубеж.

В междуречье Днестра и Прута большую работу по минированию

танкоопасных направлений провела инженерно-минная рота. Только взвод лейтенанта Е. О. Опенышева в районе Петрова и Герасимова установил более полторы тысячи противотанковых мин, подготовил шесть управляемых минных плотов, имитировал у Днестра изготовление плотов для переправ.

Вместе с подполковником Ф. Е. Потоцким и сержантом И. Ф. Лузакиным мне приходилось часто бывать в Незвиско на командном пункте 2-го батальона майора Брыкина. Каждый раз замполит В. А. Лахтионов предлагал нам каски. Из села Лука, расположенного в излучине Днестра, гитлеровцы не прекращали интенсивный обстрел передовых позиций батальона, иногда огонь был настолько сильный, что нельзя головы поднять.

Обстреливались не только огневые позиции батальона и командный пункт. Гитлеровцы держали под огнем большое пространство в глубине нашей обороны. Это мы чувствовали каждый раз, как только достигали гребня возвышенности по пути к батальону. Подобные походы были весьма рискованны, но отказаться от них нельзя, ибо мы с Лузакиным были глубоко убеждены: новый начальник испытывает нас на бесстрашие.

Подобные испытания практиковались и раньше. Под тем же Незвиско, когда нашим было очень трудно, Потоцкий решил «оторваться» от штаба бригады, размещавшегося на положенном расстоянии в укрытии, и распорядился поставить нашу полуторку в непосредственной близости от передовой, у одинокого домика на самом «пупке» возвышенности, насквозь простреливаемой гитлеровцами из пулеметов.

Увидев машину, противник усилил огонь. Потоцкий в это время совершенно спокойно расхаживал по двору, затягиваясь папиросой и краешком глаза наблюдая за своими сотрудниками. В домике сразу же создалась обычная рабочая обстановка: стучал «ундервуд», выписывались [69] партийные документы, собирались на совещания политработники из подразделений.

На резонные замечания, зачем подвергать машину и людей опасности, он отвечал:

— Война ни для кого не делает исключений, никому не дает преимуществ.

Но истинное объяснение действий начальника политотдела состояло в другом: коль политотдел маячит на самом видном месте, на глазах у врага — значит, не страшно, устоим. Под стать Ф. Е. Потоцкому был и его заместитель майор Г. И. Чулков, который тоже во время сильного обстрела приказывал всем уходить в укрытия, сам же уходил последним или оставался «на перекур» с Потоцким.

29 апреля мы потеряли еще одного боевого друга — В. А. Лахтионова. Когда он в Незвиско наблюдал за ходом боя, в нескольких метрах от командного пункта разорвалась вражеская мина, осколок которой смертельно ранил его. Парторг батальона Борисов, рискуя жизнью, вынес замполита из зоны огня, сделал перевязку, организовал эвакуацию в тыл. Спустя несколько часов, не придя в сознание, Лахтионов скончался. Его последнее письмо жене Тоне, написанное 25 апреля («прямо в боевой обстановке получил орден, вспоминаются прошлые майские дни, и так хочется побыть с тобой»), еще было в дороге. Тоня получила письмо уже после Первомайских праздников...

Замполита Лахтионова похоронили в Городенко рядом с могилой командира 1-го мотострелкового батальона майора А. И. Кулявина, погибшего 19 апреля.

А. И. Кулявин был ровесник Октября. Его родина — село Каспля Кордымовского района Смоленской области. Сын печника, он с ранних лет облюбовал профессию педагога. После окончания средней школы поступил в Смоленский педагогический институт. Однако осуществить свою мечту ему не довелось — в 1939 году со второго курса призвали в Красную Армию. Пришлось приобретать другую специальность, военную. Только окончил танковое училище, как началась война. Сразу же попал на фронт, воевал в родном краю. Под Ельней дважды ранен.

К нам пришел из 22-й танковой бригады, в составе которой участвовал в обороне Москвы. За проявленный героизм и мужество в битве под Москвой был награжден орденом Красного Знамени. Второй орден Красного Знамени получил уже как командир 1-го мотострелкового батальона нашей бригады за участие в Житомирско-Бердичевской операции. [70]

«В наступательных боях в декабре 1943 г. — январе 44 г., — отмечалось в наградном листе, — 1-й мотострелковый батальон под командованием гвардии майора Кулявина возложенную на него задачу выполнил отлично. Лично Кулявин дисциплинированный, храбрый и волевой командир.

2 декабря 1943 г. корпус имел задачу выйти из Андрушевки в район Держановки. На 1-й мотострелковый батальон возлагалась задача прикрыть правый фланг корпуса, вставив заслон в районе ст. Бровка, Крыловка. Батальон, подойдя ближе к Крыловке, не успел окопаться, как на его боевые порядки противник перешел в наступление силою до 13 танков и более батальона пехоты, стремясь перерезать путь движения корпуса. Батальон мужественно и от- важно в течение дня отражал атаки превосходящих сил противника, не допустил его прорыва. Противник потерял 4 танка, более 250 человек пехоты и был отброшен».

Третьего ордена — Отечественной войны 1-й степени — майор Кулявин был удостоен за образцовое выполнение заданий командования в ходе Проскуровско-Черновицкой операции. Вот что писал об этом в наградном листе командир бригады подполковник С. И. Кочур:

«После успешного ввода бригады в прорыв 21 марта 1944 г. выполнение дальнейшей задачи могло быть задержано в связи с тем, что противник на левом фланге корпуса в районе м. Гримайлов создал сильный узел сопротивления с наличием танков «тигр».

Командиром бригады было приказано 22.3.44 г. 1-му мотострелковому батальону под командованием гвардии майора Кулявина обходом с севера во взаимодействии с 63-й танковой бригадой овладеть м. Гримайлов.

Гвардии майор Кулявин умело организовал наступление и взаимодействие, пробив небольшую брешь в обороне противника, устремил батальон в м. Гримайлов и начал уличные бои... Противник был окружен и уничтожен. В результате боя ему был нанесен урон: уничтожено 2 танка, из них один типа «тигр», до 20 автомашин и 120 солдат и офицеров, при незначительных потерях с нашей стороны».

В бригаде знали А. И. Кулявина как храброго, энергичного, целеустремленного, беспредельно преданного своему делу командира, верного сына Коммунистической партии.

Война свела Кулявина с военфельдшером Марфой Рубан: сначала в один батальон, затем — в одну семью. Они поженились, ждали ребенка. В январе 1944 года под [71] Винницей он провожал жену на родину. Там они навсегда расстались. Спустя месяц после гибели мужа у Марфы родилась девочка...

Гибель Кулявина была большой утратой. Особенно тяжело переживал ее старший сержант Черкашин, бывший ординарец комбата.

Пока мы стояли под Городенко, он часто навещал его могилу, носил туда цветы.

11 мая корпус вывели из боя. Мы объездили близлежащие населенные пункты — Глушков, Рашков и Тышковцы. Везде видели подбитые, обгорелые танки, автомашины орудия, разрушенные дома, бомбовые воронки. Одна огромная воронка — прямо посреди улицы. Каким был взрыв нетрудно представить — рядом с воронкой на соломенной крыше покосившейся хаты лежала заброшенная взрывной волной лошадь. Возможно, бригадная.

Дело в том, что под Казатином бригада захватила у немцев много лошадей, которых использовала вместо автотранспорта. Командарм М. Е. Катуков возмущался: «В танковой бригаде — мотокавалерия! Какое безобразие!» Отчитывал за это командиров, но в душе, наверное, понимал их. Когда обзавелись транспортом, строго-настрого приказал: «Чтобы в танковых войсках — ни единой лошади!» Однако «мотокавалерия» все же иногда встречалась. И командарм сменил гнев на милость: ничего не поделаешь, не пешком же людям за танками идти!

В Городенко с курсов младших лейтенантов вернулся Вася Вязанкин. Он стал командиром взвода роты управления

Принимая активное участие в Проскуровско-Черновицкой наступательной операции, 1-я гвардейская танковая армия М. Е. Катукова 26 июня 1944 года двинулась дальше. Конечным пунктом этого маршрута был район юго-западнее г. Дубно. Бригада проследовала туда своим ходом.

ЖАРКОЕ ЛЕТО

В лесах под Дубно продолжалась усиленная подготовка к предстоящим боям. Особенно много времени и внимания командир и политработники уделяли молодому пополнению, которое поступало, главным образом, из только что освобожденных западных областей Украины.

Генерал А. Л. Гетман, как и прежде, часто навещаясь в бригаду, первым долгом встречался с молодыми бойцами, говорил с ними. [72]

Предстояла очередная наступательная операция с выходом на территорию Польши. В связи с этим в политико-воспитательной работе среди личного состава особое место отводилось широкой пропаганде и разъяснению освободительной миссии Красной Армии. 11 июля мы вышли на исходный

рубеж, но затем, в связи с изменением обстановки, были переброшены в другой район и в этот же день ведены в прорыв.

Перед боем во всех подразделениях состоялись короткие митинги, на которых зачитывалось обращение Военного совета фронта:

«Вперед, товарищи гвардейцы! Сильнее удар по врагу! Миллионы наших братьев и сестер, матерей и отцов, стонущих еще под сапогом немецкого захватчика, ждут часа своего освобождения. Со слезами радости и счастья встретят они вас — своих освободителей. Вырвем их из фашистской неволи!»

В начале наступления наша бригада и 45-я гвардейская танковая полковника Н. В. Моргунова были во втором эшелоне. 18 июля в районе Добротвора при поддержке орудий, минометов и самоходок первой вброд форсировала Западный Буг и захватила на его берегу небольшой плацдарм. 44-я гвардейская танковая бригада полковника И. И. Гусаковского. Следом за ней переправилась наша бригада. Гитлеровцы большими силами оказывали сопротивление, шли в контратаки, бомбили. На помощь танкистам И. И. Гусаковского и Е. Я. Стысина вовремя подоспели бригады Н. В. Моргунова и С. И. Кочура. Последующие контратаки врага не принесли ему успеха.

Очередная задача: к исходу 20 июля выйти на рубеж Белобжег — Любыча-Крулевска, перерезать шоссе Рава-Русская—Томашув, впоследствии наступать на Цешанув. Используя сокальский узел обороны, гитлеровцы и здесь не переставали контратаковать, но их натиск успешно отбивали 45-я танковая и 27-я мотострелковая бригады. С помощью артиллеристов и автоматчиков наша бригада свела на нет все попытки врага задержать наступление 11-го гвардейского танкового корпуса.

В ходе наступления корпусу предстояло форсировать Сан севернее г. Ярослав. 23 июля группа наших автоматчиков форсировала реку, между селами Мунин и Острув захватила маленький плацдарм и мужественно его удерживала. Здесь особенно отличился комсорг 2-го мотострелкового батальона старшина Василий Бардак. Увлекая за собой бойцов, он первым достиг противоположного берега [73] Сана. После захвата плацдарма через реку переправилось несколько танков и орудий.

Когда был наведен мост, через реку переправилась и наша бригада. Там, под Ярославом, получил третье тяжелое ранение начальник штаба 3-го мотострелкового батальона старший лейтенант П. Я. Костюков, попав с санлетучкой в распоряжение гитлеровцев, погиб командир медико-санитарного взвода капитан Найденов, был тяжело ранен Борис Томус. Там и мы с Чулковым чуть было не угодили к немцам. К счастью, молниеносно среагировал шофер Леша Шевченко. Он круто рванул руль вправо, развернул полуторку, и мы под градом пуль успели скрыться за деревьями.

После овладения Острувом бригада вела наступление в направлении г. Перемышль, в освобождении которого впоследствии приняла участие. За участие в освобождении Перемышля приказом Верховного Главнокомандующего 11-му гвардейскому танковому корпусу в числе других соединений была объявлена благодарность, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа наша бригада награждена орденом Богдана

Хмельницкого II степени.

Успеху наступления во многом способствовала оперативная работа штаба бригады, возглавляемого ветераном бригады, бывшим политработником подполковником С. А. Михельзоном, и работа штабов батальонов по управлению подразделениями, особенно по сбору данных об обстановке, поддержанию устойчивой связи и материально-техническому снабжению.

По пути движения поляки встречали нас приветственными возгласами «Нех жие Червоне войско!», «Нех жие Россия!».

Во время боевых действий по освобождению Львовщины, форсирования Буга и Сана, овладения Ярославом, Перемышлем и другими населенными пунктами заместителю начальника политотдела майору Г. И. Чулкову было поручено оказывать содействие начальнику тыла А. И. Письменному в слаженной, бесперебойной работе тыловых подразделений бригады. С этой задачей он справился успешно. Несмотря на большую отдаленность баз снабжения от наступавших частей и болотистые пути подъезда к передовым позициям, сражавшиеся подразделения не испытывали ни в чем нужды. Не зная сна и отдыха, спасали раненых медики на переднем крае и в медсанвзводе.

Теперь перед корпусом ставилась новая задача: форсировать Вислу, захватить на ее западном берегу плацдарм. [74]

Еще до форсирования из района Тарнобжега немцы предприняли контратаки. В связи с этим командир корпуса А.Л. Гетман принял решение: для прикрытия правого фланга и обеспечения переправы выдвинуть две бригады 27-ю гвардейскую мотострелковую и 40-ю гвардейскую танковую.

— После мотострелков, - приказал только что прибывшему в 40-ю гвардейскую танковую бригаду молодому офицеру А. П. Николаеву командир танкового батальона, — первыми переправляются твои танки. Атаковать с ходу, передвигаться стремительно и как можно дальше. Остановят — сразу же надежно закрепиться. Назад ни шагу!

30 июля началось форсирование Вислы. Переправлялись на левый берег кто на чем. Одни связывали бревна, ставили на них пулеметы, другие — на досках, калитках... А с противоположного берега ни на минуту не утихал ураганный огонь. Проявляя чудеса мужества, стойкости и героизма, гвардейцы-мотострелки не только успешно форсировали большую водную преграду, но и надежно закрепились на захваченном небольшом плацдарме, отбили несколько вражеских контратак со стороны Тарнобжега.

Не отставали танкисты. Особенно отличился командир танкового взвода А. П. Николаев. Его взвод вел бой по захвату Сандомирского плацдарма. Защищая каждый клочок отвоеванной земли, взвод подбил несколько танков, уничтожил добрый десяток гитлеровцев.

Реку форсировали, плацдарм захватили, и сразу же передний край облетели боевые листки. В них рассказывалось о тех, кто проявил чудеса мужества, стойкости и героизма. Их было много, но наиболее отличились пулеметчики А. И. Мартынюк, С. Т. Хован, Г. А. Прокопчук, истребитель танков Риза-Бек Мусин, минометчики В. М. Ярьсько, Г. И. Гудым, офицеры И. И. Загорнов, В. Я. Молчанов, Ф. Н. Конев и другие.

Бои на плацдарме не прекращались ни днем ни ночью. Трижды за день фашисты пытались сбить с занимаемых позиций артиллеристов лейтенанта А. Н. Азарова. В последний раз им удалось приблизиться к орудиям вплотную, на расстояние до ста метров. Неся большие потери, они все равно лезли и лезли, даже по трупам своих солдат. Огонь батарейцев преграждал им путь. Разделившись на две группы, гитлеровцы начали обходить их с тыла. Но это не помогло. Пушки Азарова ударили картечью, бойцы прибегли к гранатам, автоматам, в результате чего одна группа была уничтожена. Разъярились фашисты — двинули с фронта, [75] выкатили на прямую наводку свои пушки. Но наши и на сей раз оказались на высоте — опередили их. Первый выстрел — и от пушки и прислуги ничего не осталось.

Стемнело. Фашисты, наконец, унялись. Устояли, ни на шаг не отступили гвардейцы-артиллеристы, хотя было очень трудно. Многие получили ранения, одно орудие вышло из строя. За этот жаркий день были уничтожены более 150 вражеских солдат и офицеров, одна пушка, 14 пулеметов. На другом участке отличилась батарея лейтенанта А. Я. Буката, а в батарее — недавний работник политотдела, командир орудия старший сержант Капранов, орудийный номер Н. И. Висящев, заменивший в трудную минуту раненого наводчика.

Что касается А. Н. Азарова, то он отличался и ранее, в частности на Ржевском выступе. Тогда он был просто наводчиком, а сейчас, спустя два года, не имея специального образования, командует батареей, да как командует!

Прикрывая правый фланг корпуса, бригады С. И. Кочура и Е. Я. Стысина за два дня непрерывных боев измотали и обескровили тарнобжегскую вражескую группировку, что дало возможность корпусу выполнить поставленную перед ним задачу — перейти в наступление. К 6 августа, преодолев баранувскую переправу, корпус вел бои на Висленском плацдарме. Переправившись на плацдарм, наша бригада совместно с 45-й гвардейской танковой бригадой успешно вела наступление и к 7 августа вышла в район Властув—Гробина.

14 августа после отражения нескольких контратак противника уже на другом участке фронта бригада приняла участие в овладении Лопатой, вблизи Сандомира. Далее — Лукава, форсирование р. Опатувки, бой за Кихары...

Мужественно сражался под Кихарами, которые переходили из рук в руки, начальник политотдела подполковник Ф. Е. Потоцкий. Он первым вступил в рукопашную схватку с фашистами, прорвавшись к командному пункту бригады. Следуя его примеру, ринулись на врага все воины, даже раненые. Враг был отброшен.

Двойную нагрузку пришлось выполнять на Сандомирском плацдарме зенитно-пулеметной роте, которую возглавлял молодой коммунист В. В. Латышев, — вести огонь против «музыкантов» и помогать мотострелкам в отражении атак вражеской пехоты.

В период окружения крупной группировки врага под Сандомиром значительная часть корпуса, в том числе и 27-я мотострелковая бригада, оказались отрезанными от [76] своих частей. В течение двух дней — 17 и 18 августа — гвардейцы мужественно отражали яростные атаки многократно

превосходящих сил противника.

Когда бригада вела тяжелые оборонительные бои, в окружении вместе с Потоцким находились все работники политотдела. В течение нескольких дней связи с ними не было никакой. Прошел даже слух, что все они погибли. Вероятность этого подтвердили и вышедшие из окружения. Мне пришлось сообщить в политотдел армии: «В политотделе бригады остался я один. Судьба остальных неизвестна». Но, к счастью, все вернулись.

Трудная обстановка складывалась на плацдарме. Бои шли почти беспрерывно. Но и в эти тяжелые дни не переставали поступать заявления о приеме в партию. Даже в окопе в короткие минуты передышки писал воин о своем страстном желании: «Хочу быть коммунистом!» У многих из тех, кто погиб смертью героя, не успев написать заявление, взять рекомендации, в левом кармане гимнастерки находили завещания: «Если погибну, считайте меня коммунистом».

Заявления о приеме в партию и комсомол рассматривались оперативно. Партийные и комсомольские бюро занимались этим вопросом в редкие минуты затишья, часто ночью. За три дня боев на Сандомирском плацдарме (с 18 по 20 августа) политотдел рассмотрел заявления и оформил выдачу документов многим воинам. В 27-й гвардейской мотострелковой бригаде 89 человек было принято в члены ВКП(б) и 74 в кандидаты, на 188 человек возросла комсомольская организация.⁷ Докладывая об этом политотделу армии, подполковник Ф. Е. Потоцкий отмечал: «Испытывается нехватка в бланках партийных документов». Всем коммунистам сразу же после их приема были вручены партийные документы, всем комсомольцам — комсомольские билеты. В числе принятых партбилеты здесь получили ветераны бригады командир саперного взвода Н. С. Максимов и рядовой А. А. Смирнов, кандидатскую карточку лейтенант В. С. Опеньшев.

27-я гвардейская мотострелковая бригада принимала самое активное участие в боях под Сандомиром. Здесь, в районе Кихар, основной удар врага пришелся именно по нашей бригаде, а его острие — по участку, где размещался штаб. Дошло до того, что когда у одной и другой стороны кончились патроны, то пошли в ход приклады, ножи, камни, [77] кулаки. Прибывший сюда сразу же по окончании Сражения член Военного совета армии генерал-лейтенант Н. К. Попель не мог подъехать к штабной землянке — дорога была завалена разбитыми автомашинами, пушками, бронетранспортерами. Возле штаба лежало несколько раненых офицеров. В окровавленном человеке, одежда которого была изрезана ножами, генерал не сразу узнал начальника политотдела Потоцкого.

— Комбрига Кочура,— хрипло доложил он,— в рукопашной схватке смертельно ранили. Я принял командование на себя. Отнесли Сергея Ивановича в овраг и продолжали драться. Передышки не было всю ночь. С полуночи дрались чем могли...

Медики, оказывая помощь Потоцкому, ужаснулись: у него было десять

⁷ Гетман А. Л.. Танки идут на Берлин. М.: Наука. 1973. С. 254.

ножевых ран, а он продолжал оставаться в строю. В овраге умирал Кочур. Кадровый офицер, он лишь недавно вернулся в армию. До этого вместе с легендарным Ковпаком партизанил, громил вражеские тылы. На Сандомирском плацдарме погиб и заместитель командира бригады полковник Феоктистов, тяжелые ранения получили начальник штаба подполковник С. А. Михельзон, замполит батальона Е. В. Левицкий, смертельно ранен ветеран бригады парторг 3-го мотострелкового батальона И. А. Сторожук.

Лейтенант И. А. Сторожук — родом из Каменец-Подольского, воспитанник Мелитопольского авиаучилища. 12 августа на участке, который оборонял батальон, сложилась тяжелейшая обстановка. Нужно было во что бы то ни стало удержаться на занятых рубежах до подхода подкрепления. Фашисты наседали, стремясь столкнуть наших воинов в Вислу. Парторг Сторожук все время находился в самых трудных и опасных местах.

— Держитесь, друзья! — проходя по траншее, подбадривал бойцов.—
Вечером подойдет замена.

Враг неистовствовал. Атака сменялась атакой. Порой казалось: ну, все, конец, не устоим. Но батальон все же удержал свой рубеж. Когда стемнело, подошла замена. Только лейтенант Сторожук не пошел со своим батальоном. Его нашли убитым в окопе боевого охранения, расположенном впереди траншей, которые оборонял батальон. В его брезентовой сумке, кроме бумаг, связанных с партийной работой, лежали две книги: «Краткий курс истории ВКП(б)» и «Как закалялась сталь». Игорю Сторожуку еще не было и двадцати шести лет. Он был парторгом, как о нем говорили, комсомольского возраста. Два года работы [78] механиком и нормировщиком после окончания Ладыженского, на Винниччине, индустриального техникума, один год предвоенной службы в Красной Армии, год в военном авиатехническом училище и три неполных годы войны — вся его биография.

За три дня боев на Сандомирском плацдарме смертью храбрых пало 29 членов и 19 кандидатов в члены партии, 31 член ВЛКСМ, состоявшие на учете в политотделе бригады.

Находясь на командном пункте одного из батальонов, я видел, как мужественно отбивали яростные контратаки гитлеровцев наши воины. Когда из-за копен пшеницы, горланя, фашисты во весь рост пошли в атаку, по ним прямой наводкой ударила «катюша». Но этого оказалось недостаточно, чтобы унять их. Тогда поднялись наши бойцы врукопашную.

17 августа командир взвода саперов Е. С. Опенышев получил задачу: взаимодействуя со связистами, самоходными установками и танками, ночью прорвать оборону немцев на пути к с. Кихары Стары и соединиться со штабами танковых бригад. Саперы выполнили поставленную задачу. Неотступно следуя за танками и самоходками, к утру освободили село.

Ценою жизни замечательных людей платили мы за Сандомир.

Об окончании сандомирского сражения Совинформбюро сообщило: «20 августа севернее города Сандомира наши войска завершили ликвидацию окруженной группировки противника... Ввиду отказа сдаться большая часть окруженных войск уничтожена».

В ночь на 21 августа в 3—5 километрах юго-западнее Сандомира бригада заняла оборону во втором эшелоне. На этом заканчивалось наше участие во Львовско-Сандомирской наступательной операции.

Через десять дней — снова в путь. Совершив 200-километровый марш, мы сосредоточились в лесах под Немировом. Там с большим сожалением узнали, что генерал-лейтенант А. Л. Гетман уже не командует 11-м гвардейским корпусом, а назначен заместителем командующего 1-й гвардейской танковой армии. Комкором стал полковник Амазасп Хачатурович Бабаджанян, ранее возглавлявший 20-ю гвардейскую механизированную бригаду 8-го гвардейского мехкорпуса.

И вот мы снова в резерве. Сразу же начинается усиленная подготовка к предстоящим боям. Пополнение техники. [79] Ремонтные работы. Комплектование личным составом и его обучение. Занятия. Собрания. Совещания.

Штаб бригады, штабы подразделений настойчиво работают над решением возросших задач: умелая организация разведки, оперативный сбор, глубокое изучение и безошибочная оценка полученных данных о противнике, подготовка расчетов и предложений перед принятием решений по ведению боя, планирование наступления, разработка необходимых документов и многое другое. Весь командный состав продолжал совершенствовать свои знания и навыки на командно-штабных играх и учениях. Отрабатывались темы: как улучшить руководство штабами, организовать взаимодействие подразделений, привести их в полную боевую готовность, быстро оценить обстановку и принять верное решение.

...Под звуки духового оркестра на лесных полянах выстраиваются подразделения. Начинается торжественная церемония вручения оружия новичкам. При этом командиры не только называют номера вручаемых автоматов или винтовок, а рассказывают об их предыдущих владельцах, непременно подчеркивая, сколько гитлеровцев уничтожено этим оружием. С чувством готовности приумножить ратный подвиг своих предшественников новички один за другим целуют полученное оружие, клянутся с честью оправдать высокое доверие. С напутственным словом на таких построениях, как правило, выступали если не командир бригады М. П. Соловьев, то начальник политотдела Ф. Е. Потоцкий, начальник штаба С. М. Пантелеев, командиры или политработники подразделений, отличившиеся в боях воины-ветераны.

В бригаде создавались школы партийного актива, где изучались вопросы истории партии, партийного строительства и партполитработы в Красной Армии. Одну из таких школ пришлось вести и мне.

Здесь, в лесах под Немировом, политотдел бригады размещался в одиноком полуразрушенном домике лесника. Домик служил не столько жильем, сколько ориентиром, по которому нас легче было находить. В политотделе опять кадровые изменения. Вместо ушедшего на комсомольскую работу младшего лейтенанта Николая Полякова секретарем политотдела стал старший сержант А. П. Буслаев. Павел Смотрин переведен в мотострелковый

батальон автоматчиком. Ефрейтор Иосиф Сальми стал фотографом. Новыми людьми в политотделе были шофер кинобудки Виктор Корнилов и машинистка Лида Сокова. [80]

За исключением В. А. Корнилова, все они до прихода в политотдел участвовали в боевых действиях. Высокий, непомерно худой Александр Буслаев, в прошлом учитель рисования одной из школ Пензы, был связистом. Его оружие — катушка с телефонным проводом. Сколько он с ней прошел, пробежал, прополз, трудно даже представить. Ночью и днем, в пургу и зной, нередко под ураганным огнем. Случалось, уйдет связист и нет его — погиб или ранен. А проложить линию надо! Посылают другого, третьего... Нет связи. И тогда командир взвода — к Буслаеву:

— Ну, художник, если и ты не выполнишь задание, пойду сам, больше некому.

Опытный связист (ему, говорили, везло) никогда не подводил, выполнял самые сложные и ответственные задания, Даже тогда, когда это казалось совершенно невозможным.

Мастером на все руки и вообще интересным человеком ил Иосиф Карлович Сальми, финн по национальности. Окончив с отличием Ленинградский государственный университет, работал педагогом. Когда началась Великая Отечественная война, пошел в военкомат, попросил, чтобы направили на фронт. Его единственный брат погиб в первых боях. Из ближайших родственников оставалась лишь вдова брата Эллина, находившаяся в Сибири в эвакуации.

Прибыв в нашу бригаду, ефрейтор Сальми был назначен сначала автоматчиком мотострелкового батальона, затем — орудийным номером в артиллерийской дивизии. Постепенно перед однополчанами начали открываться его разные дарования. Попадет в его руки скрипка, труба, гармошка — музыкант. Нужно сфотографировать — фотограф. Наладить громкоговоритель для очередной «беседы» с немцами — радист. Нарисовать боевой листок — художник. Допросить пленного — переводчик. Захватили как-то солдаты у врага агитационную машину «Агфа», а она не работает. Они к Сальми: «Помоги, друг, что-то микрофон молчит». Через несколько минут все в порядке.

Прослышал об этом подполковник Ф. Е. Потоцкий, пригласил Иосифа Карловича к себе. Все текущие дела так и остались за ним, но официально он теперь числился фотографом. Одновременно Сальми принимал активное участие в выпуске бригадной рукописной газеты, которая пользовалась большой популярностью среди бойцов.

Успела понюхать пороху и Лида Сокова. До прихода в политотдел она, как и Буслаев, была связисткой.

Виктор Антонович Корнилов оказался в политотделе самым старшим по возрасту. Прибыл с большого черкасского [81] села Бабанка. Скромный, немножко даже стеснительный. Это в отношениях с товарищами. Но мы знали и другого Корнилова — смелого, храброго, умеющего так лавировать машиной, чтобы не угодить под бомбу или снаряд, обойти мину. Машина у

него всегда была исправная, в полной боевой готовности. Свои обязанности он выполнял безупречно.

— Отправляйтесь сегодня в батальон,— получал, бывало, водитель задание от начальника политотдела,— покажете там фильм. А завтра — сеанс для местного населения.

Тогда гвардии рядовой Корнилов переходил во временное подчинение к ефрейтору Сальми, часто заменявшему киномеханика Родина. То на лесной поляне, а то прямо в блиндажах или землянках на крошечном экране «крутили» отделению за отделением (больше не вмещалось в «зале») кинофильмы.

Под Немировом представилась редкая для фронтовиков возможность демонстрировать кинофильмы в «самых больших залах» — на лесных полянах. Для безопасности выставлялся наблюдатель. В случае приближения вражеского самолета он немедленно подавал сигнал «Воздух!», и киноэкран гас, но как только опасность миновала, загорался снова. За время пребывания в этом районе войны успели посмотреть многие фильмы. Самыми любимыми были «Чапаев», «Александр Пархоменко», «Котовский», «Она защищает Родину», «Два бойца», «Во имя Родины», «Как закалялась сталь», «Сталинград», «Неуловимый Ян», «Швейк против Гитлера».

С интересными концертами к нам приезжали актерские фронтовые бригады, ансамбль песни и пляски 1-й гвардейской танковой армии. По инициативе политотдела состоялся смотр бригадной художественной самодеятельности.

У медиков тоже каждый день был заполнен важными делами. Если, скажем, в боевой обстановке военврач 2-го батальона А. А. Низов и фельдшер П. Т. Новоселов больше всего беспокоились о раненых, то теперь, во время пребывания в резерве, они осуществляли ряд не менее неотложных санитарно-профилактических мероприятий, обучали воинов, как оказать первую медицинскую помощь самому себе и своим товарищам при ранениях, организовали баню, осуществляли контроль за приготовлением пищи, водоснабжением.

В общем, хорошие люди служили у нас в бригаде.

НА МАРШРУТЕ ПЕРЕДОВОГО ОТРЯДА

Кончалась последняя военная осень. В немировских лесах все явственнее чувствовалось приближение зимы. Деревья давно сбросили свой золотой наряд. Участились заморозки. Снова — марш, теперь в район Фирлей, в 30 километрах северо-восточнее Люблина. Прибыли туда 22 ноября 1944 года. Особых разъяснений не требовалось, каждый прекрасно понимал: вышли на главное Варшавско-Берлинское стратегическое направление. Готовилась новая крупная наступательная операция, получившая впоследствии название Висло-Одерской. Еще предстояли тяжелые бои, но близилась Победа.

Пока здесь стояли, политотдел бригады по указанию Военного совета армии организовал групповое посещение фашистского лагеря смерти

Майданека.

На территории концлагеря мы прежде всего увидели упорядоченные с немецкой аккуратностью склады. С обувью: ботинки очищены от грязи, чисто вымыты и сложены, видно, подготовлены к отправке. С одеждой: тоже все в идеальном порядке. Склад волос: каждый цвет отдельно. Склад зубов: протезы отдельно, золотые коронки отдельно.

Зашли в камеру с душем. Идеальная чистота. В следующей, такой же чистой, камере из узников выкачивали кровь. В помещении для трупов — специальные приборы, с помощью которых (чтобы ничего не пропало!) извлекали из них остатки жира, снимали кожу для изготовления женских сумочек и абажуров. И кости не выбрасывали — сжигали в печах, чтобы полученным пеплом удобрять землю. Тех, кого не успевали уничтожить таким образом (бывали дни, когда уничтожали по 18 тысяч человек), убивали, проламывая головы железными палками. В бараках — следы сопротивления. Стены исписаны: «Умри так, чтоб от смерти твоей была польза!»

Запомнилась запись веса взрослого мужчины — 32 килограмма. С таким весом отправляли на так называемое пятое поле. Там узников плотно клали рядом, затем стреляли по ним из автоматов, люди кричали, стонали. Чтобы этого не слышали другие узники, палачи включали на полную громкость репродукторы. Живые уже знали: если вместо румбы заиграли фокстрот — значит, начался расстрел. Были и баллоны с ядовитым газом «циклон». Не хватало «циклона» — травили хлором. Из развороченной глины торчали кости... [83]

Мы были потрясены. Обо всем увиденном рассказали однополчанам.

— Этого мы не забудем! — клялись гвардейцы. — Этого мы не простим!

Перед наступлением во всех подразделениях прошли традиционные партийные и комсомольские собрания, короткие митинги.

— Я участвую в третьей операции 1-й гвардейской танковой армии против фашистских захватчиков, — заявил на митинге в одном из подразделений нашей бригады командир отделения автоматчиков старший сержант И. Д. Василенко, — но такой тщательной подготовки, такого сосредоточения техники, оружия еще никогда не видел.

— Я сегодня подал заявление о вступлении в ВКП(б), — сказал на митинге 1-го мотострелкового батальона рядовой И. С. Федулов. — Своими боевыми делами хочу заслужить звание члена великой партии Ленина. Я был в Майданеке и видел, что делали фашисты с советскими людьми и представителями других народов Европы. На поле боя я буду уничтожать гитлеровцев без всякой пощады!

На митингах было зачитано обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта. В нем говорилось:

«Боевые друзья, настал великий час. Пришло время нанести врагу последний сокрушительный удар... Славные и отважные воины нашего фронта! Для того, чтобы успешно решить эту задачу, каждый из вас должен проявить на поле боя мужество, смелость, решительность, отвагу и героизм... Мы сильнее врага! Наши пушки, самолеты и танки лучше немецких, и их у нас больше, чем

у врага. Эту первоклассную технику дал нам наш народ, который своим героическим трудом обеспечивает наши победы. Мы сильнее врага, так как бьемся за правое дело, против рабства и угнетения. Нас воспитывает, организует и вдохновляет на подвиги наша партия... Наша цель ясна. Дни гитлеровской Германии сочтены. Ключи победы в наших руках. В последний и решительный бой, славные богатыри! Ратными подвигами возвеличим славу наших боевых знамен, славу Красной Армии!.. Смерть немецким захватчикам! Да здравствует победа!»

Накануне наступления в бригаде побывали командарм М. Е. Катуков, член Военного совета Н. К. Попель, заместитель командующего армией А. Л. Гетман, комкор А. Х. Бабаджанян. Бригада, отметил на совещании комсостава А. Х. Бабаджанян, как и все остальные соединения и части 1-й гвардейской танковой армии, обладает большой ударной силой, огневой мощью. В ее составе — прекрасные, [84] опытные офицерские кадры, закаленные в боях сержанты и солдаты.

13 января бригаду посетил командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Подразделения пополнились молодыми воинами. В их числе были командир пулеметного взвода лейтенант А.Л. Бондаренко, командир бронетранспортера старшина Г. И. Чемезов, шофер Г. А. Товарик, командир отделения М. И. Шишкин, автоматчик Е. Ф. Семиошин. Партийная комиссия утвердила решения партбюро подразделений о приеме в ряды ВКП(б) отличившихся в боях воинов В. В. Сотскова, В. П. Куця, И. В. Силантьева, Кашира Ханнанова, В.П. Новикова, В. Д. Куца. В тот же день заместитель начальника политотдела майор Г. И. Чулков вручил им партийные документы.

Произошло еще одно перемещение в политотделе. На должность помощника начальника по комсомольской работе прибыл старший лейтенант Михаил Гуменный, до этого работавший комсоргом 1454-го корпусного самоходного артиллерийского полка. Его грудь украшали три боевых ордена. Сразу же горячо, с юношеским задором Гуменный взялся за дело — обошел все подразделения, познакомился с комсоргами, поставил перед ними конкретные задачи предстоящей операции. В одном из подразделений с разрешения начальника политотдела остался до выхода на северный берег реки Пилица.

Наступление началось с Магнушевского плацдарма. Наша бригада, которой после гибели С. И. Кочура командовал М. П. Соловьев, вначале действовала совместно с 40-й гвардейской танковой во втором эшелоне. Во главе колонны шли танки лейтенанта А. П. Николаева. Едва войдя в прорыв, обе бригады были встречены вражескими танками и сразу же вступили в бой. Затем по приказу командира корпуса А. Х. Бабаджаняна 27-я была направлена на маршрут передового отряда.

Как-то во время наступления в политотдел прибыла корреспондент газеты «За нашу Родину» Вера Соскина, сменившая на этой должности раненого Бориса Томуса.

— Что у вас нового?

Новостей было много.

На Пилице, оказавшись в окружении, гитлеровцы пытались уйти за реку. Они предпринимали контратаки, но наша бригада отбивала их. Однако трем фашистским бронетранспортерам с 50 солдатами все же удалось прорваться к командному пункту бригады. Группа автоматчиков, [85] возглавляемая старшиной А. К. Валуем, в короткой схватке уничтожила 13 гитлеровцев и двух взяла в плен. За этот подвиг старшина Валуи был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Ратным подвигом прославил себя в этот день и артиллерийский дивизион. Особенно отличился расчет старшего сержанта А. Г. Магерарова. Во время вражеской контратаки на село Попротно он выкатил свое орудие на открытую позицию и в упор расстрелял три вражеских бронетранспортера с мотопехотой.

Во время форсирования Пилицы вновь отличился комсорг роты 3-го мотострелкового батальона В. Погромский, которому еще перед Курской битвой был вручен Почетный вымпел МК и МГК ВЛКСМ и который поклялся, что рота оправдает высокую честь в боях, удержит этот почетный знак боевой славы. Свое слово комсомольцы роты сдержали с честью и на обояньском направлении, и на Правобережье Украины, и вот здесь, на польской земле. Погромскому было поручено водрузить этот вымпел на противоположном берегу реки. Утром во время форсирования вражеский огонь накрыл его роту. Но вот опять поднялись мотострелки. Развернул Погромский вымпел, бросился вперед, рота за ним. Когда он упал, сраженный пулей, вымпел подхватил другой боец. Когда и тот упал, подхватил следующий — словно эстафету от павших к живым передавали. Трое бойцов упало, только четвертому удалось донести его до вражеской траншеи. Все полотнище было в крови, но рота достигла намеченного рубежа, выполнила боевую задачу.

Эти эпизоды были записаны в блокнот фронтовой журналистки. Вскоре мы читали о них в корпусной многотиражке.

Форсирование Пилицы и захват плацдарма общими усилиями соединений корпуса были осуществлены успешно. Наступление развивалось. К исходу 18 января наша бригада выполнила поставленную перед ней задачу — вышла в район Выпыхув—Воля-Рогозинска. 1-я гвардейская танковая армия своим неудержимым продвижением содействовала окружению и уничтожению крупной фашистской группировки западнее Варшавы. В этом был заметный вклад и нашей бригады. За шесть дней боев мы прошли около 300 километров.

В достижении столь значительных успехов много значило возросшее мастерство командного состава. Заблаговременно определив характер боевых действий и полосу [86] наступления с ее особенностями, командование бригады получило тем самым возможность задолго до начала наступления тщательно и всесторонне к нему подготовиться.

Большую работу проделали штабы. Заместитель начальника штаба бригады по оперативной работе майор А. Н. Николенко подготовил боевые карты с нанесенными на них заданиями, границей и полосой наступления, маршрутами движения. Оформив приказы и распоряжения комбрига, он своевременно довел их до исполнителей. Когда же началось наступление, Николенко в штабе почти не бывал, его постоянным местом нахождения стал

наблюдательный пункт командира бригады. Отсюда как нельзя лучше можно было оказывать действенную помощь комбригу по руководству подразделениями и организации взаимодействия. На наблюдательном пункте он вел оперативные карты и карты боевых действий, отсюда информировал штаб корпуса о положении частей и подразделений.

Мчат танки. Мчат мотострелки на бронетранспортерах и автомашинах. Вот уже вырвались на варшавское шоссе. Бургомистры и прочее фашистское отребье, убегая от заслуженной кары, совершали свой последний драп-марш в основном на повозках. В несколько рядов, обгоняя друг друга, отчаянно крича на взмыленных лошадей и беспощадно избивая их кнутами, они бежали туда, откуда пришли. Услышав рокот наших танков, насмерть перепуганные гитлеровские прихвостни еще сильнее стегали лошадей. На дороге образовалась огромная пробка. Танки тоже остановились.

Вместо того, чтобы соскочить с повозок и поднять руки, удиравшие открыли по танкам огонь из автоматов и пистолетов. Танки рванули с места, а десантники-автоматчики открыли ответный огонь... Уцелело лишь несколько человек, сумевших вырваться из пробки, свернуть в кювет и поднять руки...

Вырвавшись на оперативный простор и успешно ломая вражеское сопротивление, танкисты и мотострелки продолжали продвигаться вперед.

На остановках начальник политотдела беседовал с поляками, рассказывал им об освободительной миссии Красной Армии, о Крайовой раде народной и Польском комитете национального освобождения.

Поляки предупреждали, чтобы мы очень осторожно пользовались колодцами, так как многие из них отравлены. В одной деревне нам указали дом, в котором находился немец. Леша Шевченко достал из-под крыши кабины свой [87] карабин и обратился к стоявшему рядом секретарю политотдела А. П. Буслаеву: «Разрешите мне...» Открыл Шевченко дверь, крикнул «Хенде хох!», а толстенный, далеко не молодой немец, и глазом не моргнув, сидел себе спиной к нам и, тяжело посапывая, что-то уминал за обе щеки. Винтовка в стороне, на нас никакого внимания. Подошли ближе: «Хенде хох!» Только тогда он встрепенулся, залепетал «Гитлер капут», но, показывая, что занят делом, продолжал трапезу.

— Что с ним делать? — с недоумением спросил Шевченко.

— Пусть уминает, — решил Буслаев. — Черт с ним. А винтовку и патроны прихватите...

В самом деле, никакой ни ценности, ни опасности этот глуховатый фольксштурмовец ни для кого не представлял, и мы оставили его. Выйдя во двор, рассказали о происшедшем Потоцкому.

— Правильно сделали! — сказал он. — Можно бы взять в плен, но куда с ним?.. Одна морока...

Разрозненные, не чинившие сопротивления, без боя сдававшиеся в плен небольшие группы фашистов встречались нам еще не раз. Их разоружали и приказывали самостоятельно, без конвоя двигаться на восток, примыкая там к колоннам военнопленных.

А мы — все вперед, вперед на запад. В каждом селе, поселке нас

восторженно встречали букетами цветов, приглашали в дома, угощали.

На фронте часто возникали совершенно неожиданные ситуации. Как-то по шоссе, не заметив переднего края, с бешеной скоростью промчалась крытая автомашина, на прицепе которой, подпрыгивая, катилась пушка.

— Стой! Стой!!! — закричал что есть силы оторопелый красноармеец, поднявшись из наспех вырытого у дороги окопа.— Куда же вы? Там фрицы!

Но в машине не услышали этого предупреждения. Из кузова только махнули руками несколько бойцов.

Так командир артиллерийской батареи А. Н. Азаров проскочил линию фронта и оказался в стане врага. Это он понял сразу, как только влетел в село, где было полным-полно гитлеровцев. Назад? Уже поздно. Только вперед! Он так и скомандовал шоферу:

— Полный вперед!

Ошеломленные фашисты не успели опомниться, как артиллеристы вихрем пронеслись по селу, развернули пушку и ударили по вражеским скоплениям. [88]

Неравный поединок, однако, продолжался недолго — у храбрецов кончились снаряды. Вокруг них начало сжиматься смертельное кольцо. Отстреливались из винтовок и пистолетов. Командование бригады предприняло все меры, чтобы оказать горсточке артиллеристов помощь, спасти их от неминуемой гибели. В атаку на прорыв к ним были брошены все силы. Раньше намеченного мотострелки освободили село. Когда подошла помощь, у артиллеристов остались одни штыки...

На щите пушки был наклеен небольшой, но броско оформленный лист бумаги с текстом обязательства орудийного расчета: «Клянемся тебе, советский народ, что мы, идя в бой, будем драться до последнего дыхания, пока сердце бьется в груди, а глаза видят врага». Перед началом наступления такие наклейки были сделаны на всех автомашинах, пушках, танках.

Ведя успешное наступление за Вислой, бригада приняла участие в освобождении многих польских городов и сел.

В колонне захваченных автомашин Потоцкий облюбовал небольшой «пикап» итальянского производства, нашел шофера. Завели — исправный. Пригласил в «пикап» Чулкова и меня. Попросился к нам помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев майор Л. М. Кузнецов.

Двигались уже не так быстро, как прежде, часто останавливались. Политотдельская полуторка неотступно следовала за «пикапом». На одной из остановок, дабы размяться, Чулков предложил пройтись в голову колонны. Потоцкий, Чулков и я спрыгнули с машины и неторопливо зашагали вдоль колонны. Майор Кузнецов остался в «пи- сапе». «Может, вздремну хоть немного,— объяснил он,— всю ночь на ногах...»

Вокруг стояла тишина. Не слышно было даже дальних канонад или гула самолетов. Но едва мы отошли каких-то полсотни метров, как, прошипев над головами, позади нас взорвалась мина. Оглянулись — над «пикапом» облако дымы. Бегом туда. Прямое попадание. Кузнецов уже мертв. Откуда и кто выстрелил — так и осталось загадкой.

Майора Кузнецова знала вся бригада. Ему было 25 лет. кадровый офицер. Всегда собранный, энергичный и неунывающий, он пользовался у армейской молодежи большим авторитетом. У нас в бригаде Кузнецов бывал довольно часто. Приезжая, оказывал действенную помощь комсоргам, делился опытом агитационно-массовой работы в боевой обстановке. И вот такой конец...

Следующая наша задача — освобождение г. Гнезно. [89] Наступали совместно с 44-й гвардейской танковой бригадой полковника И. И. Гусаковского. Сломив упорное сопротивление фашистов, вечером вошли в город.

В витринах магазинов пестрели наспех наклеенные плакатики, запугивающие население приходом Красной Армии: «Победа или Сибирь», «Радуйся войне, ибо мир будет страшным».

Вечером следующего дня, после того, как подтянулись тылы и была произведена дозаправка автомашин горючим, двинулись дальше. Но только немного отъехали от места стоянки, как из костела полетели фаустпатроны, застрочили пулеметы и автоматы. Оказалось, там накануне нашего прихода засели гитлеровцы, выжидая удобного момента, чтобы нанести по нашим подразделениям внезапный удар. Выстрелы из «тридцатьчетверок» и быстро развернувшихся пушек заставили гитлеровцев замолчать.

К северу от города 27-я гвардейская мотострелковая бригада заняла оборону, прикрывая правый фланг корпуса. В последующие дни началось форсирование реки Варта. Первыми на двух автомашинах «амфибия» через реку переправились воины 3-го мотострелкового батальона. Вместе с ними переправились майор А. Н. Николенко и два связиста с катушками кабеля. Ночью реку форсировали мотострелки 40-й гвардейской танковой бригады под командованием капитана В. И. Урукова. Затем начали переправляться еще два батальона этой бригады и наши подразделения. Гитлеровцы подтянули к реке свои части. Если воины 3-го батальона были встречены только автоматнo-пулеметным обстрелом, то теперь переправа сопровождалась непрекращающимся огнем вражеской артиллерии и минометов.

Приближалась к вартовской переправе и наша полуторка.

По дороге вели пленных. Увидев нас, пленные лепечут заученное: «Гитлер капут! Аллес капут!» Аллес-то не капут, а вот Гитлер, то это уж наверняка. Один из завоевателей что-то лепечет. Ефрейтор Сальми просит повторить, затем переводит: «Лучше ужасный конец, чем ужасы без конца!»

Чулков комментирует:

— Дошло!

На дорожном указателе написано «Познань». В небе появились вражеские самолеты. В танк с десантом мотострелков, что шел впереди, казалось, вот-вот угодят бомбы. Однако как фашисты не изощрялись, в танк не попали. Правда, взрывом оторвало часть ствола пушки. Из танка выбрался Николаев. [90]

— Как же теперь без пушки? — сокрушались мы.

— Ничего, будем бить из пулемета, давить гусеницами..

— На другой день, едва рассвело — вражеская атака. В надежде вырваться из окружения гитлеровцы прут напролом. Дружно ударили мотострелки,

танкисты, артиллеристы, минометчики. В грохоте, свисте, реве полтора десятка автомашин противника с пехотой взлетели в воздух.

Только утих бой, как докладывают наблюдатели: «Десант!» Мотострелки — за автоматы. К счастью, «десантом» оказался воздушный багаж — горючее и продовольствие. Это фашисты пытались помочь своей окруженной группировке.

— Вот хорошо! — воскликнул Николаев, принимая «небесные» трофеи, — нам как раз этого и не хватало.

Мы продвигались дальше, к Одере, в северной стороне от направления нашего стремительного наступления оставалась Познань.

— Скоро вступим на землю Германии, — напоминали бойцам политработники на коротких остановках. — Вступим не как мстители, а как ее освободители от ужасов фашизма. Не забывайте: далеко не все немцы — фашисты.

Наступающим предстояло преодолеть Обру, по которой проходил Мезеритцкий укрепленный район. Здесь вслед за передовым отрядом, наступавшим в направлении Альт-Тирштигеля, двигалась 27-я гвардейская мотострелковая бригада. С достижением этого населенного пункта мы вышли на довоенную польско-немецкую границу.

Вот она, Германия, принесшая столько горя и страданий нашей стране, другим странам Европы. Что мы там увидим, что нас подстерегает? Посмотрели карту, сверили ее с местностью. Все верно.

Тихий молодой сосняк. Песчаная просека. От тишины не по себе. Привычнее, если бы стреляли... Держимся за автоматы, всматриваемся в сосняк — тихо...

За опушкой — село Иордан. На улицах пусто, ни души. В одном подвале луч карманного фонарика выхватил из кромешной темноты фигуры насмерть перепуганных людей — несколько стариков, престарелых женщин и детей. Какую-то минуту молчим, выжидательно смотрим — они на нас, мы на них.

— Битте ком! — говорит наш переводчик.

Опасливо переглядываются, топчутся на месте словно затравленные, никто не решается первым сделать шаг к выходу. Наконец выходят. Самый храбрый спрашивает упавшим голосом: [91]

— Аллее расстреляйт? Фашист найн... Гитлер капут, Дойчланд капут... Аллее капут...

Просим переводчика, чтобы успокоил их, объяснил, что никто никого расстреливать не собирается, но, видимо, они не особенно верят. В первом доме, куда мы с ними зашли бросилось в глаза множество развешанных на стенах оленьих рогов, в полутемном углу хищнически щерилось своими огромными клыками рыло дикого кабана. Одна стена украшена знакомым нам еще из-под Сандомира плакатом: «Немецкий солдат! Закрой сердце Германии своим сердцем!»

Немцы немного приободрились, особенно когда увидели, что мы дали детям по кусочку сахара.

...Подшли к Обре. Несколько попыток форсировать ее южнее Альт-

Тирштигеля не увенчались успехом. Комкор А. Х. Бабаджанян избрал для этого другое место — севернее этого населенного пункта. Здесь дело пошло. Через несколько часов наша бригада была уже на западном берегу. В боях за главную оборонительную полосу Мезеритцкого укрепрайона 40-ю гвардейскую танковую бригаду поддерживали подразделения 27-й гвардейской мотострелковой бригады.

31 января мы услышали по радио приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось, что войска I-го Белорусского фронта, продолжая успешное наступление к западу и юго-западу от Познани, пересекли германскую границу, вторглись в пределы Бранденбургской провинции и с боем овладели городами Ландсберг, Мезеритц, Швибус и Цюллихау — крупными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны немцев, прикрывающими подступы к Франкфурту-на-Одере. Этот приказ касался и нашей бригады.

Вперед — Берлин!

Расстояние до Берлина с каждым днем сокращалось. Уже позади остался Геритц. 2 февраля южнее Кюстрина 11-й гвардейский танковый корпус форсировал Одер. Эту реку фашисты называли тогда «рекой германской судьбы». Но дальше на запад мы не пошли. Поступила новая задача, и нас вывели к северу от Ландсберга.

На пути к Одере был ранен в голову помощник начальника политотдела по комсомольской работе Михаил Гуменный. Уйти в госпиталь категорически отказался, отлеживался в нашей полуторке. Когда немного поправился, снова стал неделями пропадать в подразделениях. В одном из домов вместе с боевыми друзьями он обнаружил [92] бесценный клад — тысячи книг, вывезенных гитлеровскими захватчиками из нашей страны. Да книги-то какие! На разных языках — русском, украинском, английском, французском. На каждом экземпляре — штампики Научной библиотеки Академии наук УССР, киевского и харьковского книгохранилищ. Оставлять нельзя. Доложили командованию. Найденный клад был взят под охрану.

Высокие темпы наступления во время Висло-Одерской операции свидетельствовали о том, что командный состав и штабы полностью овладели искусством ведения современного боя. Комбриг и командиры подразделений постоянно опирались на свои штабы. Повышению знаний командного состава всех степеней способствовали сборы командиров взводов и отделений, радистов, разведчиков, саперов, взводные, ротные и батальонные учения.

Несмотря на стремительность наступления, успевали продвигаться непосредственно за своими подразделениями тыловики. Они делали все возможное, чтобы наступающие не испытывали недостатка в боеприпасах, горючем, продовольствии, обмундировании. Успевали сытно и вкусно накормить воинов походные кухни. После освобождения г. Гнезно в меню появилось новое блюдо — макароны по-долговски. Такое загадочное название оно получило по той простой причине, что начальник продовольственного снабжения армии Долгов закупал для личного состава продукцию гнезненской макаронной фабрики.

Итак, боевые действия перенесены на территорию гитлеровской Германии, откуда одурманенные бредовыми идеями бесноватого фюрера фашистские полчища напали сначала на Польшу, а затем — на Страну Советов. У всех на устах слова приказа Верховного Главнокомандующего от 3 февраля 1945 года: «Гитлеровцы кичились, что более сотни лет ни одного неприятельского солдата не было в пределах Германии и что немецкая армия воевала и будет воевать только на чужих землях. Теперь этому немецкому бахвальству положен конец». На страницах фронтовых газет появились заглавия: «Дождались!», «Вот она, фашистская Германия!», «До Берлина осталось немного!»

ВЫХОД К МОРЮ

Готовилась новая наступательная операция, задача которой состояла в том, чтобы, выйдя к Балтийскому морю, отрезать, расчленив и уничтожить крупную вражескую [93] группировку в Восточной Померании. 28 февраля 1945 года мы вышли в исходный район — под г. Кельцин.

После прорыва фронта противника 1 марта 27-я гвардейская мотострелковая бригада в составе 11-го гвардейского танкового корпуса была введена в прорыв. К тому времени началась распутица. По проселочным дорогам проехать невозможно. Танки, автомашины, тягачи могли продвигаться лишь по шоссе. Их скапливалось там очень много, и каждый командир старался, чтобы вверенная ему техника двигалась как можно быстрее. Дороги, ведущие к морю, были забиты. Но и в таких условиях за два дня мы продвинулись на 40 километров, освободили Цойтлиц, Рютценхаген. После выхода на оперативный простор наступление значительно ускорило.

В начале марта достигли г. Кольберг. Взять его с ходу не удалось. На подходе к морю 3-й мотострелковый батальон был встречен сильным огнем крупнокалиберных корабельных орудий. Цепи наступающих мотострелков в течение дня несколько раз пытались продвинуться к морю и каждый раз вынуждены были останавливаться и залегать. Не смог по этой причине сразу же вернуться в расположение батальона и взвод саперов, которому в поисках мин пришлось выдвинуться метров на 300 вперед. Только с наступлением темноты батальону удалось выполнить поставленную задачу.

Овладев Кольбергом, наша бригада получила приказ командира корпуса: не допустить отхода врага на запад. С наступлением темноты отдельные группы фашистов пытались это сделать, но попадали в руки гвардейцев, которые их разоружали и брали в плен.

В небольшой курортный городок Гроссмюллен прибыли к вечеру. В конце центральной улицы виднелась узкая полоска Балтийского моря. Подошли к воде, постояли. Куда только не забросит война! Шли на Берлин, а очутились на Балтике. В городке тихо. Двери в домах почему-то не закрыты. Не заминированы ли? Лейтенант Н. С. Максимов, командир саперного взвода, дает задание бойцам проверить миноискателями. Мин не обнаружено.

Входим в белоснежную виллу. Стены большого вестибюля увешаны

картинами, оленьими рогами, оскаленными кабаньими мордами. В передней на вешалке — адмиральский мундир. Под ним — высокие коричневые сапоги с блестящими жесткими голенищами на застежках. Осмотрели другие комнаты. Старинная мебель, ковры, дорогая посуда. Зажгли лампы, свечи. Разыскали дрова, брикет. [94] Истопили печки и решили хоть раз по-человечески поспать. Застелили постели чистыми простынями, надели на подушки наволочки, на одеяла — пододеяльники. Пораздевались, сменили белье... Укладываясь в постель, Леша Шевченко изрек блаженно: «Так и быть, пробудем одну ночь буржуазией...» — «Притом крупной», — отозвался из другой комнаты Иосиф Сальми. Уснули крепко, и спали бы как убитые, кто знает сколько, если бы среди ночи не разбудил грохот орудий.

Быстро повскакивали с кроватей, оделись, бегом на улицу. К берегу приближался огромный корабль. Оттуда слышались душераздирающие женские крики. Не успел корабль причалить к берегу, как с его борта, выкрикивая проклятия в адрес фюрера, бросились в воду одна за другой несколько женщин. Корабль резко накренился, в правом борту зияли пробоины от артиллерийских снарядов. Сложив оружие, на берег сошли члены экипажа, военнослужащие, гражданские лица. Оказалось, на этом корабле, спасая свою шкуру, убегала из Кенигсберга фашистская элита. Уголь был на исходе. Увидев на берегу огни (на сей раз у нас не было никакой светомаскировки), экипаж решил, что там свои, поэтому еще издали начали сигналить: принимайте, мол. Сигналы увидели на нашей батарее, занявшей еще с вечера огневые позиции вдоль берега...

Так в эту беспокойную ночь бригада вписала в свою боевую летопись еще одну яркую страницу: подбит и захвачен вражеский корабль.

Выйдя к Балтийскому морю, комбриг К. К. Федорович не прислал бутылку с морской водой, как это сделал командир 45-й гвардейской танковой бригады Н. В. Моргунов, но обычное его донесение доставило командиру корпуса А. Х. Бабаджаняну не меньшую радость. Комкор несколько не сомневался в знаниях и оперативно-тактических способностях Федоровича. Но в глубине души волновался — все-таки тот только что принял бригаду — и сразу на такое задание. А Федорович отлично справился с ответственной задачей.

Достигнув Балтики, командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал-полковник М. Е. Катукон издал приказ: «Все наступательные действия прекратить. Срочно принять все необходимые меры к жесткой обороне, не давая возможности окруженной восточнее Кольберга группировке противника прорваться на запад, для чего в первую очередь взорвать, а если необходимо, то расстрелять артиллерийским огнем все мосты и переправы, находящиеся [95] в полосе вашего корпуса...» В течение трех дней гитлеровцы делали отчаянные попытки пробиться на запад, но каждый раз, встретив заслон соединений корпуса, откатывались назад. Так они здесь и не прошли.

С 8 марта бригада выполняла очередную, несколько необычную задачу — вела наступление не на запад и не на север, а на восток. Совершив марш через Кезлин, мы вышли в район западнее р. Лебы. 10 марта началось наступление. Спустя два дня бригада совместно с остальными соединениями и частями

корпуса, овладев Путцигом и другими населенными пунктами, вышла на берег Данцигской бухты к северу от Гдыни, Для того, чтобы очистить от вражеских войск побережье залива Пуцка, комкор А. Х. Бабаджанян приказал нашей бригаде наступать на север. С утра 13 марта подразделения бригады начали продвигаться к Гроссендорфу. По пути в район Гнездау фашисты пытались их остановить, но были разгромлены.

Продвигаясь вместе со штабом впереди боевых подразделений бригады, наша автомашина под Гнездау подверглась сильнейшему обстрелу из пулеметов. К счастью, пули просвистели мимо.

Очистив от гитлеровцев Гнездау, бригада в тот же день овладела Шварцдау, а к обеду следующего дня — Гроссендорфом и Халлерово, расположенными у входа на косу Хель.

Коса Хель запомнилась многим. Из-за нее вражеские корабли интенсивно обстреливали наши позиции. Вокруг рвались снаряды. Следовало бы и укрыться, но начальник политотдела подполковник Потоцкий на обстрел совершенно не реагировал, спокойно вышагивал у самой косы, где стояла наша полуторка.

Оказавшись на огромном болотном массиве, сильному артиллерийскому обстрелу подвергся командный пункт 3-го мотострелкового батальона. Командир батальона майор М. С. Безматерных, как и Потоцкий, никогда не кланялся ни пулям, ни снарядам. Все при обстреле обычно ложились, только не он. Если кто-либо пытался уговорить его лечь, он отвечал: «Вот старший адъютант лег, а убило и его, лежащего...»

Майор Безматерных недавно пришел в бригаду, однако ему не потребовалось много времени для того, чтобы показать себя с самой хорошей стороны. Его деятельность по руководству боем заслуживала всякой похвалы. Прежде чем принять решение, он обязательно выслушивал мнение командиров рот. [96]

Не прятался от снарядов и майор Чулков, но в отличие от Потоцкого и Безматерных, при обстреле приказывал подчиненным немедленно убираться в укрытие или ложиться.

— А вы? — спрашивали его.

— Меня не возьмет, — почти серьезно отвечал Чулков, — в рубашке родился.

Однако нашел и его осколок, зацепил руку. Ни в медсанбат, ни даже в бригадный медсанзвод не пошел. В политотделе работал бывший санинструктор Павел Балицкий, он обрабатывал рану, делал перевязки. Так на ходу и лечился наш майор.

Коса Хель насколько хватало глаз тянулась в море. И у ее основания бригада должна была не только стоять, подвергаясь обстрелу корабельной артиллерии и бронепоезда, она должна ее отвоевать. С этой целью командир корпуса сформировал сводный отряд во главе с заместителем командира 2-го батальона 40-й гвардейской танковой бригады старшим лейтенантом Н. П. Васильченко. В отряд входило шесть танков, рота автоматчиков и артиллерийская батарея нашей бригады.

14 апреля этот отряд начал наступление. Уже был достигнут первый рубеж противника, как поступила новая задача — наступать на Гдыню. К этому наступлению наша бригада непосредственно не привлекалась. Она оставалась севернее Гдыни — оборонять позиции, занимаемые до этого танковыми бригадами. Здесь 19 марта в должность начальника штаба бригады вступил прибывший после излечения в госпитале майор С. А. Гусарин. Спокойный, рассудительный, энергичный, всегда уравновешенный, он был одним из тех способных штабистов, которые управляли боем продуманно, смело и результативно.

В ночь на 27 марта наш корпус совместно с другими соединениями и 1-й польской танковой бригадой овладел западной и южной частями Гдыни. Польские воины из батальона Казимежа Блонского благодарили за освобождение их родины, часто повторяли: «Польське войско и радзецке войско ест едне войско!»

Вскоре последовал приказ вернуться на Одер, ибо, как указывалось в приказе командира корпуса, «враг еще не добит. Нам еще предстоит выполнить самую почетную и нелегкую задачу — водрузить Знамя Победы над Берлином».

Дороги забиты войсками. Слышим на привале песню:

*Стальной грудью
Врагов сметая, [97]
Под Красным знаменем
Двадцать седьмая...*

— Откуда, братцы?

— Из двадцать седьмой!

— Мы тоже!

Долго следовали в одной колонне, считая, что те, кто пел о славной двадцать седьмой, — однополчане, из 27-й гвардейской мотострелковой бригады, пока, наконец, Не разобрались: под Гдыней вместе с нами действовала 27-я мотострелковая дивизия.

В каком-то городке во время остановки наша машина оказалась рядом с рестораном. У самого входа — воронка. Дверь сожжена. Разрушена островерхая пирамидальная надстройка, возвышавшаяся над крышей и служившая гитлеровцам, по-видимому, наблюдательным пунктом. Решили посмотреть. Ресторан как ресторан. Даже пианино стоит.

— Где там Сальми? — оживились солдаты.— А ну, давай, врежь фокстротик!

Раздвинули в стороны столы и стулья.

— Давай гопака!

— Полечку играй!

— Ба-ры-ню!..

Разошлись ребята, душу отводят. Плясали бы еще, да вбежал боец, закричал:

— По машинам!

На следующей остановке автоколонну управления бригады атаковали

«мессеры». Единственная наша надежная защита — зенитно-пулеметная рота В. В. Латышева — находилась далеко. Не встретив сопротивления, «мессеры» на бреющем полете заходили на нас то справа, то слева, то сзади, поливали огнем из пушек и пулеметов. Но, к счастью, их огонь был неэффективен — ни поджечь, ни серьезно повредить хотя бы одну машину им так и не удалось.

Мы укрывались за кирпичными домами, стоявшими у самой дороги. В зависимости от того, откуда ждали атаку, перебегали в более безопасное место. И машины, словно заколдованные, стояли невредимы. Вот только бегать вокруг домов надоело, Шевченко при каждом очередном заходе «мессеров» сердито чертыхался. Каждый раз, когда самолеты уже удалялись, по ним вдогонку мы пускали очереди из автоматов, били из винтовок.

А в общем-то на душе было весело: вот-вот война кончится. И мы снова возвращаемся на главное направление — будем, значит, брать Берлин! [98]

— Где наш ротный Теркин? Давай-ка расскажи еще нам «за жизнь и за войну»!

Боец, прозванный Теркиным, тут как тут. Достает из кармана книжечку Твардовского:

— Пожалуйста! На чем мы вчера остановились?

Друзья подсказывают:

— *Не гляди, что на груди,
А гляди, что впереди!*

Он продолжает:

— *В строй с июня, в бой с июля,
Снова Теркин на войне...*

Подошли танки. С переднего, преодолевая боль, спрыгнул лейтенант А. П. Николаев. Он ранен, но строй не покинул. Во время наступления к морю мотострелки, на сей раз 1-го батальона бригады, снова действовали совместно с его взводом. Танкистам и мотострелкам была поставлена задача: «Насколько сможете, прорвитесь вперед, разведайте, что там». Прорвались километров на 12. Мины. Спешились. Прошли еще немного. Видят: навстречу бегут люди. Огромная масса людей — полтысячи, не меньше. Что-то кричат по-русски. Наши? Не наши? Наши! Их фашисты куда-то гнали, но, увидев советские танки, пленные разоружили охрану. И вот долгожданная встреча, слезы радости, объятия, поцелуи...

На следующей остановке чтение веселого «Теркина» прервала радостная весть: за участие в Восточно-Померанской операции 27-я гвардейская мотострелковая бригада награждена орденом Суворова I степени.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА

Совершив 400-километровый марш, в конце марта мы снова остановились вблизи Ландсберга. Первым делом — баня. У тыловиков уже было все подготовлено — и белье в достаточном количестве, и место, и расписание,

когда какое подразделение моется. Никаких механизмов для стирки, разумеется, тогда не было. По несколько тысяч пар нательного белья прачки за одну смену стирали вручную. Причем стирали и сушили его не в глубоком тылу, а в каких-нибудь трех-пяти километрах от передовой. Если не каждый снаряд долетал сюда, то постоянно подстерегала смертельная опасность с воздуха. Допустил малейшую [99] халатность в маскировке — и жди «гостей» с воздуха. Поэтому старшая прачка Анна Анисимова приучила своих подруг к строгому порядку. Не зря за свою службу она была отмечена медалью «За боевые заслуги».

Такой же награды удостоился и возглавивший службу вещевого снабжения капитан Л. В. Юмин — за бесперебойное обеспечение подразделений боеприпасами и продовольствием под Сандомиром. Впоследствии, начиная с Одерского плацдарма и вплоть до Берлина, ему пришлось исполнять обязанности начальника тыла. Несмотря на тяжелейшие условия — бездорожье и бомбежки, стремительность наступления и большую в связи с этим оторванность от баз снабжения, — с возложенными на него обязанностями он успешно справлялся. Свидетельство тому — орден Красной Звезды, украсивший его грудь в первые мирные дни в Берлине.

Но Берлин еще был впереди. А нынче в сосновом лесу неподалеку от Ландсберга Юмин организовал баню. Моются, с наслаждением покряхтывая, красноармейцы и сержанты, старшины и офицеры. Может, на фронте моются в последний раз? Может, пока снова дойдет черед, война окончится?

Каждый понимал: предстоящая великая битва — последняя. Но — необычная. Военный совет 1-го Белорусского фронта разработал и издал листовку-памятку. Такие листовки были розданы всем воинам. Специальные памятки получили экипажи танков и самоходно-артиллерийских установок, мотострелки-десантники штурмовых групп, орудийные и пулеметные расчеты, связисты, саперы.

К этой необычайной, неслыханной битве — в условиях сплошной, на всю глубину наступления эшелонированной обороны и тяжелых уличных боев — воины настойчиво и всесторонне готовились. Большую работу проводили политотдел бригады, партийные и комсомольские организации. В канун наступления во всех подразделениях состоялись короткие митинги, партийные и комсомольские собрания.

На собраниях, состоявшихся 15 апреля, главное внимание заострялось на роли и месте коммунистов и комсомольцев в Берлинской операции. В постановлении партсобрания 3-го мотострелкового батальона, например, говорилось:

«Партийная организация будет добиваться, чтобы батальон первым ворвался в Берлин. Мы будем стремиться, чтобы эту ответственную задачу выполнили коммунисты батальона». [100]

Во всех подразделениях было зачитано обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта, призывавшее разгромить противника на ближних подступах к Берлину и захватить столицу фашистской Германии.

И везде слышалось в ответ твердое слово:

— Возьмем логово фашистского зверя и водрузим над Берлином красное Знамя великой Победы!

Начальник политотдела подполковник Ф. Е. Потоцкий провел напутственное совещание политсостава. Сальми подготовил отлично оформленный номер рукописной газеты с броской шапкой «Вперед — на Берлин!»

Готов был к решающей битве и штаб бригады, возглавляемый майором С. А. Гусариным. Вместе со своим заместителем по оперативной работе А. Н. Николенко Гусарин разработал графики взаимодействия подразделений, таблицы огней, схемы развертывания пунктов питания, медицинской помощи, проанализировал возможные сковывающие удары. Все было учтено до мелочей, со знанием дела. Особое внимание обращено на ведение боя в самом городе. Не остались в стороне и штабы подразделений. Они тоже были готовы к бою. Вперед, на Берлин! В ротах, батареях были выпущены боевые листки с этим призывом. При всей безмерной ненависти к фашизму советские воины не испытывали вражды к немецкому населению.

— Вот вам факт,— рассказывал на последнем армейском совещании подполковник Ф. Е. Потоцкий. — В бою западнее Гнезно видим: бежит к нам восьмилетняя девчушка, немка. Тапочки на босу ногу, легкое платьице. Ведет за руку деда. Дед слепой, раненый. Пули свистят, дед спотыкается, боится, а она ему кричит: «Ком, ком!» И тащит к нам. Первым ей попался навстречу наш солдат, у которого эсэсовцы жену и такую же дочку застрелили и бросили в колодец. Он как узнал об этом — будто закаменел. А тут что думаете он сделал? Полушубок ей свой скинул, от пуль собой прикрыл и в укрытие стащил. Деда наши перевязали, накормили, обогрели. В сердце солдата человечность живет, и это хорошо. Мы воюем не с немецким народом, а с гитлеровской армией. Надо помочь освободиться самому немецкому народу...

Я тоже видел сцену спасения немецкой девочки и ее деда. Солдат со шрамом на лице показался мне знакомым, и я спросил, не из Погорелого ли Городища он, не он ли еще под Ржевом рвался ударить пленного немца. Он ответил: «Да, это я!»

До Берлина всего несколько десятков километров. [101] Получен приказ. Согласно ему бригада совместно с другими соединениями корпуса должна наступать в центре оперативного построения армии, на главном направлении. В ночь на 15 апреля выдвинулись на восточный берег Одера, в следующую ночь переправились на Кюстринский плацдарм. В 5 часов от удара тысяч орудий и минометов заходила ходуном земля. Над вражескими позициями ослепительным заревом вспыхнуло множество прожекторов. Зрелище потрясающее! Чего-то подобного никто из нас до сих пор не видел.

По окончании артиллерийской подготовки и прорыва пехотой переднего края противника в наступление пошла и наша бригада. Бригадой продолжал командовать полковник К. К. Федорович, сменивший на этой должности отозванного в штаб фронта полковника М. П. Соловьева. Он был шестым по счету нашим комбригом, отличался незаурядными организаторскими способностями, высокой тактической подготовкой и большим опытом

руководства боевыми действиями.

Каждый шаг давался нелегко. Особенно больших усилий стоил прорыв вражеской обороны на Зееловских высотах. В ночь на 18 апреля наш корпус мощным ударом достиг района Герльсдорфа, что в пяти километрах от Зеелова, форсировал р. Флисс и захватил на ее берегу плацдарм. Первой форсировала эту реку наша бригада. 19 апреля она принимала активное участие во взятии опорного пункта врага Янсфельде.

Сломив сопротивление гитлеровцев, мотострелки совместно с танкистами продолжали продвигаться вперед. В это время командиру 1-го батальона старшему лейтенанту А. З. Снитковскому доложили, что боеприпасы на исходе. Начальник боепитания Д. М. Смирнов, отправившийся с группой бойцов за их получением, должен был уже вернуться, но почему-то задерживался. На поиск затерявшейся группы комбат направил начальника химической службы младшего лейтенанта Я. А. Минкина и двух автоматчиков. Проехав на лошадях темной ночью около десяти километров, Минкин только на рассвете разыскал Смирнова.

— Где же вы так долго? — возмутился Минкин. — И почему все без погон? Смирнов огорченно взмахнул рукой:

— И не спрашивай! Влетели как кур во щи... Можно сказать, с того света возвращаемся...

Оказалось, причина отставания колонны с боеприпасами была весьма уважительная. Вот что произошло в ту [102] злосчастную ночь. После прорыва вражеской обороны в районе Зеелова для задержки продвижения наших войск фашисты оставляли в засадах танки, специальные подразделения и группы. Одна из таких групп в составе не менее взвода, двигаясь верхом на лошадях, внезапно напала на группу Смирнова. Наши воины вступили в неравную схватку, однако победить не смогли, были схвачены гитлеровцами и подвергнуты пыткам. Но как их ни пытали, никто не проронил ни слова.

Разъяренные гитлеровцы посрывали с них погоны и, выстроив в одну шеренгу, приготовились учинить над ними кровавую расправу.

Но тут вдруг послышался приближающийся рокот наших танков. Фашисты испугались и бросились наутек.

После взятия Зееловских высот в бригаду поступила листовка с призывом военного совета армии: «Товарищи! Зееловские высоты пали. Оборона врага прорвана. Впереди — Шпрее и Берлин. До Берлина осталось 50 километров. Вперед, чудо-богатыри!»

В ночном бою 20 апреля бригада захватила плацдарм на западном берегу реки Лекник. В этом бою погиб Федор Евтихевич Потоцкий. Бросившись вперед, увлекая за собой в атаку бойцов, он был сражен вражеской пулей. Пуля, пробив орден Красного Знамени, остановилась в сердце. В темноте под шквальным огнем наши автоматчики не смогли подобрать его. Найти и доставить убитого в штаб удалось лишь опытному разведчику, старшине коммунисту Н. Ф. Евдокимову.

У генерала Н. К. Попеля от страшной вести о гибели Потоцкого потемнело в глазах; «Умницу, храбреца, настоящего коммуниста, прошедшего

невредимым десятки боев, смерть настигла у ворот Берлина. Еще две-три недели — и наступит великое счастье Победы! Но пока приходится платить за нее: гибнут самые дорогие люди».

Гибель Потоцкого сжимала сердце у всех, кто его знал, кому приходилось с ним общаться, кто слышал это имя по рассказам других. Н. К. Попель, высоко ценивший светлый ум и негибемое мужество этого человека, впоследствии вспоминал:

— Эсэсовский карательный отряд, отбив у наших разведчиков село, приступил к расстрелу местных жителей за то, что они выбросили белые флаги. Узнав об этом, Потоцкий поднял бойцов в атаку и спас немцев — стариков, женщин, детей. А сам погиб в этой схватке. Тяжело давались нам эти последние километры войны: могилами [103] Федора Потоцкого, Владимира Жукова и сотен других ветеранов метила армия путь к великой цели — Победе!

Добрым словом вспоминает Ф. Е. Потоцкого и бывший командир корпуса генерал армии А. Л. Гетман:

— Когда было особенно трудно, в боевых порядках на самых опасных участках вместе с командирами возглавляли атаку работники политотделов бригад, замполиты частей и подразделений. Многие из них, подобно подполковнику Ф. Е. Потоцкому, пали в этих боях смертью героев оставив о себе благодарную память в сердцах наших воинов, всех советских людей...

Смерть не изменила выражения его лица. Он лежал гордо сжав губы, словно что-то обдумывал перед ответственным выступлением. Никак не верилось, что он мертв. Казалось, только на минутку сомкнул глаза от усталости.

Похоронили его в центре Ландсберга. Слесари роты технического обеспечения прикрепили к пирамидке отшлифованную металлическую табличку с надписью «Трижды орденосец гвардии подполковник Федор Евтихиевич Потоцкий».

Чем ближе к Берлину, тем больше разрушений, разбитой техники, изрытой бомбами и снарядами, испещренной зигзагами траншей и пунктирами щелей земли. В посеченном сосновом лесу, куда мы въехали, редкое дерево имело целую, неповрежденную верхушку. И гитлеровцы продолжали его сечь. Наземной артиллерии, видимо, на этом участке у них уже не было, и они секли из зениток. На одном из крутых поворотов просеки Шевченко на большой скорости резко затормозил, сдал назад, затем, оглядываясь на левое заднее колесо, медленно повел машину вперед.

— Что, Леша, мина? — поинтересовался майор Чулков, подсевший к нам в кабину.

— Нет, молоденькая сосенка...

— Так ты ее объезжал?

— Жалко давить, пускай растет!

— Все равно зенитки срежут...

— А может, она, как и вы, в рубашке родилась...

В этом же лесу мы встретили пожилого немца, ехавшего на повозке. Ничего в этом не было примечательного, если бы не его приветствие. Сначала

он вытянул вперед правую руку ладонью вниз, но тут, очевидно одумавшись, поспешил приветствовать по-ротфронтовски — поднял руку с зажатым кулаком вверх, энергично и долго потрясая ею над головой. [104]

— Совсем другое дело,— заметил кто-то из политотдельцев, и мы ответили немцу тем же.

Ночью, продвигаясь лесной дорогой, наткнулись на только что брошенного новенького «оппель-адмирала». Тихо выстукивал мотор. Освещена панель. Тикают часы. От передних фар далеко в ночную тьму врезаются два луча. Оглянулись по сторонам — и след простыл, сбежали... И рыба, видно, крупная...

Утром высоко в небе надсадно проурчала «рама», разбрасывая свой бесполезный груз — листовки. Ради интереса подняли одну: «От Берлина вы недалеко. Но вы не будете в нашей столице. В Берлине 600 тысяч домов, и каждый — это крепость, которая будет для вас могилой».

— А мы их возьмем! — разорвав в клочки листовку, уверенно сказал Шевченко. И добавил: — Ибо нет таких крепостей, которых бы не взяли большевики!

Бригада вела наступление в направлении Мюнхеберга, Фридрихсхофа, Шенефельде. У дороги указатель: «До рейхстага — 15 км». На перекрестках полевых дорог и улиц городов все чаще встречались девушки-регулирующие. Они так четко и ловко исполняли свои обязанности, что порой хотелось остановиться, полюбоваться. Но их строгие, беспрекословные жесты и стрелочки-указатели «До Берлина... км» никому не давали права сколько-нибудь задерживаться.

Чем ближе к Берлину, тем более ожесточенный характер принимали бои. За первый день наступления бригада продвинулась всего на 12 километров. Выйдя на кольцо берлинской автострады, к утру 20 апреля мы достигли широкого ручья со взорванным мостом в районе Лиденберга. С боем преодолев его на подручных средствах, мотострелки с ходу бросились в атаку на западном берегу и, очистив его от фашистов, обеспечили переправу танковых бригад по только что наведенному саперами мосту.

Продолжались вражеские налеты с воздуха. Вместе с бомбами гитлеровцы бросали листовки с угрозами, что вот-вот будет применено новое оружие, которое всех нас моментально уничтожит.

К обеду 22 апреля дежурный на телефонном коммутаторе штаба бригады Саша Солодов принял из политотдела корпуса телефонограмму, извещающую, что утром взвод Младшего лейтенанта К. В. Аверьянова из 44-й гвардейской танковой бригады полковника И. И. Гусаковского, сломив яростное сопротивление гитлеровцев, ворвался на восточную окраину Берлина Уленхорст и в 8 часов 30 минут над [105] зданием штаба фольксштурма водрузил Государственный флаг нашей Родины.

Однако дальнейшие события в этом районе развивались не так, как нам хотелось. Гитлеровцы резко усилили сопротивление, отрезав бригаду Гусаковского от остальных соединений корпуса. На помощь ей были брошены другие танковые бригады и 27-я гвардейская мотострелковая. Общими

усилиями гитлеровцы здесь были разгромлены.

Далее — Карлсхорст. Наши мотострелки с вечера 22 апреля действовали совместно с 40-й гвардейской танковой бригадой, очищали Уленхорст от вражеских автоматчиков. На следующий день вслед за танкистами вели наступление к Карлсхорсту. 23 апреля после упорных боев вышли к р. Шпрее.

Вечером подразделения бригады облетела радостная весть: за прорыв вражеской обороны и успешное наступление на Берлин приказом Верховного Главнокомандующего в числе отличившихся соединений и частей была объявлена благодарность и личному составу нашей бригады.

Форсирование Шпрее началось в ночь на 24 апреля силами 27-й гвардейской мотострелковой бригады. Она должна была захватить плацдарм на противоположном берегу и обеспечить переправу остальных частей и соединений корпуса. Саперы и мотострелки быстро подготовили необходимые подручные средства и приступили к делу. Начало положили, переправившись под покровом темноты, 3-й мотострелковый батальон подполковника М. С. Безматерных и противотанковая батарея лейтенанта А. Н. Азарова.

В числе первых противоположного берега достиг ветеран бригады командир отделения связи Безуб. Под свинцовым огнем несколько раз переплывал реку ефрейтор А. А. Смирнов (тогда он уже был не сапером, а связистом), восстанавливая прерванную телефонную связь. Взрывом мины был контужен, а кабель перебит. Зубами зачистив оборванные концы, он соединил их. На берегу Смирнов осмотрел себя и очень удивился: полы шинели изрешечены, на них более двадцати дырок, сам же он не задет, только шум в голове от контузии...

Река уже позади. Гитлеровцы не прекращали огня из всех видов оружия. Но это не останавливало наших смельчаков. Прямо с берега на врага стремительно бросились мотострелки. Быстро развернулись, открыли огонь орудия А. Н. Азарова. Мощными ударами наступающие отбросили гитлеровцев назад. Не помогла им и контратака. [106]

В этом бою особенно отличилась противотанковая батарея лейтенанта А. Н. Азарова. Фашисты бросили против этой батареи две роты пехоты с пятью танками и артиллерией. Завязалась ожесточенная схватка, в результате которой были выведены из строя несколько наших артиллеристов, в том числе два командира взводов. Лейтенант Азаров едва управлялся. Ему приходилось непрерывно бегать от орудия к орудью — ставить задачи расчетам, а то и самому открывать замок орудия, браться за маховики наводки, вести огонь. Следуя примеру своего командира, личный состав батареи геройски отразил натиск врага, уничтожив около 200 гитлеровцев, один танк, 12 пулеметов. Умело организовал отсечный огонь по врагу командир минометного батальона майор В. В. Романов. Успешными действиями мотострелковых подразделений руководил заместитель командира батальона по политчасти старший лейтенант А. Д. Сейранян.

Подвиг наших воинов на Шпрее получил высокую оценку. За стойкость и отвагу командование наградило весь личный состав батареи и многих мотострелков орденами и медалями. Ветерану бригады лейтенанту А. Н.

Азарову было присвоено звание Героя Советского Союза. Высокие награды получили также многие воины батареи Г. Е. Курдыбайло.

Вслед за передовым отрядом через Шпрее переправились остальные подразделения бригады. С тяжелыми боями они продвигались к Трептов-парку. Заняли часть парка, прорвались к проходящей к западу от него железной дороге и заняли оборону, ожидая подхода главных сил корпуса. Во взаимодействии с подоспевшими танкистами мотострелки к исходу дня полностью овладели Трептов-парком.

В то время для ведения круглосуточных уличных боев начали создаваться штурмовые отряды, в состав которых входили танковая рота, батареи самоходных установок, противотанковые орудия, подразделения разведчиков, автоматчиков, саперов. Один из таких отрядов возглавил командир зенитно-пулеметной роты нашей бригады старший лейтенант В. В. Латышев. Мотострелковые батальоны в Берлинском сражении действовали, как и ранее, в едином строю с танкистами.

И вот Берлин... Улицы перекрыты баррикадами из опрокинутых трамваев, автобусов, бревен, мосты через каналы и многие улицы заминированы. Каждый дом — опорный пункт. За каждым окном если не фаустник, то пулеметчик, автоматчик, снайпер. Бои тяжелые, невиданные. За каждый [107] дом, этаж, лестничную клетку, квартиру. В окнах взятых штурмом домов — белые полотнища, на крышах — алые флаги. Впереди танков идет мотопехота. Особенно трудно даются нам бронеколпаки, в которых укрываются гитлеровцы и ведут оттуда прицельный огонь.

День сменился ночью, а бои не утихали. Территория, которую фашисты с отчаянием обреченных еще судорожно удерживали, с каждым часом все уменьшалось. Поэтому авиация уже не могла наносить противнику бомбовые удары.

Когда наша бригада совместно с 40-й гвардейской танковой вечером 27 апреля подошла к Ангальтскому вокзалу, там в тупике оказалось много готовых к отправке железнодорожных эшелонов.

— Во, целый вагон шоколада!

Взяли по плитке — сколько его съешь? Утром, увидев поблизости голодную немецкую детвору, бойцы начали раздавать плитки шоколада. Не берут! А если берут, то с опаской, не едят, боятся, видно, что отравлен. Пришлось нам в виде исключения нарушить строжайший запрет пользоваться трофейными продуктами. Мы отламывали от каждой плитки по маленькому кусочку и на глазах детей съедали его. Пример в этом, между прочим, показал сам комбриг полковник К. К. Федорович.

Глядя на детей, начали все смелее подходить к вагону женщины, старики. Угощали и их.

Во время короткой остановки у вокзала нашли себе занятие артиллеристы. Раздобыв где-то краску и кисточки, меловые палочки, они на каждом снаряде делали надписи: «Рейхсканцелярия, Гитлеру», «Министерство пропаганды, Геббельсу», «Министерство авиации, Герингу», «На, Гитлер, получай!»

Как и прежде, все политотдельцы находились в подразделениях. И новый

начальник политотдела майор Калинин тоже. Несмотря на сложность и специфику боев в условиях большого города, ни на час не прерывалась действенная партийно-политическая работа. Политработники напоминали воинам «Указания Военного совета 1-го Белорусского фронта об организации ведения боя за крупные города Германии». Не прекращался прием в партию и комсомол, выдача партийных и комсомольских документов. Вели работу агитаторы, чтецы. Партийные и комсомольские организации с каждым днем растут, достигая около двух третей личного состава.

Начиная с форсирования р. Шпрее, в боевых порядках [108] 3-го батальона непрерывно находился военврач майор Б. И. Хавин. В сложных условиях он умело расставил санитарные силы, организовал вынос раненых с поля боя и оказание им первой помощи с последующей эвакуацией в тыл. Только в Берлине через санчасть батальона прошло 258 раненых, 134 из них, наиболее тяжелым, помощь оказал сам Б. И. Хавин. Отличался он и раньше. В армейской многотиражке «На разгром врага» еще 21 апреля 1943 года было опубликовано письмо красноармейца Сухорученкова и лейтенанта Сидорова «Спасибо вам, товарищи», в котором отмечалась самоотверженная работа батальонного врача.

В разгар боев в Берлине наша бригада получила приказ очистить от противника парк Тиргартен. Сопrotивление гитлеровцев здесь было исключительно упорным. В этом бою особенно отличился пулеметный расчет сержанта Колесникова. В политдонесении политотделу армии, которое я готовил, приводился рассказ рядового Кудряшова — единственного оставшегося в живых из всего расчета.

«В полдень 29 апреля,— вспоминал Кудряшов,— немцы перебежками устремились к зданию, что находилось от нас не более чем в пятидесяти метрах. Судя по всему, они решили, что правый фланг нашего мотострелкового батальона оголен и есть возможность зайти к нам в тыл. Сидим в засаде, выжидаем. Гитлеровцы пошли вперед, и, когда до них оставалось метров тридцать, не больше, мы открыли огонь. Фашисты разбежались, оставив на подступах к нашей позиции много трупов.

Мы помнили гвардейское правило: если расчет обнаружил себя, на старой позиции оставаться нельзя. Перетащили пулемет в другой отсек дома. Фашисты опять подготовились к атаке. Очевидно, для гарантии забросали здание фаустпатронами. Мы молчим. А когда противник двинулся в нашу сторону — изрешетили его пулеметными очередями... Но в бою ранены Колесников и подносчик патронов. Ложусь за пулемет. Враг опять атакует. Немцы лезут к нашему укрытию. У меня под рукой всего шесть гранат. И вдруг вижу: наш раненый командир поднимается, кладет в карман гранату и, выйдя из укрытия, бежит навстречу фашистам. Те на несколько секунд прекратили огонь, видимо полагая, что советский воин бежит к ним, чтобы сдаться в плен. А я лежу за умолкшим пулеметом и вижу, что Колесников уже едва передвигает ноги, шатается, держится за грудь.

Еще две-три секунды — и из-за угла наперерез [109] Колесникову

бросились три фашиста. Дыхание у меня перехватило. И тут же раздался взрыв. Фашисты, не успев схватить нашего израненного командира, взлетели на воздух. Погиб и Колесников, уничтожив трех гитлеровцев».

Так, ломая отчаянное сопротивление врага, мы почти вплотную подошли к зданию имперской канцелярии. Но тут последовал приказ прекратить наступление, чтобы наступающие со всех сторон к центру города советские войска не попали под огонь своих. Мы были выведены из боя и сосредоточились неподалеку от рейхстага, в парке Генриха V.

К вечеру 30 апреля в штаб бригады одна за другой поступили две радостных телеграммы. Первая о том, что войска генерала Кузнецова водрузили флаг Победы на втором этаже рейхстага, а части генерала Берзарина подошли к Бранденбургским воротам и к восточной стороне имперской канцелярии. Вторая: взят рейхстаг, и над ним заалело Знамя Победы!

Бригада получила еще одну, последнюю задачу: уничтожить фашистов, засевших в зоологическом саду и юго-восточной части порта Тиргартен.

В зоологическом саду перед воинами бригады предстала ужасная картина. В прудах для морских животных и водоплавающей птицы — ни единого обитателя, ни капли воды. Клетки, вольеры разбиты. Редко какое дерево уцелело.

Начали строить захваченных в плен. Они молчат, уставив на нас обезумевшие глаза. Никак не придут в чувство после боя. В одной из клеток наше внимание привлек попугай. Он, ко всеобщему удивлению, оказался на редкость понятливым: вместо давно заученного возгласа «Хайль Гитлер» начал по солдатской подсказке браво выкрикивать другой: «Гитлер капут!»

Среди немногих чудом уцелевших обитателей зоосада оказался и весьма воинственный козел. Он пошел на нас «в атаку», и поэтому никто не удивился, когда позже «за мужество, отвагу и стойкость в период осады зоосада» автоматчики отметили его высшей полководческой наградой Третьей империи — Железным крестом с дубовыми листьями. Повесили ему этот орден на шею вместо колокольчика.

Но все это было потом, после Победы. А тогда в агонии фашисты еще упорно сопротивлялись. Над дымящимся, грохочущим городом низко пролетали самолеты, обстреливая площади и улицы, сбрасывая бомбы и листовки. На некоторых домах фашисты сделали белые надписи: [110] «Берлин будет немецким». Под одной из них кто-то из наших воинов уточнил: «Правильно, но без фашистов!»

В день Первомая над Берлином пронесся небольшой строй наших штурмовиков, сопровождаемый истребителями. За штурмовиками развевались на ветру длинные алые полотнища — знамена, на которых четко виднелись крупные надписи: «Да здравствует 1 Мая!», «Слава советским воинам, водрузившим Знамя Победы над Берлином!», «Победа!» После облета города полотнище с надписью «Победа!» самолет спустил над обгорелым куполом рейхстага.

Услышав трансляцию Первомайского парада в Москве, сержант Сальми включил на полную мощь трофейную радиоустановку «Агфа». Послышался

знакомый голос Юрия Левитана:

«Воины Красной Армии! В завершающих боях покажите новые образцы отваги и воинского умения. Крепче бейте врага, умело взламывайте его оборону, преследуйте и окружайте захватчиков, не давайте им передышки, пока они не прекратят сопротивление...».

По случаю Первомайских праздников и приближающегося завершения Берлинской битвы командование и политотдел бригады направили в подразделения открытки, выпустили листовки, в которых призывали воинов к нанесению последних решительных ударов по врагу.

Да, бои все еще продолжались.

Для овладения западной частью Тиргартена 27-й гвардейской мотострелковой бригаде необходимо было переправиться через канал Ландвер. В ходе боя гитлеровцы взорвали единственный уцелевший мост. Наши саперы к вечеру его восстановили. Ворвавшись по нему в Тиргартен, мотострелки совместно с частями усиления продолжали громить врага до полуночи. Оттеснив его за улицу Лихтен-аллее, они закрепились здесь в ожидании рассвета, чтобы нанести новый удар.

К общей радости, удар больше не потребовался. Улица Лихтен-аллее была последним огневым рубежом бригады. В эту ночь фашистский штаб обороны города объявил по радио на немецком и русском языках, что столичный гарнизон прекращает военные действия и высылает своих парламентариев. Соответственно от командира корпуса мы получили приказ: 2 мая в 6 часов утра прекратить огонь.

В 10 часов бригада соединилась с частями нашего корпуса, корпус соединился с войсками других армий, принимавших участие в боях в районе Тиргартена. Со всех сторон [111] люди устремились к площади Гроссенштерн. Их непередаваемая радость вылилась в стихийно возникший митинг. Это были первые часы Великой Победы.

Итак, умолкла канонада. Стало непривычно тихо. По разрушенным улицам потянулись вереницы пленных. Боязливо озираясь, появились жители города. Изможденные и голодные, они собирались группками возле убитых лошадей, выстраивались в очереди в терпеливом ожидании, пока один из них, полосуя топором лошадиную тушу, не подаст кусок конины. Враги, считай, наши заклятые, а посмотришь — жалко...

— Эй, кок! — окликает повара майор Чулков. — Не осталось ли чего с обеда? Осталось? Поделись с ними. Видишь, конину дохлую собираются есть...

Немцев приглашают подойти к походной кухне. Они не верят. Удивляются, но идут.

Наши воины извлекают из вещмешков плитки шоколада. Немцы повеселели, заулыбались: «Я, я, зер гут... Филь данке, камрад!» Здесь же встречаю солдата со шрамом, у которого эсэсовцы убили жену и дочурку в Погорелом Городище, а он на подступах к Берлину спас девочку со слепым дедом... В его глазах — слезы. То ли от радости, то ли от горя — своего и

чужого. Узнав меня, он перехватывает мою руку, крепко сжимает ее и говорит сквозь слезы:

— Дошли!..

Дошли, к сожалению, не все. Сколькими могилами помечен наш трудный путь от стен Москвы до Берлина! Сколько уже вот здесь, в фашистском логове, полегло наших боевых друзей! 1 мая на одной из улиц Берлина пал двадцатидвухлетний майор В. А. Бозбей. На подступах к Берлину погиб командир 2-го батальона майор Магера. Гибли наши воины, когда уже, казалось, с войной покончено, уже уничтожен фашизм и наступил светлый день мира. В Берлине настигла вражеская пуля М. С. Безматерных. Он был тяжело ранен. Погиб начальник штаба минометного батальона В. Т. Глайборода.

В последующие дни бригада передислоцировалась на южную окраину города. С падением Берлина война для нас уже окончена. Постепенно привыкали к тишине и ночному свету. Где-то еще продолжались бои, еще ждала своего освобождения Злата Прага. Но вот-вот, не сегодня завтра наступит долгожданный день Победы!

Предчувствием совсем близкого конца войны жили в те [112] дни все воины. Скоро, скоро... В политотделе бригады до поздней ночи не выключали радиоприемник. Никому не хотелось спать. Все с нетерпением ждали...

Наступило девятое мая. Во втором часу ночи слышим знакомые позывные: «Широка страна моя родная...» А потом голос Юрия Левитана: «Внимание, внимание! Через несколько минут будет передано важное сообщение». Радость безграничная, потрясающая охватила всех нас. Ну, конечно же, это она, наша великая, долгожданная Победа!

Мы все помнили. И трудное начало. И нерадостные сообщения Советского Информбюро, от которых сжималось сердце: опять «советские войска оставили город...» И коренной перелом в ходе войны, когда враг не устоял перед сокрушительными ударами Красной Армии, попятился и начал неудержимо откатываться туда, откуда пришел. Помнили... Те, кому посчастливилось дожить до светлого дня Победы.

Мы плакали от радости, обнимались, целовались, делились своей радостью со вчерашними врагами: «Камрад, криг капут!» До утра о сне ни у кого не было и мысли. Утром поднялась сильнейшая пальба — будто опять начался штурм. Кто из чего — из автоматов, пистолетов, винтовок, пулеметов и даже пушек, все стреляли.

Стрельба не утихала весь день. То был салют Победы, последние, уже мирные выстрелы Великой Отечественной войны, с них начинался отсчет послевоенного времени.

Наступило второе мирное утро. Была война — была работа. А теперь даже как-то не по себе: что делать, чем заняться? Чем теперь будет занята армия? Да и нужна ли она? Но вот вдруг слышатся команды:

— Становись, равняйся!

Начинаются занятия. Строевая подготовка. Политическая. Боевая, Боевая никак не укладывается в голове. К чему все это солдату, прошедшему всю войну и победившему? Так казалось. Но надо было опять привыкать к тому, что

когда-то было обычным в жизни армии. Так и должно быть.

Еще через несколько дней началась массовая демобилизация.

— Срочно берись за подготовку фронтовых документов к сдаче в архив,— сказала мне майор Чулков. — Слыхал, бригада расформируется... Переходим в другую часть.— Затем спросил: — Так сколько там на нашем счету принятых в партию за три неполных года?

Раскрыли книги. Цифра весьма внушительная — более двух с половиной тысяч. [113]

В один из первых мирных дней после завтрака — построение. К плацу подкатывает черный «мерседес». Из него выходят командующий армией генерал-полковник танковых войск М. Е. Катукон и член Военного совета генерал-лейтенант танковых войск Н. К. Попель. В торжественной обстановке воинам бригады, отличившимся при штурме Берлина, командарм вручает награды, а потом говорит:

— Кто в бригаде со времени ее формирования — пять шагов вперед.

Строй слегка нарушился. Позванивая орденами и медалями, вперед вышли ветераны: майор В. В. Романов, капитаны Л. И. Чурсин и И. Я. Рылеев, старшие лейтенанты А. Н. Азаров, В. И. Вязанкин и Витко, старшина Царев, лейтенант М. Я. Альтман, сержант Н. П. Костиков... Всего не более полтора десятка человек...

Неужели это все? Конечно, не все погибли. Многие убили по ранению или болезни, иные после госпиталей попали в другие части. И все же какую высокую цену заплатили мы за Победу!

Горло сдавливали спазмы. Потрясенные, мы с минуту в напряженной тишине смотрели друг на друга, не находя слов от волнения. Наконец командарм подошел к нам, обнял каждого, поцеловал, пожелал счастья и здоровья.

С большой проблемой в это время столкнулся наш замечательный фотограф, художник, музыкант, киномеханик, переводчик сержант Сальми: куда ехать? Шофер кинобудки Корнилов сагитировал к нему на Черкасщину, в Бабанку.

В СЕРДЦАХ НАШИХ

Во время моего первого послевоенного посещения Скалы-Подольской могила капитана Н. С. Брюзгина еще была на месте. С пирамидкой, фотокарточкой и надписью. Но в 1947 году я уже ее не увидел, ибо все останки погибших перенесли в скверик, примыкающий к центральной улице поселка, и перезахоронили в братской могиле, но на длинных столбиках надгробных плит его имя почему-то не значилось. Где же Брюзгин?

В поселковом Совете, райисполкоме, военкомате в недоумении пожимали плечами: «Не знаем. Никаких сведений о его гибели и захоронении не сохранилось». Пришлось доказывать. Разыскал вдову Брюзгина Дору Васильевну, попросил выслать копию похоронки. В книгу погибших в

военкомате внесли запись. [114]

Место, где был похоронен Брюзгин, помню отлично. Прошу в поселковом Совете:

— Вот здесь, на Базарной площади, в нескольких метрах от изгороди надо раскопать.

Раскопали. Останки военнослужащего. Звездочки на погонах... Да, это он, мой фронтовой друг. Слева от братской могилы вырос свежий холмик. Возложили цветы, венки... Рассказываю о друге в районной газете «Надзбручанская правда». Вскоре имя Николая Степановича Брюзгина было присвоено пионерской организации средней школы № 1, одной из улиц поселка. При активном содействии председателя райисполкома И. Г. Королева и секретаря И. А. Гащука со временем на могиле устанавливается гранитный памятник. Пионеры завязывают переписку с вдовой героя.

— Вот разыскать бы его фронтовое фото! Уж очень хотели бы мы увидеть, каким он был на войне! — мечтают ребята.

Пишем однополчанам — бывшему политотдельскому фотографу Иосифу Карловичу Сальми, бывшему шоферу кинобудки Виктору Антоновичу Корнилову — нет, ни у кого нет. Спрашиваю всех подряд во время традиционной встречи ветеранов 11-го гвардейского танкового корпуса в Москве — нет. Один лишь подполковник С. А. Михельзон обнадежил: «Посмотрю, кажется, есть на групповом снимке». Нашли. У Михельсона сохранился снимок, о котором я совершенно забыл. Это было перед началом Курской битвы. Подполковник собрал нас на совещание, после которого, когда мы с капитаном Лахтионовым уже начали уходить, кто-то окликнул:

— Вернитесь, Смотрин щелкает!

Таким образом пионеры получили еще один ценный экспонат для своего уголка, посвященного капитану Брюзгину.

У братской могилы в Скале-Подольской ежегодно в день освобождения поселка от немецко-фашистских захватчиков и в День Победы собираются огромные толпы людей на митинги, на которых часто бываем мы с бывшим автоматчиком бригады, ныне рабочим Каменец-Подольского кабельного завода Василием Ивановичем Ключаревым.

В 1959 году после опубликования воспоминаний о капитане В. А. Лахтионове я побывал в г. Городенко, где похоронены вместе со многими другими однополчанами замполит 2-го батальона В. А. Лахтионов, командир 1-го батальона майор А. И. Кулявин и много других наших однополчан. Встречался с трудящимися с. Тышковцы, с пионерами [115] Чернятинской средней школы, которые, прочитав в районной газете воспоминания о Лахтионове, решили назвать его именем свою пионерскую дружину.

С назначением меня руководителем городской секции ветеранов 1-й гвардейской танковой армии работа по увековечению памяти героев-однополчан значительно облегчилась. Теперь обращаюсь в местные органы уже не как частное лицо, а от имени секции.

Письма, отклики, запросы... Переписка с пионерами, архивами, музеями, однополчанами, Советами народных депутатов, райкомами, горкомами

комсомола.

Нашелся Виктор Анатонович Корнилов, с его помощью — Иосиф Сальми. Отозвался Гавриил Иванович Чулков. Через Чулкова нашли Мясищева, через Мясищева — Воронцова...

Из писем узнаю: Г. И. Чулков — заместитель заведующего отделом Волгоградского областного Совета народных депутатов; П. Я. Костюков — начальник троллейбусного управления в Запорожье, награжден орденом Трудового Красного Знамени; И. К. Сальми, обосновавшись на Черкасщине, работает учителем средней школы, не расстается с музыкой и фотографией; В. А. Корнилов — механик маслозавода; М. Г. Гуменный — заместитель директора Пензенского механического завода; П. А. Тайберг — заместитель директора научно-исследовательского института; бывший разведчик старшина Евдокимов, возвратившийся с войны инвалидом, продолжает трудиться на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства; доктором медицинских наук стал бывший фельдшер батальона инвалидов Отечественной войны З. И. Красовицкий. Полковник С. А. Гусарин, подполковники В. В. Романов и С. А. Михельзон, капитан Л. В. Юмин — на пенсии.

Нашлась после долгих поисков Марфа Рубан. Как сменила в сорок четвертом году красноармейскую гимнастерку на белый халат, так и не снимает его до сих пор. Ее единственная дочь Людмила Андреевна, родившаяся после гибели отца, врач-невропатолог. Несколько лет назад они посетили братскую могилу и улицу А. И. Кулявина в Городенко, встречались с пионерской дружиной в Топорове.

Продолжает трудиться бывший начальник химической службы 1-го мотострелкового батальона Я. А. Минкин. Окончив военную академию, многие годы отдал службе в Советской Армии, в звании подполковника уволился в запас. Разменяв девятый десяток, до последних своих дней оставался в строю наш «батя» майор Г. М. Павленко. [116] Из-под Ржева он был отозван на должность заместителя начальника эвакогоспиталя по политчасти. С войны вернулся орденоносцем. Работал заместителем председателя райисполкома, заведующим районо, директором школы. Выйдя на пенсию, не оставлял общественную работу. Кроме военно-патриотической, увлекался атеистической пропагандой. Его сын — тот Славик-первоклассник, для которого в сорок втором году мы собирали на посылочку сухари да кусочки сахара, ныне Вячеслав Гаврилович — кандидат исторических наук.

Бывший командир зенитно-пулеметной роты Владимир Владимирович Латышев пишет: «Каким чудом остались живы мы с Александром Иосифовичем Элгендарашвили, когда вместе на Курской дуге 12 июля прикрывали отход бригады, не знаю...».

Демобилизовавшись из армии в 1947 году, капитан В. В. Латышев в полном смысле этого слова сменил меч на орало — по окончании сельскохозяйственного института 14 лет проработал председателем колхоза в Закарпатье, многие годы возглавляет инспектуру государственной комиссии по испытанию сельскохозяйственных культур. Он тоже нас искал. Не так давно в поисках однополчан он обратился с письмом в «Правду Украины». Нашли мы

друг друга. Вскоре нашелся и бывший командир саперного взвода Николай Сергеевич Максимов. С Максимовым посчастливилось встретиться. Узнали друг друга не сразу, только с помощью фронтовых фотографий. У него, как и у Сальми, по окончании войны возник вопрос: куда податься. На Пензенщине, где родился и вырос, из родных никого не осталось, ехать некуда. В поезде друзья уговорили: «Выходи с нами!» Вышел в Киеве. Поступил на службу в МВД. Работая, заочно окончил юридический факультет университета. Прослужил до пенсии. Подполковник в отставке.

В 1973 году бывший командир корпуса генерал армии А. Л. Гетман в своей книге «Танки идут на Берлин» вспомнил про Иллариона Тимофеевича Есипенко. Вспомнил как о человеке исключительной храбрости, герое гражданской войны, отмеченном за подвиги в боях орденами и почетным оружием. Где же он? Жив ли?

Жив! В списке однополчан, разосланном советом ветеранов корпуса, вижу его фамилию.

«Из бригады,— пишет Илларион Тимофеевич,— меня отозвали в академию Генерального штаба имени К. Е. Ворошилова. Оттуда Маршал С. М. Буденный, хорошо знавший меня лично, взял к себе, в свое распоряжение...» [117]

В 1949 году И. Т. Есипенко, тогда директору конного завода, было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награжден тремя орденами Ленина, пятью — Красного Знамени, орденом Красной Звезды, четырнадцатью медалями и почетным оружием. Почетный гражданин городов Уральска, Кизляра, Моздока, Железноводска.

Выходят на связь многие друзья-однополчане. Среди них — шесть воинов с Хмельниччины. Живут, что называется, под боком. И если бы не список, так и не знал бы, наверное, о них. Когда же нашлись, прошу откликнуться.

Пишет бывший пэтээровец из Хмельницкого Филимон Иосифович Побережный. Вспоминает свой первый бой.

Алексей Аксентьевич Гринчук вспоминает ряд боевых эпизодов, хорошо известных и мне. Мысленным взором возвращается ветеран в раннюю весну сорок пятого. Видится ему суровое, разбушевавшееся Балтийское море, неприветливое, с длиннющей песчаной косой, из-за которой остервенело бьют по нашим огненным позициям тяжелые корабельные орудия. Когда кончился бой, в роте старшего лейтенанта Логвинова, где Гринчук тогда воевал, в живых осталось всего-навсего 17 бойцов.

Бывший пулеметчик из поселка Белогорье Иван Алексеевич Паламарчук вспоминает тяжелые бои в предместье Берлина. Бывший автоматчик из с. Самчики Староконстантиновского района Николай Платонович Манкевич пишет о ефрейторе В. А. Митрюховиче, на могиле которого друзья оставили письмо от его матери: «Ты скоро вернешься, построим новую хату, оставим землянку...»

Майор в отставке Манкевич продолжает работать в опытном хозяйстве Хмельницкой областной сельскохозяйственной станции инженером и ведет большую общественную работу. Он основал комнату-музей нашего земляка

Героя Советского Союза Николая Архиповича Прокопюка, сейчас работает над созданием военно-исторического музея Староконстантиновского района. Выступает с воспоминаниями перед молодежью. Продолжают работать Ф. И. Побережный, А. А. Гринчук, И. А. Паламарчук.

Откликнулся неугомонный трудяга — бывший начальник снабжения горюче-смазочными материалами Леонид Иванович Чурсин. Он окончил институт, защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время работает заведующим сектором в Московском научно-исследовательском институте Министерства тракторного и сельскохозяйственного машиностроения.

Советы ветеранов корпуса и армии исправно исполняют [118] обязанности адресных столов. Не было бы совета ветеранов — не встретились бы однополчане в Москве ни во время празднования тридцатилетия Победы, ни в следующие годы, не встретился бы я в Измайловском парке столицы с Анатолием Прохоровичем Николаевым, с которым служили в одном, 11-м гвардейском танковом корпусе, а сейчас живем в одном городе. Вряд ли повидался бы с политотдельцами, с Героем Советского Союза А. Н. Азаровым, с бывшим начальником артиллерии бригады Пивнем, командиром роты Мамедовым, пулеметчиком И. К. Красноголовцевым, замполитом Сайраняном, многими командирами и политработниками, военачальниками.

Давно уже отгремела война, а для нас она все еще не кончилась. По ночам мы рвемся в атаки. Война продолжает собирать свою смертную дань. Дают о себе знать раны и контузии, болезни и нервное напряжение. Фронтовики преждевременно уходят из жизни.

Не прожив и пятидесяти лет, умер майор запаса В. В. Вязанкин, умерли рядовой М. Ф. Кукушкин, последний наш фронтовой комбриг генерал К. К. Федорович, художник из Пензы А. П. Буслаев, заместитель командира бригады по тылу А. И. Письменный, агитатор политотдела А. П. Мясичев, шофер А. Т. Шевченко, капитан И. Я. Рылеев, подполковники М. С. Безматерных и П. И. Воронцов, полковник Г. И. Чулков, рядовой М. Зависляк...

Встречи в Москве у главного входа в Измайловский парк культуры и отдыха, проходящие под девизом «Люки открыли в Берлине», совет ветеранов организует ежегодно в День Победы и День танкистов. Время от времени мы собираемся в Центральном Доме Советской Армии.

Этих встреч ветераны ждут с большой радостью. Трудно представить, что придет время, когда никого из нас не будет и совет ветеранов прекратит свое существование.

А пока, поскольку, как гласит мудрая восточная пословица, «часы идут, дни бегут, годы летят», надо торопиться. Именно поэтому я взялся за перо. Живые должны помнить воинов, погибших за нашу Родину. [119]

ПУТЬ МИХАИЛ
СЛОБОДЯН
К БЕРЛИНУ

Морозная ночь. Передний край фашистов непрерывно освещается множеством ракет. Шаг сделали — ложись. Только поднялись — ложись... Нас заметили, ударили из пулеметов, автоматов, минометов... Вжимаемся в снег. Открыли огонь, мелкими перебежками устремились к вражеским траншеям...

Из раздела «На Ржевском выступе»